

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЕРИЯ «НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Основана в 1959 году

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
им С.И. ВАВИЛОВА РАН ПО РАЗРАБОТКЕ
НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ:

академик *Н.П. Лавёров* (председатель), докт. физ.-мат. наук *В.П. Визгин*,
канд. техн. наук *В.Л. Гвоздецкий*, академик *И.А. Глебов*,
докт. физ.-мат. наук *С.С. Демидов*, академик *Б.П. Захарченя*,
докт. физ.-мат. наук *Г.М. Идлис*, академик *Ю.А. Израэль*,
канд. ист. наук *С.С. Илизаров*, докт. филос. наук *Э.И. Колчинский*,
канд. воен.-мор. наук *В.Н. Краснов*, докт.хим. наук *В.И. Кузнецов*,
академик *А.М. Кутепов* (зам. председателя), канд. техн. наук *Н.К. Лама*,
докт. ист. наук *Б.В. Лёвшин*, член-корреспондент РАН *М.Я. Маров*,
член-корреспондент РАН *В.А. Медведев*, докт. биол. наук *Э.Н. Мирзоян*,
докт. экон. наук *В.М. Орёл* (зам. председателя),
докт. техн. наук *А.В. Постников*, член-корреспондент РАН *Л.П. Рысин*,
докт. ист. наук *З.К. Соколовская* (ученый секретарь),
канд. техн. наук *В.Н. Сокольский*, докт. хим. наук *Ю.И. Соловьев*,
докт. геол.-минерал. наук *Ю.Я. Соловьев*,
академик *И.А. Шевелев*, академик *А.Е. Шилов*

В. А. Есаков

**Михаил
Иванович
ВЕНЮКОВ
1832–1901**

Ответственный редактор:
доктор технических наук
А. В. ПОСТНИКОВ

МОСКВА
«НАУКА»
2002

УДК 910
ББК 26.8 г
Е 81

Рецензенты:

кандидат географических наук *И.Г. Нордега*,
доктор философских наук *И.И. Мочалов*

ISBN 5-02-022722-6

© Издательство “Наука”, 2002
© Российская академия наук и
издательство “Наука”, се-
рия “Научно-биографичес-
кая литература” (разработ-
ка, оформление), 1959 (год
основания), 2002

Предисловие

Михаил Иванович Венюков (1832–1901) – выдающийся географ, статистик, этнограф и публицист незаслуженно почти забыт в истории науки. Между тем ему принадлежит видное место в географических исследованиях обширных территорий в Азии, а также в развитии теоретических основ географической науки. Забвение плодотворной деятельности Венюкова произошло из-за неприятия его политических взглядов, открыто противостоящих самодержавию и бюрократическим порядкам в царской России. Его убеждения привели к разрыву с властями, и он был вынужден жить и работать начиная с 1877 г. в Женеве и Париже. Воспитываясь в демократической среде, восприняв патриотические идеи Отечественной войны 1812 г., декабристов, А.И. Герцена и революционных демократов, Венюков всю жизнь боролся за идеалы свободы и равенства, против любых проявлений эксплуатации, лжи и насилия.

Получив профессиональную военно-географическую и университетскую подготовку, он исследовал Дальний Восток, Среднюю и Центральную Азию, Японию и другие страны. Подобно трудам П.П. Семенова-Тян-Шанского, Н.М. Пржевальского, его географо-статистические работы вошли в золотой фонд отечественной науки.

М.И. Венюков активно работал в Генеральном штабе и Русском географическом обществе, осуществляя важные проекты по изучению территории России и зарубежных стран. Он опубликовал несколько классических произведений по описанию регионов вдоль российской границы в Азии, монографии о Японии, Китае, создал первые этнографические карты Северного Кавказа и Азиатской России.

М.И. Венюков принадлежал к блестящей плеяде русских ученых-философов, проявив широту идей в опубликованных работах, а также в рукописях-“исповедях”, ждущих своего издания и глубокого анализа. В них он раскрывал свой внутренний мир и взгляды на общество и науку, которую рассматривал как единую систему знаний о Вселенной и Земле на материалистическо-эволюционной основе. Опираясь на эти идеи, он дает классификацию наук и рассматривает их развитие за последние 40–50 лет, выступая и как историк науки. Материальный мир, по Венюкову, находится в вечном движении, которое подчинено естественным законам диалектического развития и закону сохранения энергии.

М.И. Венюков выделял три категории наук: естественные, гуманитарные и социальные. В естествознании он отмечал фундаментальные науки, как-то: математику, физику, химию, биологию и механику. Особое место он отводил математике, “необходимой из всех наук для каждого” и обладавшей всеобъемлемостью и точностью. Этим отличалась и механика, знание основ которой важно было для исследования природы познания теорий движения и т.п. Физика, по Венюкову, базируется на приложении к ней теоретической механики; химия – наука о закономерных связях и свойствах тел и ее прогресс определяется открытиями Берцелиуса и Д.И. Менделеева. Венюков указывал на большую роль химии в изучении кристаллографии. Биология, основывающаяся на теории Дарвина, имела в своей системе ряд наук. Он подчеркивал зависимость развития биологии от применения достижений химии при изучении живого вещества, раскрытие с ее помощью понимания процессов жизни, ставил вопрос о биохимических исследованиях и формирования их в особую науку.

География, по Венюкову, составляет систему самостоятельных дисциплин: физическую географию (скорее всего, по нашему мнению, общее землеведение), гидрологию, климатологию, биогеографию и др. Геология, в смысле геоморфологического изучения земной поверхности, причислялась им также к географии. Каждая из составляющих географию наук, по его мнению, имеет свой предмет, цели и методы исследования. Характеризуя гидрологию, ученый пришел к идее выделения на Земле “особой водной оболочки”. Синтезирующей отраслью географии он считал страноведение.

Рассматривая естествознание в целом как единую науку, Венюков считал закономерным процесс ее дифференциации, который “неизбежен и логичен”, однако “несколько вредит космическому взгляду на природу, как на нечто целое”.

Что касается гуманитарных и социальных наук, то Венюков относил большую часть из них к менее значимым по своему статусу дисциплинам (“полунаукам”), не подчиненным точным научным законам, хотя признавал социологию более точной дисциплиной, отвечающей на многие вопросы общественной жизни.

М.И. Венюков предстает перед нами как естествоиспытатель, ученый-методолог науки и мыслитель, идеи которого отвечали уровню знаний того времени, а иногда и опережали его. Многие его представления и высказывания актуальны и в наши дни. Его разносторонняя деятельность, безусловно, требует дальнейшего изучения.

Данная монография является лишь первым опытом в освещении жизни и деятельности М.И. Венюкова и главным образом его характеристики как географа и ученого мыслителя. Исследование основывается на многочисленных материалах, оставшихся после него – опубликованных произведениях, воспоминаниях, архивных источни-

ках, сохранившихся в рукописных отделах библиотек и различных архивных хранилищах России. Особый интерес представляют материалы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, Москва), архива Русского географического общества (АРГО, Санкт-Петербург), Рукописного отдела Российской государственной библиотеки (РГБ, Москва, быв. Библиотека им. В.И. Ленина), Рукописного отдела Института русской литературы РАН (Пушкинский дом, Санкт-Петербург, РОИРЛ), архива Хабаровской краевой библиотеки, архива Рязанской области и др.

Автор приносит искреннюю признательность сотрудникам библиотек и учреждений, оказавшим помощь в сборе материала о М.И. Венюкове, благодарит за ценные замечания, сделанные в процессе работы над рукописью И.И. Мочалова, И.Г. Нордегу, Е.В. Есакову и Н.А. Лапину, а также О.С. Романову, Л.Л. Лекай и А.Э. Каримова за подготовку монографии к печати.

Глава 1

Детские и юношеские годы

На Рязанщине. Примерно на полпути между Рязанью и Ряжском, неподалеку от современной железнодорожной станции Сторожилово и старинного тракта Москва–Тамбов, расположено небольшое село Никитинское. Оно теперь относится к Пронскому району Рязанской области и в настоящее время почти не примечательно. Была когда-то церковь, народная школа, помещичьи усадьбы ... Все исчезло. Но в XIX в. село было значительным и довольно богатым. Здесь жили помещичьи семьи и крестьяне, поколения которых, как и всей Центральной России, сделали страну могущественной, богатой и цивилизованной. Вот в этом селе Никитинском 23 июня (5 июля н.ст.) 1832 г. в дворянской семье отставного майора Ивана Андреевича Венюкова родился сын. Он был шестым ребенком в семье. Имя ему нарекли в честь выдающегося русского полководца М.И. Кутузова, приходящегося дальним родственником его матери – Елизавете Михайловне Венюковой (Кутузовой). Отец Венюкова участвовал в Отечественной войне 1812 г., дошел с русской армией до Парижа и по ранению вышел в отставку с пенсией в 750 рублей ассигнациями в год. Вернувшись на родину, он включился в обыденную жизнь, занимаясь общественными делами: то градоначальником в Тарусе и Раненбурге (ныне Чаплыгин), то непременным членом суда в г. Ряжске.

Многодетная семья Венюковых не выделялась среди разорившихся дворян этой местности и жила старыми традициями, вспоминая давние времена. Предки их были некогда знаменитыми, некоторые служили российскому государству и его самодержцам на высоких постах, но впоследствии разорились.

Позже М.И. Венюков с горечью вспоминал, что родители “не на столько были проницательны, чтобы понять, что тот избыток брачных наслаждений, которые они предоставляли себе, отзовется на их детях губительною необходимостью вести исключительно холопскую жизнь, со всеми ее последствиями, из которых сумашествие и чахотка не самые страшные” (Венюков, 1895, кн. 1, с. 4–5). И действительно, жизнь детей Венюковых складывалась нелегко: четверо из них умерли в детском возрасте, два взрослых брата кончили жизнь расстройством рассудка, а сестра Софья умерла от чахотки. Лишь Ми-

хаил Иванович стал известным военным географом, ученым и публицистом. Об остальных детях Венюковых мало что известно. Один из братьев, Сергей, позже проживал в Рязани.

Мише Венюкову посчастливилось. Из-за служебных обязанностей отца семья переезжала с одного места на другое, и мальчика оставили в Никитинском у бабушки Елизаветы Петровны Кутузовой, которая имела небольшое хозяйство и землю, несколько человек дворни. Она заменила ему мать и отца. Мальчик стал ее любимцем. крепостная крестьянка выкормила младенца грудным молоком, а постоянный присмотр над ним осуществлялся няней, при руководстве бабушки. Родители воспитанием сына по существу не занимались. Они изредка наезжали в село для того, чтобы повидаться с родственниками и увидеть сына.

Обстановка, в которой жил и воспитывался мальчик, была характерна для многих разоряющихся в то время дворян. Им на смену приходило другое сословие – сословие предпринимателей и купцов. Особенно тяжело отражался переход к новому способу ведения хозяйства в нечерноземных губерниях – Рязанской, Тульской и др. Пахотные земли в этих губерниях требовали больших финансовых вложений для того, чтобы в какой-то мере обеспечивать нужды хозяев. Однако они не могли этого сделать, и усадьбы приходили в упадок. Многие сводили лишь концы с концами, выжимая все возможное из своих крепостных и угодий. Низкие урожаи приводили к голодовкам в целых уездах и губерниях. Семье Венюковых приходилось терпеть нужду и в некоторые годы даже занимать продовольствие у своих родственников и соседей.

Однако впечатление от детства маленького Венюкова было теплым и радостным от общения с бабушкой, няней и всем окружающим его в усадьбе. Ему доставляло удовольствие знакомство с жизнью дворовых и знакомых бабушки, а когда подрос, с настоятелем местной церкви священником Андреем и дьяком, который учил его азам грамоты.

Венюков с раннего детства наблюдал жизнь крепостных крестьян, отношения между ними и помещиками, горечь подневольного труда, нищету тружеников села. Неизгладимый след в памяти мальчика оставили и тяжкие дни сурового крепостного права, когда он был свидетелем отвратительных сцен порки крепостных крестьян своими хозяевами за малейшие провинности. Вспоминая об этом, он с горечью писал: “Мне до сих пор ...слышатся их стоны, особенно пронзительные, раздирающие душу крики одной девушки, чуть ли не нареченной перед тем невестой и готовившейся через месяц к венцу... Сильная дрожь одолевала меня всякий раз, когда готовились и производились эти истязания. Я бывал бледен, глаза сверкали, сердце билось так сильно, что я почти задыхался от прилива крови к легким” (там же, кн. 1, с. 6). Осуждая жизнь местных помещиков, Венюков писал, что они живут, или вернее “копят небо, отни-

мая половину средств к жизни у тех, кто трудится действительно, т.е. у крепостных”.

Бабушка Венюкова, обладая твердым характером и одаренная пронзительным умом, являлась для мальчика непререкаемым авторитетом. Она лелеяла и берегла своего внука, внушала ему добродетель, научила слушать и внимательно следить за событиями в рассказываемых ему сказках и исторических былях. А Елизавете Петровне было что рассказать. Она хорошо знала историю и свою родословную, помнила многие события. Мальчик особенно увлекался рассказами о Петре I и его времени, с жадностью слушал о восстании Пугачева, о событиях войны 1812 г. и изгнании из Москвы Наполеона и многое другое. Имена Кутузова, Багратиона, Раевского, Дохтурова, Давыдова и других русских героев 1812 г. были для него родными с детства. О войне рассказывал и отец, а также дворовые люди – отставные воины. “В этих рассказах, – вспоминал Венюков, – меня пленили больше всего примеры величия души, вроде долгоруковского разорвания царского указа, образцы патриотизма, самоотвержения, настойчивости в достижении благородных целей, остроумной находчивости в положениях трудных и т.п.”. Бабушка с детства привила ему зачатки многих “самых теплых, самых человеческих симпатий”, а чувство отвращения к рабскому отношению помещиков к крестьянам Венюков испытал рано и с возрастом оно у него возрастало. Позже он стал горячим сторонником освобождения человека от всякого рода притеснений, а не только крепостной зависимости.

Живя в селе, мальчик знакомился с живой природой края, наблюдая за ней в лесу, в поле, на лугах, во время сенокосов или в поездках. Он рано научился различать наиболее распространенные деревья и травы, – знал их цветы и плоды, интересовался жизнью животных и птиц.

Венюков рос весьма одаренным ребенком и в четырехлетнем возрасте мог самостоятельно решать с помощью костяных марок и счетов довольно сложные задачи на сложение, вычитание, умножение и даже деление. С пяти лет он был усажен за азбуку и обучение математике. Однако, от методов преподавания местного дьякона большого удовлетворения не испытывал. Дьяк учил мальчика по своей системе зазубривания, а также выучки “солдатского порядка”, т.е. дисциплины. К шести годам Венюков научился читать. Пристрастившись к книгам, он самостоятельно читал все что попадало под руку и зачитывался различной литературой, находящейся в библиотеке, вплоть до старинной “Навигации”, по которой учился его дедушка флота-капитан Кутузов, живший в то время в Петербурге. В Ряжске, посещая родителей, в библиотеке отца он познакомился с географией петербургского профессора К.И. Арсеньева, одного из прогрессивных деятелей русской науки и культуры. Неизвестно какой труд штудировал Веню-

ков¹, но он произвел на него неизгладимое впечатление. “Ею (географией Арсеньева. – В.Е.) я зачитывался целые часы, – писал Венюков, – и, вероятно, тут впервые приобрел страсть к изучению Земли, которая потом уже не оставляла меня никогда” (Венюков, 1895, кн. 1, с. 45). Арсеньев учил познанию “силы и недуга” Отечества, чему посвятил свою жизнь и М.И. Венюков. Его нравственное развитие сформировалось под влиянием произведений русских классиков – Пушкина, Лермонтова, Гоголя и др. Он уже в детстве читал запрещенные рукописи, например, одно из лучших “руководств о природе Севера Войнаровского”, а позднее рукописи зарубежных и русских писателей, публицистов и общественных деятелей. Нравственные принципы, основанные “на страхе божием” остались чужды Венюкову. Он преодолел религиозную философию, которую прививали ему бабушка и окружавшие его родственники, и постепенно вырабатывал свою, основанную на приобретенном опыте и знаниях. Она проявлялась со временем, в особенности, когда он переехал в Петербург и стал учиться в Дворянском кадетском корпусе, а затем в Петербургском университете.

Бедность, материальные затруднения, а также традиции заставляли мелкопоместных дворян центральных губерний России устраивать своих детей в государственные военные учебные заведения. Такая участь постигла и детей семьи Венюковых. С помощью знакомых и отца уже в 1840 г. их пытаются устроить в Дворянский кадетский корпус в Петербурге. Однако, для младшего, восьмилетнего Михаила, первая попытка поступления оказалась тщетной. Его не приняли по причине малолетства. Для мальчика путешествие из Рязьска через Рязань и Москву в Петербург оставило неизгладимые впечатления. Оно стало началом многочисленных экспедиций и путешествий, предпринятых Венюковым позже почти на все континенты земного шара. Но прежде чем наступят такие времена, Венюков должен был вернуться в родной дом и снова заняться домашним образованием и коротать детские годы, переезжая с семьей из одного города в другой. Пятилетие жизни с 1840–1845 гг. Венюков называл скитанием. Он жил в Тарусе, в Рязьске. Большую же часть времени он провел в селе Дымово, расположенном в 20–25 верстах от Рязьска, в долине р. Ранова. Здесь Венюков жил у родственников и продолжал обучение у местного священника. Мальчик продолжал впитывать в себя новые впечатления, радовался новым встречам со своими сверстниками, наблюдениям над природой. Он упивался красотами здешних мест – лесами, пойменными лугами в долине реки, медленным течением и прозрачностью ее вод, цветением и благоуханием садов.

¹ Это, очевидно, работа Арсеньева: “Краткая всеобщая география”, вышедшая впервые в 1818 г. и переиздававшаяся до 1849 г. двадцать раз, в том числе и в 1835, 1838–1840 гг., или “Начертание статистики Российского государства”, 1818–1819 г. издания.

Обучаясь в Дымово, Венюков пополнил знания по античной истории и истории России, изучал произведения выдающихся русских писателей.

В Дворянском кадетском корпусе. В августе 1845 г., с разрешения Управления военно-учебных заведений, М.И. Венюков уезжает в Петербург, где держит экзамены в Дворянский кадетский корпус. Особенно высокий уровень знаний он показал по истории и географии, поэтому был зачислен сразу в третий класс. Условия жизни коренным образом меняются. Обстановка в полку ошеломляюще подействовала на Венюкова. Он не мог смириться с душной и суровой атмосферой жизни, царившей здесь. Пребывание там Венюков называл “образовательным тюремным заключением”. “В стенах корпуса жизнь была монастырско-казарменная, которая как тяжелый пресс выжимала все живое из молодых организмов” — писал он позже. В основе воспитания лежала система устрашения и беспрекословного подчинения старшим по чину, часто совсем малообразованным и невоспитанным офицерам. В корпусе процветало беззаконие, а провинившиеся кадеты подвергались строгому наказанию и даже порке розгами. Условия жизни порождали скрытый протест и поиск справедливости. У некоторых они приводили к замкнутому образу жизни, у других порождали, как средство защиты, наушничество и предательство. Венюков приходит в отчаяние, вспоминая свободные детские годы в сельской местности. Но со временем переживания его утихают, он находит друзей, старательно изучает преподаваемые дисциплины, увлекается физикой, тригонометрией и топографией, глубже изучает литературу. Среди преподавателей были и талантливые педагоги. Наставником-наблюдателем по математическим наукам состоял М.В. Остроградский, географию и историю вел Вержбилович. Любимым учителем кадетов и Венюкова был Ф.Л. Ястрежембский, единомышленник Арсеньева, преподававший статистику. За свои прогрессивные антикрепостнические идеи он был сослан на каторгу. Его рассуждения, по воспоминаниям Венюкова, возбуждали глубокое недовольство общественными порядками, при которых бедный и слабый полностью принесен в жертву сильному и богатому. “В нашей маленькой среде, — писал Венюков, — он производил почти то же действие, что на обширном поприще Герцен” (там же, кн. 1, с. 105). Молодежь сочувственно относилась к протестам и активным действиям русских патриотов, ищущих справедливые отношения в обществе, облегчение жизни малоимущим и трудящимся классам. То же происходило в скрытой форме и в корпусе.

На Венюкова произвело глубокое впечатление и вызвала скрытый протест казни Петрашевского (1849 г.) и бывшая еще живой в памяти, расправа Николая I с декабристами (1825 г.). “К ним, — писал Венюков, — мы чувствовали какое-то инстинктивное уважение” (там же).

Генетические задатки и воспитание, изучение точных и естественных наук, общественно-политических дисциплин и литературы укрепляли в Венюкове материалистические взгляды на природу и свободолюбивые идеи, стремление к правде и справедливости. В последние годы пребывания в Дворянском корпусе Венюков испытал тяжкие минуты страданий и даже полного разочарования. Но это длилось недолго, и он сумел преодолеть их и найти правильный путь для осуществления своей мечты. Венюков вместе со своим другом-одноклассником, поляком Станиславом Родкевичем организует тайный кружок, в котором обсуждались запрещенные произведения общественных деятелей и ученых, читались произведения А. Герцена, письма о химии Либиха, химия Гесса и др. Венюков зачитывается “Космосом” А. Гумбольдта, изучает геогнозию Эйхвальда, климатологию Кемпца, работы биологов М. Эдвардса, А. Декандоля, М. Шлейдена, произведения Кювье, учит наизусть монологи из “Фауста” Гете. Его очаровали стихотворения Е.А. Баратынского и В.А. Жуковского о Гете, где воспевалась любовь к свободе, жизни и людям, дерзания в науке и непокорность насилию...

Свободу смелую избрав себе в закон,
Всезрящей мыслью над миром он носился,
И в мире все постигнул он,
Но ничему не покорился!

Это четверостишие Жуковского о Гете было путеводной звездой Венюкова в его жизни.

Теоретическое образование Венюков подкреплял практически занятиями в различных музеях Петербурга. К концу пребывания в Дворянском корпусе Венюков усвоил не только программу военных предметов, но и овладел обширным кругом знаний в области естествознания и литературы, страсть к которым у него все больше возрастала. Его не интересовала карьера военного. Он решает поступить в Петербургский университет или в Горный институт. С этой целью он пытается получить разрешение остаться в выпускном классе еще на год, надеясь подготовиться к вступительным экзаменам. Однако, осуществить этот замысел Венюкову не разрешили. Летом 1850 г. он был аттестован прапорщиком по артиллерийской части и направлен в артиллерийскую школу в Серпухове. Производство в офицеры и предстоящая служба в царской армии были тяжело восприняты 18-летним юношей. Вступление его в жизнь было омрачено еще тем, что по своим успехам в корпусе он находился все годы на почетной доске и должен был быть выпущен в гвардию.

Однако, неприязнь некоторых корпусных командиров и невысокое происхождение Венюкова повлияли на его карьеру. Он был в отчаянии и не только от несправедливости, а потому, что ему предстоит тяжкая судьба армейского офицера. “Тяжело плакал я в первую ночь офицерства, как некогда в первую жизнь кадетской жиз-

ни, – писал Венюков. – О чем? ...Мне было жаль прошедшего, пяти безвозвратных лет жизни, проведенных в казарме и кончавшихся ссылкой в уездную глушь; меня еще более тяготило будущее, так противоречившее всем моим идеалам” (Венюков, 1895, кн. 1, с. 112). Кончились тяжелые, но и светлые годы детства и отрочества. Наступили дни более осознанной и самостоятельной деятельности, службы в тяготившей его обстановке солдафонства и бесправия.

Глава 2

Первые шаги военной службы и самообразования

В артиллерийской школе. В сентябре 1850 г. М.И. Венюков прибыл в Серпухов. Город, где находилась артиллерийская школа, представлял собой уездный центр Московской губернии; немногим отличающийся от таких же тихих и однообразноживущих городков России. Сказывалось лишь некоторое влияние Москвы – город расположен в 100 км от столицы. Вблизи находились имения состоятельных помещиков, в городе действовали небольшие промышленные предприятия. Купечество составляло привилегированную часть населения города. Спокойный ритм жизни в городе иногда нарушался обедами или вечеринками у местных властей и дворян, грубым и часто бесшабашным поведением. Культура большинства членов офицерского состава была очень низкой, время проведения их складывалось главным образом из карточной игры и пьянства. Командующим войсками здесь, под стать офицерам, являлся полковник С.И. Назимов, в своих реляциях, по свидетельству современников, приказывал “купить диагонали”, думая, что они, видимо, продаются на рынке.

М.И. Венюков получил назначение преподавателем в батарейную школу для обучения солдат грамоте, письму и арифметике. Питая любовь к простым людям, Венюков охотно принялся за порученное ему дело. “За работу я взялся, – писал он, – рьяно и даже с “высшими” надеждами: способствовать духовному развитию молодых солдат, сделать их хоть сколько-нибудь людьми, а не пешками” (Русская старина, 1886, с. 82). Гуманное и необычное по тому времени отношение Венюкова к обучающимся солдатам вызывало нареkania и даже резкую неприязнь со стороны офицерского состава. Последние были убеждены в том, что для службы нужен болван, а не рассуждающий человек. Такие порядки противоречили моральным принципам Венюкова и он часто противостоял им, вызывая гнев начальства. Это привело к тому, что для его “вразумления” командир школы Назимов приказал ему привести в исполнение приказ о наказании 100 розгами провинившегося солдата. Венюков не выполнил приказа, прекратив порку после 15 ударов, и с тех пор Венюков находился в немилости у начальства. В другой раз, в присутствии

всего класса, в котором он вел занятия, выпороли одного из его слушателей. Венюкова до глубины души возмутило издевательство над человеком и с этого времени опротивело, как он писал, “благородное звание”. Пыл к своей работе спадает. “Вместо исполнения в ней долга нравственного, вначале так меня увлекшего, я стал ограничиваться долгом служебным, практическим, т.е. заниматься с одними лучшими учениками, которых обыкновенно принято спрашивать на экзамене” (там же, с. 87). Молодой офицер замкнулся, отстранился от остальных офицеров, не доверяя им, и открыто презирая то, что проповедывали его сослуживцы. Жизнь становится тягостной и, казалось, бесперспективной. Преодолевая мрачные условия армейской жизни и веря в свою заветную мечту, Венюков старается еще глубже изучить естественные науки, знакомиться с передовыми общественно-социальными идеями, перечитывает классиков русской и зарубежной литературы.

Самообразование Венюкова во время пребывания в Серпухове поражает масштабами охватываемых проблем и работ. Достаточно назвать лишь несколько имен – А. Герцен, А. Гумбольдт, Ю. Либих, Гершель и др. в естествознании; Т.Н. Грановский, П.Н. Кудрявцев – в истории; Н.Г. Чернышевский, В.Г. Белинский, М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.А. Некрасов и др. – в литературе... И этим далеко не ограничивается круг лиц, которыми увлекался Венюков. Вспоминая об этом времени, он писал: “Живых друзей приходилось заменять книгами, да и те разыскивать не без труда, иногда заменять рукописями в изобилии, впрочем, ходившим по рукам. За то и впечатление этих печатных и рукописных произведений ума было всеобъемлюще, проникало в самые углы сердца и воображения”. Большое впечатление произвело на Венюкова чтение романа Герцена “Кто виноват?”. За одну ночь он перечитал это произведение и пережил больше, по его словам, чем за многие годы позднее. “И когда в семь утра, – писал Венюков, – сложив книгу, и полный вызванными ею идеями, я пошел на учебу, в батарейный парк – окружающее меня показалось мне чем-то болезненным, каким-то угаром, от которого, чтобы не умереть, нужно было во что бы то ни стало вырваться на свежий воздух, в ширь науки и гуманной общечеловеческой деятельности...”. Венюков справедливо отмечал, что глубокое влияние на русскую общественность и особенно молодежь в середине XIX в. имели передовые русские естествоиспытатели, писатели и общественные деятели. “Никто не станет отрицать благотворительного влияния и критических статей Белинского, а также произведений Тургенева, Гончарова и других на свое развитие” (там же, с. 93–94).

В то же время Венюков интересуется произведениями русских мореплавателей, совершивших в первую половину XIX в. десятки интересных и поучительных путешествий, в том числе кругосветных, открывших целый ряд новых земель и исследовавших обширные акватории Мирового океана (Крузенштерн, Головин, Литке и др.)

Оценивая общую обстановку пребывания Венюкова в годы его службы в артиллерийской школе, можно сказать, что тяжесть переживаемого была сопряжена с усилением противостояния этим условиям, формированию, во-первых, его мировоззренческих взглядов на природу и, во-вторых, укреплению антикрепостнических демократических идей.

Этому способствовали, а может быть, и определяли, условия личного воспитания и жизни в детстве, усложнение и сознательно критическое восприятие ее в отроческие годы, когда приходилось размышлять и решать различные задачи самостоятельно.

Крепостничество и царизм в России, революции 1848 г. в Европе, выступления петрашевцев, идеи русских революционных демократов отразились на мировоззрении молодого человека. Он передумал и переболел многим и в конце концов пришел к выводу о том, что его задача в жизни – стремиться всеми силами к удовлетворению своей мечты – “святого огня к знанию”. В нем еще более укрепилось стремление, возникшее уже в корпусе, служить науке и Отечеству через познание истины. “Истина, одна истина и непреклонное служение ей – вот что составило отныне мою заветную мечту, цель моей жизни. От такого все еще несколько отвлеченного по своей всеобщности взгляда недалеко уже было и до вывода практических его следствий. И они пришли и обновили меня. Прочь все мистическое, основанное на вере, на голословных положениях и правилах, на внешнем авторитете, а не на законах естествознания и математики! Свобода ума, куда бы она не привела, свобода слова, свобода человеческих личностей и союзов, полное равенство людей, если можно их братство, борьба с деспотизмом и тиранией, отрицание всех авторитетов, начиная с самого главного, бога, вовсе ненужного для объяснения: физических явлений и очевидно бессильного в мире нравственном, где совершается столько неправды и зла” (Венюков, 1895, кн. 1, с. 86). Лишенный свободного общения и обмена мнениями, Венюков самостоятельно пытается систематизировать свои идеи и знания. В 20-летнем возрасте он пробует свои силы на научном поприще: в газете “Московские ведомости” публикуются его первые научные статьи. Некоторые из них остались в рукописи. Они не были сколько-нибудь оригинальными, но интересны с точки зрения понимания Венюковым некоторых важных в то время проблем: представлений о вулканизме, о химическом составе воздуха и др.

Вскоре М.И. Венюков осуществляет свою мечту о продолжении образования. В ноябре 1852 г. с помощью дядюшки М.А. Кутузова он освобождается от службы в Серпухове и возвращается в Петербург. Цель – поступить в университет. Однако, материальные затруднения сделать этого не позволяют. Для того, чтобы осуществить свои намерения, Венюков устраивается репетитором в Кадетский корпус, в котором учился сам. В свободное время он занимается в Публичной библиотеке, готовясь в университет. Вскоре инспе-

ктор классов Дворянского полка Д.М. Павловский выхлопотал ему и двум товарищам разрешение Министерства просвещения на посещение Петербургского университета, на правах вольнослушателей.

В Петербургском университете и Академии Генерального штаба. “Я не помню большей радости, – писал Венюков, – за все время моей петербургской жизни, как то, которую я ощущал при объявлении мне Павловским, что университет нам открыт” (1891, Р.С., т. 69, кн. 1, с. 129). Венюков с увлеченностью и жадностью приступает к слушанию лекций на всех трех факультетах университета: физико-математическом, историко-филологическом и юридическом. Он прослушал курсы высшей математики В.Я. Буняковского и П.Л. Чебышева, физики и физической географии Э.Х. Ленца и А.Н. Савича, зоологии С.С. Куторги, истории русской литературы А.В. Никитенко, истории времени Возрождения М.С. Куторги, международного права Иванковского, энциклопедии законоведения Калмыкова и др. Как известно, общественное сознание в России в это время находилось на подъеме, усиливалось движение за освобождение от крепостного права крестьян, русские общественные деятели и писатели активно пропагандировали идеи свободы и справедливости... Это движение захватило и студенчество, которое оживленно обсуждало возникавшие в обществе проблемы. Венюков был готов к этому. Он активно и горячо участвует в устраиваемых студентами диспутах, на которых обсуждались не только внутрестуденческие вопросы, но и идеологические, касающиеся будущего развития русского общества. Среди студентов были широко распространены идеи социалистов-утопистов о преобразовании общества. Венюков считал, что для России они не подходят, так как не могут быть поддержаны в русской среде. “У нас в то время не было, – писал он, – широкого развития капитализма, не было и классов официальных пролетариев... отношение между владеющими и рабочими классами было совсем иное, чем на Западе, для которого писаны книги французских социалистов” (1895, кн. 1, с. 147). Но главная цель у Венюкова оставалась по-прежнему – получить образование и заняться наукой. Его увлекают естественные науки и в особенности физика и физическая география. Многие юноши заболели этой “болезнью”. Их восторженное воображение звало на новые открытия в физике и науках о Земле, географическое изучение его мало изученных территорий. Именно в эти годы (с 1845 г.) начало свою деятельность Русское географическое общество. М.И. Венюков предполагал по окончании университета заняться педагогической деятельностью, а затем и научными исследованиями. Он даже думал о получении в будущем звания академика. Вот что писал он об этом в своих воспоминаниях в 1891 г. “Мне думалось так, вот через полтора года я учитель физики, общей и земной, потом исследователь, открыватель и, лет через двенадцать, пятнадцать – академик...”. И далее: “Бедные мечты юности! Им не долго пришлось оставаться не тронутыми, и даже

очень скоро они разлетелись в прах” (Р.С., 1891, т. 69, кн. 1, с. 139). Разочарование академическим званием последовало после того, как он принял участие в одном из заседаний Конференции Петербургской академии наук, на которой вместо ожидавшихся научных докладов и дискуссий, он услышал воспевание самодержавия и “наглое восхваление” посредственных стихотворений, произнесенных на заседании. Он мучительно переживает это, судьба вновь делает крутой поворот в жизни. Началась война, и вместо того, чтобы официально окончить университет и получить звание учителя¹, Венюков был направлен в воинскую часть для защиты побережья Финского залива. Однако, его служба продолжалась недолго и он вскоре поступает в Академию Генерального штаба.

В начале 1854 г. в Академии Генерального штаба в Петербурге, по инициативе академика В.Я. Струве и профессора А.Н. Савича и, очевидно, не без участия Д.А. Милютина, было учреждено Геодезическое отделение. Оно должно было готовить специалистов по военной геодезии и географии, а также так называемых руководителей армейских подразделений “по квартирмейстерской части”. К работе в Отделении были привлечены известные ученые и педагоги. В числе их Струве и Савич по высшей геодезии, Милютин по военной географии и статистике, Болотов и Воинов по геодезии и топографии, Багданович и Лебедев по военной истории и др. В Академии изучали топографию и топологию, под предметами которых понимались общие и частные (региональные) свойства местности. В “Положении” о Геодезическом отделении отмечалось: “Геодезическое отделение, учрежденное при Николаевской Академии Генерального штаба с целью образовать способных деятелей и в последствии руководителей государственных геодезических работ и съемок, и в то же время приготовить их и для службы по Генеральному штабу”². Комиссия, рассматривавшая вопрос о преподавании геодезии после смерти Болотова, высказала в своем заключении важное программное методическое положение о том, что “естественнее прежде нежели снимать местность, изучить взаимную зависимость предметов этой местности, дабы сознательно выразить на плане ее характер”. И далее: “Так как топографическая часть изучается более на практике, то дабы приобрести сознательную способность выражать различные местности, необходимо познание ее свойств физических и геологических... Чтобы офицеры русского Генерального штаба могли исполнять не одни только военные рекогносцировки, но и участвовать в ученых экспедициях, необходимо соединить курс топографии с топологией и кроме того ввести в Академию преподава-

¹ По существу Венюков получил полную подготовку в университете и готовился к зачетной лекции для получения звания учителя физики.

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 548, оп. 2, д. 110 “О положении для офицеров Геодезического отделения Ник. Академии Генерального штаба”, 1856 г., л. 18.

ние физической географии". В последнем необходимо "объяснить связь, существующую между геологическим образованием каждой части земной поверхности и ее топографическим характером, а также взаимную связь между различными местными признаками как-то: в рельефе местности, в контурах и свойствах растительности"¹. Введение курса физической географии было необходимо, по мнению комиссии, еще и потому, что значительные пространства России и соседние с ней страны были еще весьма мало изучены.

По рекомендации комиссии преподавателем геодезии и топографии был назначен ученик Болотова подполковник Воинов, и преподавателем физической географии приглашен профессор Петербургского университета Э. Ленц.

Кроме теоретической подготовки, слушатели Геодезического отделения Академии Генерального штаба вели практические занятия на местности, совершенствуя навыки по инструментальной и глазомерной съемке. На старших курсах офицеры писали сочинения на избранные ими самими темы по военной истории, военной географии и статистике, по стратегии, тактике и др.

М.И. Венюкову занятия очень нравились. Он слушал лекции выдающихся русских ученых, таких как Д.А. Милютин, Э.Х. Ленц и др. Именно они своими идеями о военной географии, статистике и физической географии укрепляли стремление Венюкова заняться изучением отдельных географических регионов для решения практических вопросов, а также для повышения уровня географической науки в целом.

Уже через два года, в 1856 г., прослушав необходимые теоретические курсы, М.И. Венюков, в составе практического класса в течение трех месяцев проводит съемку местности в районе железной дороги Санкт-Петербург–Москва. Поручик Венюков провел за это время съемку местности между г. Боровичи и Заозерье в Валдайском и Крестовском уездах. Общая площадь составила около 73 кв. версты². Большое внимание уделялось глазомерной съемке, и результаты ее тщательно проверялись руководителями на местности в присутствии экзаменационной комиссии. Офицеры, в том числе и Венюков, выполняли свои задания с высоким мастерством. Кроме того, слушатели старших курсов должны были написать сочинения, аналогичные сегодняшним курсовым и дипломным работам.

М.И. Венюков написал два сочинения: "Об устройстве оборонительных линий в южной России Минихом" и "Стратегический и во-

---

¹ "Об избрании профессора геодезии вместо ген.-майора Болотова и об отправлении ежегодно двух офицеров к проф. Струве для изучения геодезии и астрономии". РГВИА, ф. 554, оп. 2, д. 758 (нач. 15.03–1853; окон. 20.09–1854 г.); лл. 72 и 73 об. В комиссию, рассматривавшую этот вопрос, входили Милютин (предс.), Богданович, Карцев, Лебедев, Маркевич и др.

² "Об отчете произведенных в 1856 г. съемок офицерами Ник. Академии лл. 17–19, РГВИА, ф. 544, оп. 2, д. 801, 1856 г.

енно-статистический обзор юго-западной части Европейской России”¹. Обе эти работы являлись серьезной пробой его научных способностей, свидетельствовали о направлении его дальнейшей деятельности. Особенно это относилось ко второй, в которой Венюков обобщил и проанализировал данные по географии и статистике региона и выявил их связь с военно-статистическими проблемами. Работа явилась первым научным опытом Венюкова и отражала те взгляды и идеи, которые закладывались преподавателями Академии Генерального штаба. Именно этими проблемами он занимался всю жизнь. Достаточно вспомнить его первые описания р. Уссури, а затем фундаментальные исследования по физической географии, серию описаний пограничных областей юга России от Сахалина до Каспия и др. Все его работы, так же как и монографии о Японии, Китае и Индии, развивали географо-статистические и военно-стратиеведческие представления и взгляды, заложенные преподавателями Академии (Языков, Милютин, Ленц, Макшева и др.). Несмотря на общий рутинный порядок в Академии, представлявшей “школу низкопоклонничества, далеко неполного знания даже своего собственного дела”, Венюков укреплялся в своем противостоянии всем этим порокам, чему способствовало оживление в конце 50-х годов XIX в. в литературных и научных кругах России.

Крымская война оставила негативный отпечаток на сознание Венюкова как военного. Чувствовалась нерадивость военного командования в обороне Севастополя и неподготовленность России к войне с серьезным противником. Россия войну с англо-французской коалицией проиграла. Осложнившаяся обстановка ускорила подготовку и выпуск слушателей Академии Генерального штаба. Офицерам присваивали очередные звания и направляли в армейские подразделения.

М.И. Венюков получает назначение на службу в Сибирь. Более трех месяцев, в санях, то на телеге, а иногда и пешком, преодолев расстояние в 5100 верст, он добирается до места назначения – Иркутска, в штаб войск Восточной Сибири. Здесь уже в декабре 1857 г. Венюков назначается старшим адъютантом командующего войсками генерала Н.Н. Муравьева. Служба и деятельность М.И. Венюкова в этом далеком краю Российской империи, где еще оставались неизученными и неосвоенными Амурская область, Уссурийский край и Приморье, не была проведена демаркация границы с Китаем, связали его с этим местом на многие годы, и Дальний Восток стал для него родным до конца жизни.

---

¹ Рукописный отдел Института русской литературы РАН, ф. 274, оп. 1. д. 379, лл. 133–136.

Глава 3

В Сибири, на Дальнем Востоке, в Средней Азии и на Кавказе

Исследования на Амуре и Уссури. Несмотря на то, что Восточная Сибирь и Дальний Восток издавна посещались русскими землепроходцами и путешественниками, все же они не были тесно связаны с центральными районами России, и их территория была исследована недостаточно. Отсутствовали там и значительные русские поселения. В середине XIX столетия проявляется большой интерес к этим территориям, и потоки переселенцев устремляются сюда из европейской части России лишь после того, как были проведены обширные и важные стратегические экспедиции А.Ф. Миддендорфа (1843–1844 гг.), Н.Х. Агте (1849–1852 гг.), Г.И. Невельского (1849–1850 гг.), и когда были исследованы долины рек Амура и Уссури, побережье Приморья и о. Сахалин. Российские моряки прошли проливом между Сахалином и материком и доказали возможность захода крупным морским судам из Тихого океана в р. Амур. В это время возобновляются активные дипломатические переговоры с Китаем о демаркации границ между государствами. Следует отметить, что интерес к этому региону начали проявлять и американцы. Они предлагали русскому правительству проект строительства железной дороги, соединяющей Амур с Байкалом. Это могло привести к усилению экономического и политического влияния в этом регионе, что было весьма нежелательно для России. Поэтому официальные власти выступили решительно против этого проекта. М.И. Венюков также отрицательно отнесся к этому проекту и позже отмечал, что американцы пытались притянуть всю Восточную Сибирь к Тихому океану и потеря экономической зависимости ее от России могла привести к нежелательным результатам. «Янки мерили вещи слишком американскими аршинами, полагая, что Амур, это “азиатский Миссисипи”» (Венюков, 1895, кн. 1). Однако, русское правительство благополучно избежало этого положения и усилило свое влияние на Дальнем Востоке. Стабильности состояния способствовал Айгунский договор с Китаем и мероприятия по разграничению территорий.

Выдающуюся роль в освоении Амурского края и Приморья сыграли Н.Н. Муравьев, вошедший в историю России как Муравьев-

Амурский и Е.В. Путятин. Первый, руководя действиями военных и гражданских лиц, осуществлял укрепление границ, основывая русские поселения вглубь по Амуру и Уссури, закрепляя тем самым свободные земли за поселенцами, и установил суверенитет России на этих территориях. Второй путем дипломатических демаршей, заключения договоров с Китаем добивался мирных взаимоотношений с юго-восточным соседом.

В этой грандиозной эпопее освоения новых территорий на востоке страны принимал участие и М.И. Венюков. Тотчас же по приезде в Иркутск он получил срочное задание составить карту Манчжурии и Восточной Монголии, тесно связанных с пограничными районами России. Через три недели карты, в масштабе 50 верст в дюйме, в двух экземплярах были изготовлены и представлены Н.Н. Муравьеву. Основная работа по созданию карт выпала на Венюкова: он нанес градусную сеть, показал астрономические пункты, начертил главные контуры, разработал транскрипцию географических названий и т.п. Этой картой должен был пользоваться и посланник в Китай – Путятин.

В мае 1857 г. М.И. Венюков под руководством Муравьева отправляется в экспедицию на Амур¹. Это так называемый первый сплав переселенцев в бассейны рек Амура и Уссури. Вместе с ней направлялось в Китай русское посольство. Флотилия, состоящая из солидных плавательных средств – барж и плотов, сопровождалась канонерками и катерами. Она спустилась из Читы по р. Шилке к Амуру, где начались исследования гидрографических особенностей самой реки и ее берегов. На Венюкова, как и на большинство участников плавания, Амур произвел завораживающее впечатление. “Мудрено ли, – писал Венюков, – что те из нас, которые впервые увидели Амур, испытывали ощущение, родственное с тем, какое было чувствуемо, например, Васько-Нуньесом-де-Бальбоа, когда он с высоты Панамского перевалка увидел впервые Тихий океан. Конечно, Амур не был уже новостью для нас, как для спутников Пояркова и Хабарова, но идея, с ним связанная, была также свежа и величава, как если бы мы сами были первыми открывателями...” (1895, кн. 1, с. 214). На Венюкова возлагалось руководство и обеспечение научных исследований, а также в какой-то степени обоснование рационального размещения поселений в долине Амура. Ознакомившись заранее с имеющимися немногочисленными данными об исследуемых районах, в частности с работами Пермыкина, Аносова, Попова и др., он проводит первые систематические исследования Амура. Вместе с топографами составляет карты и планы ряда местностей и мест, выбранных для поселений, занимается измерением ширины реки с помощью буссоли, проводит промеры глубин лотом по всей

---

¹ Штаб экспедиции состоял из трех человек: Н.Н. Муравьева, М.И. Венюкова и Я.П. Шишмарева (переводчик монгольского языка).

ширине, дает описания берегов и т.п. По его измерениям ширина Амура у впадения в него Шилки оказалась 226 сажень, что равнялось примерно ширине Невы у Литейного моста в Санкт-Петербурге, а глубина по форватеру, почти на середине реки, доходила до 28 футов (ок. 4 сажень). Продолжавшиеся вниз по течению исследования опровергали бытовавшие представления о маловодности Амура и его непригодности для судоходства. Венюков тщательно проводил исследования в Зейско-Бурейнской части бассейна. От устья р. Зеи он с топографом и четырьмя солдатами отправился вниз по Амуру с целью составления карты и обследования мест, удобных для поселения, а также посещения уже существующих поселений русских. Венюков часто уходил от Амура по долине и возвращался обратно, отыскивая кратчайшие пути, минуя извилины реки. Так он посетил отроги Хингана. Проводя съемку Венюков вел географические наблюдения и дал довольно подробное описание долины Амура и Зейско-Бурейнского бассейна. Он отмечал, что таких великолепных угодий для хозяина-земледельца, как между Зеей и Хинганом, мало найдется во всей России. Однако, освоение этих богатейших земель требовало огромных усилий. И русские люди, прибывающие в эти края, были полны самоотверженности и не жалели усилий для достижения этой цели. Об этом Венюков писал так: “Я много работал потом, один и вместе с другими, на разных далеких окраинах России, в Небесных горах, на Кавказе, в Польше, но ничего подобного той общей преданности делу, как на Амуре, говорю по совести, не видел” (1895, кн. 1, с. 234). Несмотря на огромные трудности в создании поселений и военных постов, при первом сплаве весной и летом 1857 г. на Амуре возникло 15 казачьих станиц на пространстве 1137 верст. Общее количество населения вместе с солдатами составило 3 тысячи человек. Позже освоение Амурской области и Приморья продолжалось. Н.Н. Муравьев разрабатывал новый более обширный план дальнейших действий.

М.И. Венюков по возвращении из первой экспедиции по Амуру в Иркутск был произведен в штабс-капитаны “за отличные успехи в науках”, “с переводом в Генеральный Штаб” и отозван в Санкт-Петербург¹. Полученное задание о составлении военно-статистического описания Забайкалья пришлось отложить.

Правительство и военное ведомство, руководствуясь предложениями по расширению исследований на Амуре, решило исследовать бассейн р. Усури и найти из нее удобный путь к Тихому океану. Для выполнения этой задачи послали М.И. Венюкова, который был начальником экспедиции.

М.И. Венюков с благодарностью принял это предложение и усиленно стал готовиться к его выполнению. Несколько зимних меся-

---

¹ Об определении ген.-майора Венюкова, РГВИА, ф. 400, оп. 59/602, д. 1385, 1877 г., 32 л.

цев позволили ему не только изучить имеющуюся литературу по Уссури, Приморью и прилегающим территориям, но и получить важные разъяснения и советы ученых в Петербурге. Он изучил географические работы по Маньчжурии и Японскому морю, скопировал имеющиеся карты, сделал выписки из работ мореплавателя Лаперуза и Броутона и даже составил библиотеку из книг по восточной Азии¹. Неоценимую помощь ему оказали адмирал Г.И. Невельской и профессор Петербургского университета В.П. Васильев. Первый, как никто другой, хорошо знал проблемы Дальнего Востока, второй – являлся крупным специалистом по Китаю и пограничным с ним странам. Венюков неоднократно встречался с Невельским в его квартире и принимал его у себя. В течение нескольких вечеров они беседовали о Дальнем Востоке. Невельской, будучи страстным сторонником освоения этих земель, разъяснял Венюкову многие возникавшие и волновавшие ученого вопросы. Он составил для Венюкова эскиз страны между Уссури и Японским морем и пояснительный текст к нему. В.П. Васильев занимался в то время переводом с китайского языка описания рек Амурского бассейна. Он передал Венюкову сведения о р. Уссури и рукописи с описанием Манчжурии, составленной по китайским источникам.

«В.П. Васильев и Г.И. Невельской, – писал в “Воспоминаниях” Венюков, – сделали все, что могли сделать люди высокого благородства и любви к делу, так что и теперь, через десятки лет, я не могу без горячего биения сердца вспомнить об их ко мне участии. Их сообщения я храню как святыню» (1895, кн. 1, с. 245).

Летом 1858 г. Венюков был уже на Амуре и приступил к выполнению задач, поставленных перед экспедицией. Он начал исследование и топографическую съемку долины р. Уссури с места ее впадения в Амур. К тому времени Н.Н. Муравьев и китайский посланник И-Шань подписали Айгунский договор (май, 1858 г.) Левобережье Амура и бассейн Уссури юридически закреплялись за Россией. Россия, заключив мирный договор с Китаем, получила возможность более свободно и активно осваивать эти земли. Китай в это время противостоял англо-американской агрессии, и Россия стала его союзником, сочувствуя китайскому народу. Передовые общественные круги России выступали с гневным осуждением колонизаторов.

Исследуя бассейн р. Уссури, Венюков прошел пешком и на лодках вверх по течению до оз. Ханка, а затем по притокам и перевалам хребта Сихотэ-Алинь спустился к побережью Японского моря, в районе бухты Св. Ольги. Он намеревался продолжить исследования побережья Приморья, однако тяжелые условия передвижения и непредвиденные обстоятельства заставили его повернуть обратно. Пробираясь по склонам и ущельям Сихотэ-Алиня, Венюков изучал

---

¹ М.И. Венюков добился разрешения барона Ливена взять многие дубликаты книг из библиотеки Генерального штаба в Иркутск.

природу, население и его хозяйственную деятельность. Местные жители дружелюбно встречали русских путешественников, надеясь на более справедливые отношения к ним, чем проникавших сюда и эксплуатировавших их китайцев.

В результате проведенной экспедиции район Уссури перестал быть неизвестным для науки. Был открыт путь из долины Уссури и оз. Ханка к Японскому морю через хребет Сихотэ-Алинь. Вернувшись в Иркутск, Венюков представил Н.Н. Муравьеву подробный отчет о проделанной работе, карту и географическое описание исследованного района. В Иркутске он делится своими впечатлениями и результатами экспедиции со своими коллегами, выступает с сообщениями в Сибирском отделении Русского географического общества. Общение с коллегами, в особенности с секретарем отделения И.С. Сельским, с энтузиасткой-путешественницей Ротчевой, побывавшей в Америке в русском поселении Росс¹, с А.В. Петрашевским, сосланным сюда в 1849 г. – все это воодушевляло Венюкова на продолжение своей деятельности на научном поприще. Однако, условия армейской службы, произвол и преклонения перед начальством, вражда между офицерским составом сковывали его действия. Венюков, видя и чувствуя обстановку, особенно неприязнь и ревность к его авторитету со стороны начальника штаба войск Восточной Сибири Будагосского, несмотря на благосклонное отношение Муравьева, решил не оставаться в Сибири.

В феврале 1859 г. М.И. Венюков вернулся в Петербург. Здесь он проявляет активную деятельность – выступает с отчетом перед военным ведомством, в Русском географическом обществе. Его научный авторитет еще более укрепился после опубликования в “Вестнике РГО” обстоятельного очерка под названием “Обозрение р. Уссури и земель к востоку от нее до моря” (1859, ч. 25, вып. 4). В нем обобщались знания о природном комплексе страны, ее населении и хозяйстве. Эти сведения были во многом отношения новыми и способствовали дальнейшему изучению Приморья. По Амуру, Уссури и на побережье Приморья появляются новые поселения россиян. В 1860 г. основывается г. Владивосток. На Уссури, среди ряда поселений возникает станица имени Венюкова. Результаты исследований Венюкова были высоко оценены русскими географами. Он принимается в действительные черты Русского географического общества, что считалось по тому времени большой честью и признанием научных заслуг перед Россией. Перед Венюковым открывались новые горизонты для изучения других географических районов.

Экспедиция в Заилийский край и на Иссык-Куль. В феврале 1859 г. М.И. Венюков переводится по службе в штаб Сибирского отдельного корпуса и назначается начальником экспедиции на р. Чу,

¹ Укрепление Росс находилось недалеко от Сан-Франциско и являлось самым южным поселением русских на западном побережье Северной Америки. Оно основано в 1812 г.

оз. Иссык-Куль и к границам Коканского ханства. В ходе путешествия в 1859–1860 гг. Венюков исследовал значительную территорию северо-восточной части Средней Азии, пройдя с отрядами многие версты по Заилийскому краю и проникнув к оз. Иссык-Куль. Изучая верховья р. Чу, отряд принял участие в боевых действиях против кокандцев. По инициативе Венюкова войсками отряда было устроено укрепление на р. Костеке, был снят план Пишпека (Бишпека) и его окрестностей. Летом 1860 г. Венюков, “управлял движением двух отрядов на оз. Иссык-Куль, для водворения спокойствия между дикими кара-киргизами и удаления кокандцев”, – так было отмечено в документах Генерального штаба¹.

Путешествие Венюкова было весьма результативным не только в научном отношении, но и в политическом, так как укрепляло суверенитет России над новыми районами и восстанавливало порядок в местах междоусобной войны между кокандцами и киргизами. За руководство экспедицией в 1859 г. Венюкову была объявлена в приказе (7 авг. 1859 г.) особая признательность командира Отдельного Сибирского корпуса².

Исследования края сопровождалось определением широт местности и высоты некоторых точек над уровнем моря по барометру. Так Венюковым была определена широта Верного (Алма-Аты) – 43°16'06" с.ш., устья р. Большого Кебина, впадающего в р. Чу – 42°41' с.ш. и др. Для составления карт Венюков использует данные, известные науке ранее. К ним относились определения как отечественных, так и зарубежных геодезистов и ученых. По имеющимся в его распоряжении материалам он составил карты Аральского моря и Памира. Для более полного представления о регионе Венюков использует данные, полученные Захаровым из китайских источников Си-юй-чу-Чжи, Си-юй-туй-дао-цзы, а также работы Голубева, Ханькова, Чихачева, Макшеева и др. Он особо отмечал стремление со стороны Русского географического общества к изучению среднеазиатских земель, пограничных с Россией, которое, по его мнению, “уже давно приобрело себе несомненное право на признательность науки; этими обширными исследованиями об азиатском материке оно явило особую честь”, и, что он, Венюков, “мог во второй раз служить по мере сил его интересам”³. Исследованиями в Средней Азии Венюков продолжал выполнять поставленную перед собой цель – приобщение к науке.

В его сочинениях “Обозрение реки Чу и соседних среднеазиатских земель” (1859), а также “Очерки Заилийского края и Причуй-

---

¹ Об определении ген.-майора Венюкова. РГВИА, ф. 400, оп. 59/662, д. 1385, 1877, л. 32.

² Там же.

³ Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (быв. им. В.И. Ленина), фонд Венюкова (363). Обозрение реки Чу и соседних среднеазиатских земель. Рук., 1859 г.

ской страны” (1861) еще более ярко, чем в описании бассейна р. Усури, продемонстрированы профессиональные навыки автора в составлении страноведческих географических описаний, необходимых при хозяйственном освоении среднеазиатских земель. Он дал в работе общегеографическую характеристику территорий: их рельефа, климата, вод, растительности и животного мира, населения и его хозяйственной деятельности. Но что особенно важно, Венюков не только описывал местности, но и подмечал и указывал географические закономерности отдельных ее районов: закономерности распределения осадков, влияние их на климат степей, влияние на климат гор вечных снегов и др. Так он писал, что иссушающее влияние полупустынь и степей на подгорную страну у подошвы Алатау заметно уравнивается близостью вечного снега и что благоприятная полоса для земледелия благодаря обилию осадков (“паров в атмосфере”) занимает лишь небольшую часть подножия гор, а с удалением от них оно быстро уменьшается и требует постоянного орошения. Результаты исследования Венюкова в Средней Азии получили освещение в ряде его научных статей в изданиях Русского и Лондонского географических обществ, а также в “Военном сборнике” и других изданиях. Они использовались военным ведомством и Туркестанскими военно-административными учреждениями.

Воспользовавшись свободным временем после экспедиции в Среднюю Азию (1861 г.), Венюков посетил свою родину с. Никитинское. Здесь он столкнулся с неприглядной картиной “освобождения” крестьян от крепостной зависимости, с их поистине трагическим безвыходным положением. Реформы еще более усиливали процесс разорения крестьян, расслоения крестьянской массы в деревне и ее обнищания. Тяжелая жизнь, безземелье вызывали переселение крестьян в Сибирь, на Дальний Восток и на Северный Кавказ. Все эти перемены глубоко волновали русское общество, в том числе и Венюкова, глубоко чувствовавшего страдания своего народа. Они вызывали недоверие и неприязнь к политике правительства и к эксплуататорским классам. Венюков пытается найти более правильный путь построения справедливой жизни для русского народа. Однако, как и многим другим, ему это не удается.

На Северном Кавказе. Осенью 1861 г. М.И. Венюков получил назначение в штаб войск Кубанской области, где он надеялся найти удовлетворение в изучении малоизвестных, но быстро осваиваемых в то время районов Северного Кавказа. С первых же дней пребывания в Ставрополе он ведет систематические записи о природе края и местном населении, пытается систематизировать свои наблюдения, изучает местные штабные источники. Научные занятия Венюкова поощрялись начальником штаба войск генералом Н.Н. Забудским, прослужившим на Кавказе более десяти лет. Он предоставил Венюкову многие материалы штаба, а также передавал свои наблюдения и сведения о Закубанском крае. Венюков получил возможность, с

разрешения командующего войсками генерал-адъютанта графа Евдокимова пользоваться материалами Ставропольского штаба для описания этого края.

На Кавказе М.И. Венюков находился два года (1861–1863). Здесь он занимался не только научными наблюдениями, но и воевал, командуя отдельным батальоном Севастопольского полка. Он дослужился до звания подполковника и получил орден Святого Станислава 2-ой степени и Кавказский крест за боевые заслуги. В промежутках между боевыми действиями, а также занимая административные должности, он продолжает свои исследования по изучению природы и населения Северного Кавказа. Им были подготовлены и опубликованы в “Записках РГО” работы о природе и населении края, в которых давалась географическая характеристика местности между реками Кубанью и Белой и западнее последней. Была составлена “Этнографическая карта северо-западной части Кавказа” (1863, кн. 2; 1864, кн. 1). Все эти работы Венюкова имели актуальное значение, так как давали первые обобщенные сведения об этом крае, раскрывали его географические особенности, а также характеризовали эндемические особые национальные черты горных племен этого района. Его высказывания и отношение к политике российского правительства актуальны и поучительны и при решении современных проблем на Кавказе. В то время они заинтересовали широкие круги научной общественности и политиков России. Осенью 1863 г. Венюков выступал в собрании Русского географического общества с докладом “О заселении Западного Кавказа русскими” и представил материалы своих исследований. Работами ученого интересовался военный министр Д.А. Милютин, который, по свидетельству Венюкова, задержал у себя и не дал возможности опубликовать в журнале “Военный сборник” статью “Стратегический очерк Закубанья”. Министр имел у себя и другие рукописи Венюкова.

В своих работах М.И. Венюков со свойственной для него прямой разоблачал административно-бюрократический порядок в армии, правдиво описывал взаимоотношения русских с местным населением. Препятствием для заселения Северного Кавказа он считал неумелые действия и злоупотребления администрации и военных властей, а не сопротивление местных горцев. В целом Венюков считал заселение редконаселенных местностей на Северном Кавказе русскими прогрессивным явлением, отмечая его довольно гуманный характер. По этому поводу он писал: «Шло “процеживание” одного населения другим, русским черкесского: первое шло в горы, второе спускалось в равнины. Факта, подобного этому, я не знаю в истории никакого государства кроме России. Янки Соединенных штатов выгоняют индейцев из гор, но лишь затем, чтобы их истреблять. Англичане в Австралии, в Новой Зеландии истребляют туземцев и в горах, и на равнинах, иногда с ружьем и собакою, как зверей. Мы же долго боролись с черкесами, как равным противником, и когда одо-

лели их, то честно уступили им земли, которые могут служить предметом зависти для самых цивилизованных племен» (1895, кн. 1, с. 321). Вместе с этим он указывал на то, что среди влиятельных лиц в России и были такие, кто считал горцев неизбежным злом. Истинным же деятелем присоединения Северного Кавказа Венюков считал русского солдата. В 1873 г. на традиционной встрече участников Кавказской кампании, где присутствовали многие руководители, М.И. Венюков произнес глубоко прочувственную речь о создателе всех побед – русском солдате, высоко охарактеризовав его храбрость, отвагу, трудолюбие и гуманность. На это выступление откликнулись многие солдаты, хорошо помнившие ход войны. “Это мой аттестат за службу в кавказских войсках, – вспоминал Венюков, – поценнее Станиславского креста на шее и подполковничих эполет на плечах” (там же, стр. 338). Любовь и авторитет со стороны солдат и офицеров Венюков завоевал еще в боевых действиях, а также будучи председателем полевого уголовного суда. Это ярко проявилось на процессе, рассматривавшем обвинение одного из офицеров в необъективности освещения действий войск. Судебный процесс показал смелость и решительность Венюкова, не побоявшегося высшего начальства, вынести оправдательное решение суда и подтвердить сомнительность донесений командующего войсками Евдокимова Главнокомандующему, основывающихся на слухах и в преувеличенных выражениях.

Находясь на Кавказе, М.И. Венюков продолжал целеустремленно выполнять намеченные им задачи. Он тесно связан с учеными Петербурга и Москвы, сотрудничает с Русским географическим обществом, Академией наук, с научной общественностью. Известны его научные контакты с академиком К.М. Бэр, которому он послал отдельные экземпляры черепов погибших горцев для антропологических исследований.

В письмах к родным и знакомым М.И. Венюков делится своими впечатлениями и планами. К этому времени относится начало его сотрудничества в журнале “Колокол” А.И. Герцена и Н.И. Огарева, а также в английской газете “*Taimes*”, которое осуществлялось через Н.С. Фонвизину, знакомую сестры Венюкова – Софьи Ивановны. Из сохранившегося письма сестры Венюкова от 19 января 1862 г. из с. Спасское (Москва) видно, что его статьи уже тогда рекомендовались для публикаций в “Колоколе”.

С.И. Венюкова писала: «Узнала от нее (Н.С. Фонвизиной. – В.Е.), что твои статьи уже напечатаны, только не в “Колоколе”, а в “*Taimes*” и вот почему: она хотела без твоего на то согласия, подписать твоей фамилии, а барон Герцен не принимает анонимных сочинений. Но чтобы скорее доказать тебе с ее стороны внимание и участие в открытии злоупотреблений она просила кого следует поместить в “*Taimes*”. Между тем она взяла у меня твой адрес и будет писать к тебе сама о том, как это она сделала, да притом она высказа-

ла мнение, что лучше вашему брату прямо присылать статьи ко мне, потому что пересылка через вас только будет замедлять выпуск статей в печати, – я этого только и желала! Следовательно, с этой стороны твое желание исполнилось»¹.

Письмо сестры приоткрывает завесу в настроении Венюкова, его переживаниях, упадническом настрое и пессимизме. Своей сестре он, конечно, писал о самых сокровенных думах и тайнах. Его как и большую часть молодежи того времени волновали вопросы возвышенного плана – социальные преобразования в стране, определение цели жизни и приложение сил на пользу общества. И это были не высокие слова, а стремление к конкретной деятельности на переломных рубежах истории страны. Было трудно всем, но более сложно определялся и выработывался путь действий в условиях царской армии. Венюков, не находя близких друзей и единомышленников, писал с Кавказа отчаянные письма, впадал в уныние и хандру, иногда терял веру в полезность своей деятельности. Твердая вера служения народу колебалась и вновь возрождалась. Во многом Венюкову помогает увлеченность работой по изучению края. Упрекая брата за слабость характера, за неуравновешенность, Софья Ивановна писала: «...под первым впечатлением, я было и сама впала в какую-то безвыходную тоску... Однако же стараюсь вывести истину из твоего отчаянного письма. Я нахожу, что еще не все потеряно для тебя; твое собственное сознание в том, что не умел служить идее, доказывает, что ты можешь ей еще служить, на это нужно время, которое если иногда и разрушит планы, зато на развалинах ставит по себе памятник. Ты пишешь сам: “теперь остается бежать в скромную сферу науки, отдаться ей сполна”. Эта мысль и желание разве не заставляет сознавать, что идея живет в тебе». Венюков задумал написать роман, но сестра не советует делать этого. «Кстати, – отмечала она, – ты пишешь, что тебя посетила мысль писать роман; я не знаю, я много над этим думала, ведь ты просил посоветовать; боюсь сказать как “осел Крылова соловью”, но мне кажется тебе теперь не нужно этого делать, потому что таким разочарованным направлением духа, не вышло чего-нибудь одностороннего; нет погоды, лучше поступи так, как писал к Виктору (брату. – В.Е.) прежде, чем хочешь написать пространственную физическую географию; а еще лучше если бы писал небольшие очерки Кавказа: о нем в настоящее время как-то еще мало пишут и помещал бы их в журнале – “Вокруг света”, где преимущественно помещают географические наблюдения». Софья Ивановна упоминает об Уньковском, который, читая статьи Венюкова, говорил – “вот бы ему написать, как отразились, и в какой силе наши новые правительственные распоряжения на Кавказе» (там же). Венюков прислушался к сове-

---

¹ Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (быв. им. В.И. Ленина), фонд Венюкова (363), кор. 2.

там сестры, он преодолел свое настроение и начал писать статьи. Некоторые из них публикуются в “Колоколе” Герцена. Основное же внимание он направляет на связь с Русским географическим обществом и Академией наук в Петербурге.

По возвращении с Кавказа, осенью 1863 г. Венюков выступает в РГО, и его вице-президент Ф.П. Литке вводит Венюкова в круг ученых, собирающихся у него, среди которых были и знакомые Венюкова. На молодого ученого обратили внимание и государственные деятели – военный министр Д.А. Милютин и директор Азиатского департамента Н.П. Игнатов.

Кавказский период деятельности М.И. Венюкова закончился. Он был для него, несмотря ни на что, весьма поучительным и плодотворным в научном отношении. Его работы по Северному Кавказу и “Этнографическая карта северо-западного Кавказа”, как и предыдущие исследования, были высоко оценены учеными. Спустя некоторое время эти материалы и другие были обобщены и опубликованы в виде большой статьи “Примечания к будущей истории наших завоеваний в Азии” в “Колоколе” (1867). Эта статья делилась на четыре части: 1) Восточная Сибирь, 2) Западная Сибирь, 3) Оренбургский край и 4) Кавказ. А.И. Герцен дал ей положительную оценку.

Глава 4

Служебная деятельность в Польше. Путешествие по Европе

В Польше (1863–1867 гг.). В конце 1863 г. М.И. Венюков переводится в Царство Польское, где назначается вначале военно-уездным начальником¹ Ленчицкого уезда, а затем председателем Люблинской комиссии по крестьянским делам. Обстановка в Польше в то время оставалась крайне сложной, и Венюков приложил немало сил для облегчения участия поляков – участников восстания 1863–1864 гг. Стремление познакомиться воочию с самыми жгучими вопросами того времени, как указывал Венюков, зародилось у него еще на Кавказе. Он надеялся, что своим участием может “принести какую-нибудь услугу одновременно России и Польше, содействовать установлению между ними наилучших отношений” (1895, кн. 1, с. 342). Венюков сочувственно относился к польскому восстанию против российского самодержавия и нередко открыто вступал, подобно Герцену, в противоречия с официальными военными властями. Ему претили ложь и лицемерие, грубый полицейский произвол военных и гражданских чинов в Польше. Всего три месяца пробыл Венюков в должности военно-уездного начальника. В феврале 1864 г. его переводят по просьбе Н.А. Милютина², руководителя государственного Комитета по земельным делам, в гражданское ведомство – Люблинскую комиссию, которая должна была рассматривать земельные дела и, в частности, возвращение крестьянам земель, захваченных польской шляхтой в 1846 г. Венюкову нравилась эта работа под руководством Н.А. Милютина, бывшего душой проводимых реформ. По словам Венюкова, Милютин надеялся “произвести социальную революцию, но не с тем только, чтобы задавить ею политическую, а с тем чтобы пересоздать Польшу навсегда в духе прогресса. Не ослабить только аристократию, с ее шляхетскими преданиями и склонностями, а создать прочную демократию” (там же, с. 373).

¹ В задачи военно-уездного начальника входили главным образом административно-управленческие функции. Военно-политические функции в уезде принадлежали Войсковому командиру.

² Н.А. Милютин – государственный деятель и ученый, брат Д.А. Милютина. Он был активным деятелем Русского географического общества.

М.И. Венюков энергично принялся за претворение в жизнь указа о наделении земель крестьян и восстановление справедливости. Первоначально идеализируя политику российского правительства в Польше и свои действия в комиссии, он вскоре был разочарован. Положение в стране круто изменилось после покушения на Александра II в 1866 г. К управлению в Польше пришел граф Шувалов, по выражению Венюкова, “жандарм”. Милютин от управления комитетом был отстранен. Венюков понимал, что царское правительство предпримет жесткие меры как в Польше, так и в России, и проводить какие-либо демократические преобразования было уже невозможно. Он писал, что если выстрел дело польское, то в Польше “опять начнется террор, и ни правительству, ни народу станет не до ликвидации табелей, а следовательно, наше дело погибнет неоконченным, если же выстрел сделан каким-нибудь русским, то начнется самая сильная реакция в России, та реакция, которая уже засадила в каторгу Михайлова и Чернышевского и готова была разрушить новые суды, земство и даже освобождение крестьян” (1895, кн. 1, с. 412).

Занимаясь служебными делами в Польше, Венюков оставался верен своим идеям и идеалам демократии. Он питал особое сочувствие к народным массам и в особенности к крестьянам, противопоставляя их незащищенное положение самодовольной шляхте. И это он доказывал своими поступками. Так например, в годовщину указа о наделении польских крестьян землей, в феврале 1865 г., он дал обед крестьянам (“войтам”), что возбудило немалые толки среди самих крестьян и особенно среди панов, которые считали эти действия унижением для шляхетства. Они говорили, что это скандал и пощечина им. Венюкову приходилось защищаться и от царских чиновников, и от польских панов. Во время пребывания Александра II в Варшаве и приема им председателей крестьянских комиссий император, по мнению Венюкова, принял их холодно, так как они были «выставлены Шуваловым и Бергом как люди “отчаянно-красные, социалисты”». Многие члены комиссий, после того как их стали принуждать снизойти до чиновничьего уровня, уходили со службы. Этому последовал и Венюков.

Свои взгляды на происходящие в Польше реформы и оценку работы Комитета по крестьянским делам Венюков изложил в брошюре: “Le Comite constituatut en Pologue” (1867), опубликованной за границей, а не в Варшаве как указано на титульном листе, и без указания автора. В ней отражена положительная роль работы земельных комитетов, давалась характеристика их сотрудников и критиковалась политика реакционеров.

Пребывание в Польше и знакомство с жизнью населения неизбежно приводило Венюкова к соприкосновению с чуждой для него идеологией – идеологией католицизма и его униатской разновидностью. Но он не мог, конечно, выступить открыто против религии, сознавая, что она служит орудием в осуществлении многих социальных и политических целей. “Религия среди народных масс все еще

**Михаил Иванович Венюков (стоит)
и Николай Михайлович Пржевальский. 60-е годы**

сила, — писал он, — и большая сила; с помощью ее можно достигать многих важных политических целей, например, объединение или разъединение народностей; но только нужно употреблять ее умея, с искусством...” (там же, кн. 1, с. 409). Религию, в том числе и унию, он считал плутнями религиозного уопомрачения и вообще “недугами людей”. В этом он убедился, общаясь с народными массами и анализируя их историю. Проповедуя эти идеи Венюков, однако, выступал против крайних мер в виде закрытия католических монастырей, ареста монахов и ксендзей. Он считал, что освобождение человечества от религиозных заблуждений должно произойти само по себе со временем.

Отдавая большую часть времени служебным делам, М.И. Венюков не оставляет свои занятия географической наукой. Знакомство и общение с мыслящими русскими офицерами, а также с польской интеллигенцией дают ему силу и энергию, воодушевляют на продолжение работ по обобщению материалов со времени увлечения работами А. Гумбольдта и предыдущих своих исследований. Он пишет и публикует ряд статей в изданиях Русского и Лондонского географических обществ. Много времени отдает созданию первого солидного обобщающего труда по физической географии. “Физическая география”, вышедшая в двух книгах (СПб., 1865), представляла собой, скорее, учебное пособие для тех, кто интересовался проблемами естествознания, в особенности науками о земной поверхности, о преломлении физических законов и закономерностей применительно к нашей планете. В ней он рассмотрел вопросы о виде, величине, массе и движении Земли, об устройстве земной поверхности (“земной коры”), включая вопросы атмосферных явлений, вод Мирового океана и суши. Это была первая попытка представить научной общественности свои взгляды по теоретическим вопросам географии. Его представления по этим вопросам будут рассмотрены ниже, отметим лишь, что они отличались глубиной обобщений и анализа на достижения естественных наук того времени. Его работа в какой-то степени повторяла и расширяла знания о Земле, приведенные в книге академика Э.Х. Ленца (1851) того же названия. Географическая деятельность и духовная близость, по нашему мнению, сблизили в Варшаве Венюкова с Н.М. Пржевальским и повлияли в определенной степени на дальнейшую судьбу последнего. М.И. Венюков, будучи уже опытным исследователем, старшим товарищем по возрасту и военному званию, заразил Пржевальского своими планами и творческой работой. Известно, что Пржевальский, являясь преподавателем в Варшавском юнкерском училище, так же написал учебник по географии для учащихся (1867, 1870). Плодотворное влияние Венюкова на Пржевальского не прерывалось до самой трагичной кончины последнего в 1888 г. (Есаков, 1955, 1993).

Польский период деятельности М.И. Венюкова заканчивался. Он добивается отпуска и больше туда не возвращается. Свое отпускное время Венюков активно использует для расширения своих знаний, путешествуя по Италии, Франции, Бельгии и Германии.

В странах Западной Европы. Встреча с А.И. Герценом и Н.А. Огаревым. Путешествие М.И. Венюкова началось со знакомства с юго-западными районами России, о которых он писал зачетное сочинение (военно-географический обзор) в Академии Генерального штаба. Из Варшавы он отправился в Брест, а затем в Житомир, Бердичев, Тульчин, Балту и Одессу. На перекладных и пешком он прошел всю территорию правобережной Украины – от пограничных районов с Белоруссией у Бреста до Черного моря у Одессы. Посещая описанные им места и хорошо зная их по литературе,

Венюков отмечал, что сведения его были “довольно верны; но только отношение их к действительности было таково же как плохой литографии к картине Айвазовского или Куинджи” (1896, кн. 2, с. 4). Этим подчеркивалась необходимость изучения территорий в экспедициях, исследование стран воочию на основе научной методики.

Из Одессы Венюков отправился в Италию, а затем в Швейцарию. Останавливался в Женеве, а также в Париже, где в дальнейшем ему предстояло прожить последние 24 года своей жизни. Большое впечатление на Венюкова произвели встречи с А.И. Герценом, который разделял его идеи и высоко ценил сотрудничество в журнале “Колокол” (его статьи об Алтае, русских завоеваниях в Азии и др.). В них Венюков раскрывал “кое-что из изнанки русско-азиатских завоевательных подвигов”. Герцен делился с Венюковым планами о задуманном им новом издании “Колокола” для всей Европы, обсуждались ими и насущные проблемы России...

Встречи и беседы с Герценом вселили в Венюкове новую энергию и укрепили его свободолюбивый дух, ненависть к угнетателям, любовь к Отечеству. «Под влиянием женевского “вольного духа” и отчасти бесед с Герценом, – писал Венюков, – пульс у меня так повысился, что я даже написал два стихотворения» (1896, кн. 2, с. 22). Одно из них – перевод на русский язык “Марсельезы”, текст которой по желанию Герцена был напечатан в его типографии и доставлен в Петербург для распространения в России. К сожалению, почти все экземпляры его сгорели. Вот содержание некоторых четверостиший, воспроизведенных Венюковым в своих воспоминаниях:

“Вперед, сыны страны родной!
Дни славы наступили!
Тираны дикою толпой
В наш вольный край вступили,
В наш вольный край вступили!

Веди ж к победным нас путям,
Любовь к стране святая!
Будь лозунгом своим борцам,
Ты, вольность дорогая,
Ты, вольность дорогая!
И пусть с победой прогремит
Гражданственность нам “слава”!
Да вся вселенная узрит,
Что меч стоял за право!

В ружье друзья! Сомкнитесь в тесный строй!
Вперед за мной, вперед за мной...

(1896, кн. 2, с. 22–24)

О Герцене Венюков вспоминал: «Такого всестороннего и острого собеседника я не имел никогда ни прежде, ни после. Чтение его книги “Былое и думы”, тогда бывшей новостью, не могло заме-

нить его самого» (там же, с. 27). В характеристике Н.А. Огарева Венюков был более сдержан. Он казался ему более закрытым и суховатым. В таком приподнятом настроении Венюков направился в Париж, Брюссель и Берлин. В результате общения с европейскими учеными и знакомством с западноевропейской наукой у Венюкова возникают новые планы и проекты. В частности, его более глубоко заинтересовали вопросы исследования ледников, которые он впервые наблюдал на Тянь-Шане и на необходимость систематического изучения которых он обратил внимание своего коллеги по изучению Иссык-Куля А.Ф. Голубева. Позже Венюков вновь обращался к этому вопросу, отмечая вклад в изучение ледников Н.А. Северцова, В.Ф. Ошанина, И.В. Мушкетова, А.Н. Краснова и др.

В Западной Европе М.И. Венюкова поразило отношение к религии. “Католическая религия, – писал он, – очень уж удобна для всяких фарисеев и мытарей” (1896, кн. 2, с. 34). По его мнению, наилучшее определение брюссельцам – “разжиревшие буржуа”, которые не могут вырваться из под зависимости от католических попов и строят свое благополучие на лжи и воровстве; «...после очень крупного и бессовестного воровства, исповедался за 20 франков – и дело в шляпе: все мытарства отпущены, да и, пожалуй, даже место в раю уготовано, особенно если жена в дружбе с попами... Точь в точь наши купцы, особенно те, что по “старой вере”, только не имеют надобности торговать женами, потому, что у наших “косматых жеребцов” есть свои» (там же, с. 34). Интересны и злободневны его наблюдения и высказывания об отношении европейцев к другим народам: “Западные народы, хвелящиеся всемирностью, – т.е. космополитизмом своей цивилизации, в сущности самые узкие националисты, которые не любят, конечно, быть в подчинении у других племен, но сами всегда готовы угнетать иноплеменников им подвластных и могущих составить им конкуренцию экономическую и политическую” (там же, с. 19). Он воспроизводит историю Берлина и прусского государства, добившегося преуспевания “силою креста, опертю на оружие”, искоренившего или онемечившего в течение многих веков славянские племена. Берлин в то время “стал центром солдатчины, направленной уже против самих немцев”.

В Петербурге. По возвращению в Варшаву, а затем в Петербург, Венюков продлил свой отпуск с сохранением жалования до мая 1869 г. Он надеялся получить назначение в Туркестан, а в отпускное время предпринять путешествие в Восточную Азию, посетить Китай и Японию. Готовясь к путешествию, Венюков изучает литературу, слушает лекции в Петербургском университете, обсуждает научные проблемы с профессурой. Он близко сошелся с профессором А.Н. Савичем, познакоившим его с другими учеными. Через ректора университета Кесслера Венюков как путешественник и автор “Физической географии” приглашается на Первый съезд русских естествоиспытателей и врачей 1867 г., где в своем докладе до-

казывал необходимость подготовки в России натуралистов-естествоиспытателей предпочтительно перед специалистами классического образования. Он веско аргументировал свои предложения тем, что “две трети России еще не обследованы в смысле естественно-историческом, что Сибирь и Среднеазиатские степи представляют еще земли почти не тронутые наукой” и что “для довершения их научного завоевания есть одно средство – основать за Уралом университет, который бы доставлял азиатской России местных научных исследователей” (1896, кн. 2, с. 47). Венюков придавал своему сообщению не только научный, но и острый социальный характер. Профессор Кесслер, – руководитель съезда, познакомившись с докладом Венюкова, который он должен был произнести на общем собрании, пришел в ужас. Радикальность взглядов Венюкова его ошеломила, и он предложил смягчить, выбросить, кое-что изложить иначе, чтобы не раздражать начальство. Венюков наотрез отказался что-либо изменять и выступил на съезде. Но его речь и рассмотренные в ней предложения прошли незамеченными. Во влиятельных сферах, как отмечал сам Венюков, если речь и была замечена, то разве в III Отделении графом Шуваловым и его жандармами. И об идеях Венюкова вспомнили только лет через 20, когда университет в Сибири уже готовился к открытию.

Глава 5

Путешествие в Китай и Японию (1868–1870 гг.)

Изучив литературу и подготовившись к путешествию в Восточную Азию, Венюков предпринял на свои средства поездку в Восточную Сибирь, а оттуда намеревался через Монголию и Китай добраться до Японии. Ему была выписана казенная подорожная до Пекина, в дальнейшем он сам должен был определять маршрут путешествия и задачи исследования. Однако эта попытка проникнуть в страны Восточной Азии закончилась неудачей. Затратив средства и два с половиной месяца Венюков был вынужден вернуться из Кяхты в Петербург. Местный пограничный комиссар Пфафиус задержал путешественника, так как у Венюкова не оказалось формального предписания из Петербурга или Иркутска, хотя генерал-губернатор Б.К. Кукель телеграфировал, что к отправлению Венюкова на почтовых до Пекина препятствий нет. Венюков не мог ехать дальше за свой счет, так как это лишало бы его возможности передвигаться по территории Китая и Японии.

Бюрократические препятствия, мешающие Венюкову осуществить свою мечту, не остановили его. Он решил действовать другим путем, через влиятельных государственных деятелей: военного министра Д.А. Милютину и министра иностранных дел Н.С. Мордвинова. В январе 1869 г. Венюков обратился к ним с просьбой о командировании его в Китай и Японию для военно-географического изучения этих стран. Указывая на важность исследований стран Дальнего Востока, Венюков отмечал, что эта идея занимала его в течение пятнадцати лет и что его командировка дала бы ему возможность изучить эти страны и представить результаты исследований “на общую пользу”. В своем прошении Венюков писал: “...Я мог бы с полным вниманием посвятить себя изучению этих государств (Китай и Япония. – *В.Е.*), как делу отчасти уже знакомому и, быть может, небесполезному для правительства и всего русского общества”¹. Д.А. Милютин, высказывавшийся за посылку Венюкова в Китай и Японию на длительный срок еще весной 1868 г., на письме Венюкова написал: “Действитель-

---

¹ О командовании подполковника Венюкова в Китай и Японию. РГВИА, ф. 401, оп. 2/926, д. 11, 1869 г., 81 л., лл. 1 об.–2.

но могло бы быть полезно пребывание подполковника Венюкова в Китае и Японии в продолжении нескольких лет. Можно спросить об этом мнения Государственного канцлера. За доставление книги прошу благодарить. Д. Милютин. 15 января.”¹. В составленном и подписанном Милютиным письме Государственному канцлеру иностранных дел князю А.М. Горчакову было написано: «Состоящий при артиллерии подполковник Венюков, известный своими трудами по этнографии и статистике Азии, издавший недавно “Очерки Японии” обратился ко мне с просьбой ходатайствовать о назначении его в одну из наших китайских или японских миссий. Сколько мне частным образом известно, в Азиатском департаменте не раз являлась уже мысль с пользой иметь в числе русских агентов на востоке офицера, на которого лежала бы обязанность сообщения и обработки географических, топографических, статистических и других сведений о сих странах. Мне кажется, что пребывание с этой целью подполковника Венюкова в Китае и Японии в течение нескольких лет, могло бы действительно принести нам пользу»².

В письме Н.С. Мордвинову Венюков ссылался на мнение известного путешественника и государственного деятеля Е.П. Ковалевского о важности исследований Востока и необходимости иметь в тех государствах офицера при миссии. Ходатайство Д.А. Милютина было поддержано в Министерстве иностранных дел. Оно явилось определяющим в решении вопроса о посылке Венюкова в Китай и Японию. Однако согласившись с Милютиным, дипломатический департамент отказался не только финансировать поездку Венюкова, но и предоставить помещение для работы в Пекине.

Военное ведомство взяло на себя все расходы на командирование Венюкова в Китай и Японию в течение двух лет. 13 марта 1869 г. последовало высочайшее разрешение командировать Венюкова в Пекин “для собирания сведений о вооруженных силах, о географии и статистике Китая и Японии, а будет возможность и прилегающих к Китаю западных Среднеазиатских земель”³. Перед поездкой Венюков получил подробную инструкцию, в которой указывалось, что он должен был уделить особое внимание на топографию пограничных с Россией областей: в Китае – Китайского Туркестана, Монголии и Манчжурии, в Японии – Мацмая (о. Хоккайдо) и Сахалина. От него требовалось доставлять вовремя в Петербург систематические отчеты и работать над составлением описания Японии и большей части Китая. Эти планы соответствовали стремлениям путешественника и являлись весьма важными для географической науки, познания природы и населения Японии и Китая. Все теперь зависело от организации работы и финансирования экспедиции.

¹ Там же, л. 3. Милютин благодарил Венюкова за изданную только что и присланную ему книгу “Очерки Японии” (СПб., 1869).

² Там же, лл. 8–8 об.

³ Там же, л. 24.

М.И. Венюков решил добираться до Китая через Европу и затем морским путем. 16/28 апреля 1869 г. он выехал из Петербурга в Марсель, а оттуда через Александрию и далее по Красному морю и Индийскому океану к месту назначения. Пароход заходил в Аден и на о. Цейлон, в Сингапур, Сайгон и Гонконг. Посетив Кантон, прошли Тайванским проливом и Восточно-Китайским морем в Иокогаму (Япония). В целом плавание заняло 1,5 месяца.

В Японии в то время русской дипломатической миссии не было. М.И. Венюков на свой страх и риск, остается в Иокогаме, в качестве русского торгового агента коммерческого каменноугольного объединения в России с целью обследования портовых городов. Хорошее знание французского и английского языков и жизненный опыт позволили ему быстро освоиться с обстановкой, приобрести знакомства среди предпринимателей Западной Европы, знавших Японию и Китай. С их помощью, а также японских служащих, он вместе с изучением городов знакомится с жизнью страны, ее географией и населением, изучает японскую картографию и статистику страны, а также военные вопросы. Приобретает ряд старых и новейших карт Японии. Изучает внешнюю торговлю и взаимоотношения между Японией и западноевропейскими государствами и представителями последних с японцами. Все эти материалы и сведения послужили Венюкову основой для текущих отчетов в Россию, а также для более углубленного обобщения их в его географических трудах.

В сентябре 1869 г. М.И. Венюков переезжает в Пекин. В русском посольстве его встретили холодно и не предоставили даже удобного для работы помещения. Его определили в полутемную, неотапливаемую комнату, “где никакие занятия при предстоящих холодах невозможны”, писал он из Пекина¹. Гостиниц в Пекине в то время не было. Венюков вынужден был покинуть столицу Китая и отправиться в Шанхай. Здесь он нашел более благоприятные условия для работы и помощь своих соотечественников и новых знакомых. Большую помощь Венюкову в Китае оказывали представитель духовной миссии архимандрит Палладий, директор метеорологической обсерватории Фричче и купец Старцев. Дипломатические же работники – представители консульства Бюцов и Скачков, наоборот всячески препятствовали выполнению задач по изучению Китая и Японии. Они видели в нем конкурента и не помогли Венюкову даже тогда, когда он оставался совершенно без средств к существованию из-за задержки присылки ему денег из Петербурга.

Расположив к себе некоторых местных представителей научной интеллигенции, М.И. Венюков сумел плодотворно организовать свою работу. Он тщательно изучает добытые источники и материалы в Шанхае, знакомится с географическими трудами и даже пере-

---

¹ Донесение М.И. Венюкова из Пекина 5/17 сентября 1869 г., РГВИА, ф. 401, оп. 2/926, д. 11, л. 62.

Одинъ
рубль сер.
принимать

Всепривѣтливѣйшій, Державный
Императоръ Александръ Николаевичъ,
Государь Вселенствѣйшій!

и гр., и гр., и гр.

Проситъ соотолучи по почтовой посылкѣ
Артиллеріи Подполковникъ Михаилъ
Венюковъ о нижеслѣдующемъ:

Во свѣдѣніе Вашего Императорскаго Величества вѣст-
нѣе, я изъ унтер-офицеровъ Второго Кавказа въ 18^м артилле-
рійскую бригаду Крапивиныхъ, вступилъ въ 1850 году. Въ 1852 году
прикомандированъ къ полку моему Второму Кавказскому полку въ должностъ
репетиторъ фидики, при семъ же развѣсивъ въ 1853 началъ
отдавать слушателямъ курсъ естественныхъ наукъ въ С.Петербургскомъ
Университетѣ. Въ 1854^м поступилъ въ Академію Генеральнаго
Штаба, по окончаніи курса въ которой прикомандованъ къ Генераль-
ному Штабу и кавалеріи въ 1858^м переведенъ въ этотъ Штабъ, и при-
командованъ за отчисленіе въ Штабъ Кавказскій. Съ конца 1858
по 20 февраля 1859^м состоялъ въ распоряженіи Генерала Губер-
натора Восточной Сибири, при семъ же въ 1859^м управлялъ пу-
тешаго канцеляріею Генерала-Лейтенанта Муравьева, а
въ 1859^м производилъ обследованіе реки Чуры, давши о семъ
описаніе статей государственнаго изданія Россіи съ Моск-
вы, и о трудахъ эти награжденъ орденомъ Св. Анны 3^й ст.
Въ февралѣ 1859^м назначенъ Старшимъ Адъютантомъ въ Штабъ

Письмо М.И. Венюкова Александру II, от 19 февраля 1870 г.

Отданаго Сибирскаго Корпуса и Высочайш. повеление из
 правитель. Военног. Реконструирован. по Высочайшему повелению
 произведенно въ Верховный р. Ку. По окончании этой реконструи-
 ровки за него отпущен, въ этой оказавшейся, произведенъ 30 декабря
 1859. въ Капитанъ. Въ 1860. снова управляетъ Дилижантск. воен-
 ныхъ отрядовъ, въвиду которыхъ по селамъ Искандер-хана и въ Кебисеке
 селамъ. Въ августъ того же года, по домашнимъ обстоятельствамъ
 уволенъ въ 3-е месячныхъ отпускъ съ сохранениемъ содержания,
 08 ноября 1860. отпускъ этотъ обращенъ въ безсрочный. Въ 1861,
 6 сентября, при вторичномъ зачислении на действительную
 службу, въ вѣдѣніи придворнаго Давида и царск. вѣнск. охот-
 ности, переведенъ въ Свѣтлопольскій пехотный полкъ Майоромъ.
 Въ теченіи 1862 года, командиръ 4-го батальона этого полка
 находился непрерывно въ походѣ за Лавою, и 23 ноября за от-
 личіе въ дѣлѣ съ турками награжденъ орденомъ Св. Станис-
 лава 2-го ст. съ мечомъ. Въ 1863 году командовалъ отдѣль-
 нымъ 2-мъ своднострѣльцовымъ батальономъ Кавказской арміи
 и со отпущеніемъ въ походъ противъ турковъ награжденъ 19 сен-
 тября крестомъ Подполковника. Въ вѣнск. по службѣ въ
 Кавказѣ вѣнск. Председателя полкаго управленія Судно дѣлу
 о Капитанѣ Вахѣ. По расформированіи своднострѣльцовъ
 батальона Кавказск. арміи, командированъ въ распоря-
 женіе Наместника Царства Польскаго и 5 февраля 1864 года
 назначенъ Лейтенантъ Военно-учредитель. начальникомъ, а
 3-го числа 1864. - Председателемъ Люблинск. по крестьянск.
 вѣнск. Комиссіи. За отличіе по службѣ въ этой должности
 сѣнск. награжденъ 30 августа 1865. орденомъ Св. Анны 2-го ст.
 въ Императорскаго Коронно. При перестроеніи Ком-

Начальнику Главного штаба

Командированного въ Китай и Японіи Артилле-
рію Подполковника Венюкова

Репортъ

В самое мое прибытіе въ Японію обратилъ особенна-
е вниманіе на Тококскаій мирной арсеналъ, который съобщилъ мнѣ
отрадно большіе суммы и довольно суровыя замечанія въ виду
не-термисскихъ упрямствъ. И хотя мнѣ приводилось много
осматривать сибирскіе арсеналы и ихъ устройства, но плано и
мнѣ сдѣлать, и Достантъ сотовало не удавалось, такъ какъ я не имѣлъ
правительства въ этомъ сурово оны подотруднѣно къ администраціи.

Нынѣ суровы Достантъ мнѣ возможности за недолгую сум-
(935) приобрести такой планъ отъ одного изъ отставныхъ кн-
жковъ арсенала, который выдаетъ съ планомъ достантъ мнѣ въ
мощность скопировать карту Тококскаго Буты

Данная эти мнѣго мнѣго потрудившіеся представилъ Ве-
нѣму Сибирскому выдать съ перваго гасѣно составленнаго и
объясно стратегическаго очерка Японіи и съ перспективнаго кар-
тографическаго плана, где означены сибирскіе горы и гавани.

Подполковникъ Венюковъ

№ 11

17 июня 1870

Тококска

Репортъ начальнику Генеральнаго штаба генерал-адъютанту Ф.Л. Гейдену от 17 июня
1870 г. Иокосама

водит с помощью китайского переводчика на французский язык содержание атласа “Небесной империи”, изданного Ху-Гуанским генерал-губернатором. Отдельные сведения о географии и о военных вопросах Китая Венюков отсылал в Петербург. Здесь же в Шанхае зимой 1869–1870 гг. Венюков пишет обобщающую работу о Китае, опубликованную им в 1874 г., уже после приезда в Россию. В Шанхае М.И. Венюков знакомится с немецким исследователем Китая Ф. Рихтгофеном. Последний неоднократно встречался с Венюковым, и они обсуждали ряд научных вопросов. Выдающийся немецкий ученый высоко ценил научные заслуги Венюкова, хорошо знал его работы и использовал их в своих фундаментальных исследованиях по Азии. В противоположность Рихтгофену, предпринявшему длительное путешествие по внутренним провинциям Китая, М.И. Венюков не имел этой возможности. Он часто оставался без средств, а в отдельные моменты вынужден был продавать свои личные вещи и книги для поддержания своего существования. Задуманные Венюковым поездки по Китаю не были осуществлены.

Весну и лето 1870 г. М.И. Венюков провел в Японии. Он посещает Нагасаки, Иокогаму, Иокосуки и другие города, изучает местные литературные и картографические материалы, работает над сочинением о географии Японии. Результатом его пребывания в Японии явилось создание серии очерков о природе и населении страны, а затем и обобщающей монографии “Обозрение Японского архипелага в современном его состоянии” (1871). Однако и в Японии работать Венюкову приходилось сложно и тяжело, не получая достаточных средств из Петербурга. В Иокогаме он вынужден был прибегнуть к помощи капитана русского клипера “Всадник” Михайлова, заходившего в Японию. В рапорте Главному штабу от 30 марта 1870 г. Венюков писал: «...все мои занятия, особенно те, где требуется личный обзор, совершенно парализуются не высылкой до настоящего времени следующего мне содержания, так что я нашелся вынужденным прибегнуть к помощи командира стоящего здесь на рейде клипера “Всадник”, сделав заем со значительною для меня потерей...»¹. Но несмотря на материальные затруднения Венюков систематически высылал статьи о своих занятиях в Петербург, в Военное министерство. Особое внимание им уделялось военно-статистическому описанию страны, описанию городов (Кантон, Кобе, Киото и др.), путям сообщения, иностранным военным силам в Японии и Китае, сведениям о снаряжении и обучении японских войск и пр.

Задержка, а затем и прекращение пересылки средств на продолжение исследований в Китае и Японии вынудили Венюкова обратиться в военное ведомство с просьбой о возвращении его в Россию. При этом он указывал на свое желание и важность возвращения об-

---

¹ С донесениями подполковника Венюкова о Японии и Китае, РГВИА, ф. 401, оп. 2/926, д. 112, 1869, л. 9 об.

и анимирован на Уайлент. Собранные материалы
и сфигурированные материалы много раз почитательны
не представит при. Этот Вакансу Святительству
выяснит с сестры. Словом, каковы много
описания. Истинно. Что касается до продолжения
последней работы, то при напечатании графика
расширения здоровья мне трудно отделить,
когда можно будет с окончить. Я принимаю один
материал, чтобы все материалы у меня материалы
были доставлены в Р. Петербургу во все время
судов.

Павловский. Восток

№ 44

12 сентября 1870
Индийский океан.

ратно через Манчжурию, Монголию и Дальний Восток или через Северную Америку. Распоряжение об отзыве Венюкова из командировки не заставило долго ждать, при этом возвращаться приказано было тем же путем, как он и добирался сюда – на пароходе через Европу. Обратный путь для Венюкова становится весьма длительным и мучительным в моральном отношении. Он возвращается в Европу через Италию и посещает Швейцарию. В Женеве Венюков встречается с Н.П. Огаревым и другими русскими, с научной ответственностью страны. А.И. Герцена не было уже в живых. Венюков замечает, что в это время наблюдалось новое веяние в русской эмиграции – это вырождение старой, “дворянской эмиграции и замена ее семинарской” и более острые противоречия ее с русской действительностью.

**Михаил Иванович Венюков. 1876 г. С дарственной надписью:
“Николаю Михайловичу Пржевальскому М. Венюков”**

тельностью. Там же он пишет и публикует статью, в которой выступил с протестом против цензурных условий и бесчинства чиновничества в России (1896, кн. 2, с. 139).

Прибыв в Петербург М.И. Венюков ощутил не только безразличное отношение чиновников к успеху его экспедиции в Китае и Японии, но и явную недоброжелательность к его мнениям. Венюкова сильно возмущало и удручало то, что все делалось как будто в пику его личным устремлениям и работе в Китае и Японии. Отзывая его из командировки “по Высочайшему соизволению” 17 марта 1870 г., примерно всего через месяц было подписано “Высочайшее повеление” о посылке в Северный Китай и Монголию на три года новой экспедиции под руководством штабс-капитана Н.М. Пржевальского¹. И посылалась экспедиция именно туда, где Венюков сам планировал провести исследования, о чем он не раз напоминал своему руководству, когда хотел возвратиться из Японии через эти регионы. Более того, он узнал, что невыплаченные ему средства передавались на обеспечение этой экспедиции. Как видно из архивных документов Главного (Генерального) штаба, экспедиция Пржевальского начала готовиться еще весной 1870 г., именно в то время,

---

¹ О командировании Генерального штаба штабс-капитана Пржевальского и подпоручика Пыльцова в Северный Китай на три года, РГВИА, ф. 401, оп. 2, 1870, д. 67, 28 л.

Господину Начальнику Главного штаба

Состоящего по Армии при Подполков-
ника Венюкова

Рапортъ.

Имѣю честь доложить Вашему Сіятельству, что
сего $\frac{14}{24}$ января я возвратился изъ командировки въ Китай и
Японию, въ С. Петербургъ.

При этомъ имѣю честь почтительнѣйше присовокупить,
что въ теченіе всего времени, пока командировка офице-
рѣ мною продолжалась, т. е. съ 15 августа 1869 г. по 15 июля 1870 г.,
а также и по истеченіи этого срока, до конца 1870 г., мною,
во исполненіе данной мною инструкціи, представлялись
слѣдующіе матеріалы:

А. По Китаю:

1. Собраніе маршрутовъ по Маньчуріи и Монголіи.
2. Описание войскъ въ Маньчуріи и Тихи.
3. Описание китайскаго флота.
4. Обзоръ военно-техническихъ устройствъ въ Шанхае, Фукин-
гу и Канкинѣ.
5. Описание Кантона, съ картой и планами.
6. Описание Цифу, Дау и Тяньцзиня, съ военными устройс-
твами въ нихъ.
7. Два отдала исторіи возстанія Тайпингъ,

Рапортъ начальнику Генеральнаго штаба Ф. Л. Гейдену
от 18 января 1871 г. Санкт-Петербургъ

8. Обзоръ вѣнненъ торговыхъ Китая, сообще и сѣ Россіи въ сист. поств (здѣсь и свѣдѣніи о русскихъ заимствъ империализмъ)
9. Свѣдѣніи о промышленномъ товариществѣ въ Китаѣ, туземнѣхъ и европейскихъ.
10. Обзоръ теменинаго состава Китайской имперіи, съ картою и выполненіемъ о европейскихъ въ Китаѣ.
11. Свѣдѣніи о племенахъ Мѣо.узъ, въ настоящее время и находящихъ въ восстаніи противъ Китая.
12. Свѣдѣніи о китайской иммиграціи
13. Свѣдѣніи о военныхъ силахъ и укрепленихъ европейскихъ въ Китаѣ
14. Разныя свѣдѣніи о предметахъ, указавшихъ иммиграцію, патр. о китайской паровомъ флотѣ, въ рѣшительныхъ воискахъ и и.
15. Свѣдѣніи о пиратствѣ на китайскихъ водахъ
16. Печатный китайскіе дорожники и росписание, военныхъ силъ
17. Печатный англійскій отчетъ о торговомъ экспедици на р. Ляо.узъ.кванъ
18. Печатный сборникъ разныхъ свѣдѣніи о Востока, подъ названіемъ Hong Kong Directory
19. Разныя относительно устройства русскаго пароходства въ Китаѣ

Остаткомъ необработаннымъ, а) третья часть исторіи восстаніи Тайпинговъ, б) обзоръ восстаніи Душманъ, с) портреты въ Тунхуаринъ и западной Свангонинъ, д) дорожники карта второй части Китайской имперіи, нагайскія и ухи въ имперіи игопленная

В. По Японіи:

1. Карты: дошедшая всего Японская архипелага, на 4х листах, две дорожные, и перспективная, сгруппированная по провинциям.
2. Планы: Эддо (до), Токио, Осаки, Кобе, Нагасаки, с описаниями этих местностей и Кисама, п. Кіото.
3. Планы Токиоской бухты и арсенала в Токио.
4. Сводный о путях сообщений в Японіи.
5. Сводный о сообщениях Японіи (и Китая) с Европой и Америкою.
6. Сводный о новых раздѣленіи и колонизаціи Манчурія и картами Хоккаидо.
7. Обзор острова Сахалина.
8. Обзор записок о тактическом образованіи японскихъ войскъ, с приложением японской рекрутской школы.
9. Обзор основанія организаціи военныхъ силъ Японіи.
10. Списокъ судовъ японскаго флота.
11. Описание военно-техническихъ учрежденій в Токио, Токио, Эддо и Нагасаки, с планом.
12. Краткій англійскій обзоръ Японіи, в 2 листахъ.
13. Сводный въ императорскіе финансы.
14. Сводный о доходахъ князей, со спискомъ ихъ.
15. Сводный о вѣнчанинѣ торговли Японіи.
16. Разный сводный по предметамъ указаннымъ и описаннымъ.
17. Составленная мною и отлитографированная географическая карта Японіи, с о Сахалинѣ и невоинскими планами вѣнчанныхъ городовъ.

Наконецъ въ теченіи послѣднихъ мѣсяцевъ 1870г. мною представ-
лено начало обзора описанія Японскаго архипелага, загла-
вующее главѣ: 1. Обзоръ историческаго, 2. Математическаго
географіи, 3. Птоломеевскаго, 4. Гидрографіи, 5. Климата и произве-
деній, 6. Военнографіи, 7. Валитѣйшіи населеніе пунктовъ,
8. Состояніе промышленности, 9. Государственнаго хозяйства.
10. О Сахалинѣ, 11. Японія и японцы (некончено), 12. Бумаж-
денія (Вулканическое потрясеніе Японіи, списокъ астрономиче-
скихъ звездъ, метеорологія, практическія изр.). — Все изданіе
этого сочиненія не могло быть помѣщено отпечата-
нымъ, но подлинникъ его готовъ во время одѣлки и въ слу-
чай приведенія дѣла къ концу, будетъ она имѣть отъ
25 до 26 листовъ мелкаго печатн.

Подполковникъ Венюковъ

№ 49

18 января 1871.

С. Петербургъ

когда Венюков усердно трудился в Японии. Вопрос об этом активно обсуждался в Русском географическом обществе, Военном министерстве и Министерстве иностранных дел.

31 мая 1870 г. начальник Генерального штаба генерал-адъютант Ф.Л. Гейден в пространном представлении, подготовленном для Александра II, обосновывал необходимость посылки такой экспеди-

Материалы

Для изучения современного состояния

Китая и Японии

Разные сведения до июля июля 1870-го года.

1. В Японию правительство вновь отправлено, по крайней мере, несколько офицеров и нескольких солдат в Америку и Европу для приобретения военных знаний. В этот отправленный состав один родственник императора.
2. Князь Сакура купил голландское судно "Kinsin", князь Лианг английское судно "Love", а князь Овари французский пароход "Georges et Marie".
3. В Кобе и Осаке японцы тамбисами западных лодок Ниситона сжигают всякие запущенные ружья, оружие, исключительно скорострельного. По-видимому японцы не считают их разорившим в своем походе, так как прерыв, и потому не купили парохода "Pauillac", "Caden", и потому не, что он продавался всего за 25.000 таишю.
4. Купленные в прошлом году французский пароход "Thalos", назначенный для малых судов, имел довольно большое плавание восточного берега Японии и захватывал в Шанхай, для осмотра в доки, так как доказывал, что японское правительство не доверяет своим, т. е. французским портам и портам в Японии.
5. Восставшие под протекцией Англии земли в 100.000 ф. (по 9% для владения и 13% для Японии, и 3% годовых ссуды). Все за капиталом, как ожидается.

значительного частного помеще на уплату установленных
частей, симпозиальной контрибуции 1864 года. На китайский
бумагу из Taddo в Цюгану до настоящего времени никакой
работы не производится, но симпози на значительное число
азиатских инженеров, живущих в Цюгану, по японским
указаниям.

6. Фабрикация фарфоровых японских ассиманов (киндзюв),
после того, как английские посланники успели добиться,
что позволено на китайском предпринимать фарфоровые
каменны, а также соорудить на 3 года каменную работу,
двигаясь по китайскому Китаю. Недавно одному иностранцу китай-
ский по имени дана была марка этих ассиманов
отлично это отнегарашивать, так что краска его неасоки,
по представлению этих ассиманов имитировать японские
один, бывающий только марку ружья. Китайцы
ведут так дискредитировать в отпуске, что китайская
запретная употреблений из в своем владении, несмотря
на то, что и сам по себе без ружья.

7. Китайцы в Цюгану, бывшего частного английские под-
даные, вопреки протестам, начали вводить в Китай что
предмет откупа. Хотя китайские муниципальные депутаты
англиканцы, объявив, что продажа откупа неасоки и ду-
ркой преступлена ^{пред} судом консулов, но первое скандаль, явив
высказание будущим подвернется виновные, но трактата
и готовятся нечего не говорить, а английские законы еда
ли ассиманов продажу откупа предпринимать. Местные
азиатские власти с усердием говорят по этому случаю
отправлений, слагая поговорки на этот запретного

Гомоини Наваннигу Гавант итатара

товара, а потому вынуждены будут уступить. Если бы
и в Китае существовало бы правительство не менее не
искало новых рынков для продажи, который достиг
иногда предельно низкого уровня. Дохода касат. — Непонятно бы
было, откуда идея вынужденности, которая, когда английские
посольство отперло совершенно равнодушно к открытию сво-
ей торговли и из своей стороны, много несомненно... Это
слишком удивительно. Однако, ввиду всего вышесказанного
пока в европейских странах доносить о замечательных
или сверхъестественных или чудесах, а также.

8. Китайская эмиграция начинает обнаруживать
свой истинный характер (торговлю людьми, как известно,
самыми печальными способами). В течение этих лет
в Шангай прибыли, по пути из Банг-Канга в Сан-
Франциско, корабль "Palmer", на котором и обнаружены
состоявшие эмигранты. Китайцы объявили, что у него
я корабль еще оста, и потому направили Шангайскую
портула распорядился назначить медицинское обследование.
Оказалось, что среди них, по некоторым много
от больных, замеченных, и больных людей еще усаживаясь,
если такая куча людей будет продолжаться в течение
бесконечности. Многие из эмигрантов тогда заливным
железом врануться в Банг-Канг; но американский торговый
корабль "А. Нанд" воспринимал явную, говоря, что эмигранты
заключены в тюрьму. Впоследствии его китайцы и китайцы
и потому были доставлены только до принадлежности.
Ввиду этого концы, пока невозможно; но из необходимости
исполнения обязательств ввиду "эмигрантов" на берегу

и тѣмъ или протѣраннымъ сараемъ, примѣтѣвъ однако не подалъ.
Дело оъ возбужденіи оубого вниманіе въ Токсикантѣ и совѣтъ
мнѣе тѣмъ оубого и нѣтъ; но когда одна изъ этихъ свѣдѣній
извѣстнаго ситаніе, въ вѣсѣхъ было безъ истины, то
оубого замѣтно оубого и нѣтъ; въ вѣсѣхъ въ тѣмъ-
то и развѣданы нѣтъ ситаніе...

ции. В нем ясно было указано, что оставшиеся от экспедиции в Китай средства, отпущенные Венюкову, передавались экспедиции Пржевальского. Эта сумма, составлявшая 2393 рубля 10 коп. покрывала почти все затраты на новую экспедицию. Предложение Пржевальского, “поддержанное Императорским Географическим обществом и посланником нашим в Пекине, – отмечалось в реляции, – представляется Военному министру весьма удобным случаем продолжить хоть отчасти те исследования, которые были возложены на г. Венюкова, с обращением на сей предмет и остающиеся от его командировки средств”¹.

Однако отношение недругов и конкурентов не могло подорвать научного авторитета М.И. Венюкова в познании Азии. Это особенно стало очевидно, когда Венюков представил свои отчеты о путешествии в Китай и Японию в виде ряда интересных, новых по содержанию статей в различных изданиях, а затем в монографических работах. Его выступления в Русском географическом обществе, лекции в Академии Генерального штаба и в других военно-учебных заведениях были высоко оценены научной общественностью. Автори-

тет Венюкова возрос еще более после приглашения читать лекции по географии Китая и Японии детям императорской фамилии. За представленный государю отчет Венюкова о Японии, он был награжден орденом Св. Владимира 4 степени.

Вскоре М.И. Венюков прикомандировывается для работы в Главном (Генеральном) штабе армии России. Ему поручалась ответственная и почетная задача по составлению военно-географического обзора пограничных областей России в Азии, от Приморья на Дальнем Востоке и до Каспийского моря и Туркмении. Началась новая плодотворная творческая деятельность М.И. Венюкова в Генеральном штабе.

Глава 6

В Главном (Генеральном) штабе и Русском географическом обществе (1871–1877 гг.)

Описание пограничных районов России в Азии и др. Возвратившись из командировки в Китай и Японию, М.И. Венюков решил продолжить свои научные исследования Азии. Необходимость таких исследований диктовалась общим интересом российского общества и правительства, а также личными интересами самого Венюкова, ставшего авторитетным специалистом в области географического изучения этого континента. Особая необходимость ощущалась в познании стран и регионов на южной границе России от Приморья на Тихом океане до Кавказа.

Проявив инициативу, М.И. Венюков обращается в Генеральный штаб с просьбой о предоставлении ему возможности заниматься географо-статистическим описанием русских границ в Азии. «Собирание и обработка военно-статистических сведений о русской Азии и соседних ей странах, именно в видах сводки их в одно целое, – писал Венюков в “Записке...” – были всегда предметом моих занятий, как во время службы в Сибири, так и в последствии. Служебное положение в 1856–61 годах отчасти благоприятствовало этому, ибо в течение этого времени я имел случаи: собирать материалы для статистики Забайкалья, описывать реку Уссури, управлять путевой концелярией графа Муравьева на Амуре, быть в двух экспедициях в Заилийском крае и заведывать делами по степной администрации и политике при генерале Гасфорде. Некоторые опыты моих предварительных работ были в свое время представлены местным начальствам, а также ген.-адъютанту барону Ливену и заслужили одобрения».

“Военный министр (Д.А. Милютин. – В.Е.) при представлении моем в январе настоящего года, позволил выразить желание свое, чтобы я не оставлял трудиться: конечно, я должен полагать, в принятом раз направлении, ибо только тогда эти труды могут быть отчетливы и полезны. Для такого изучения большая часть необходимых материалов имеется здесь, в С.-Петербурге, даже у меня лично”¹.

¹ О прикомандировании полковника Венюкова к Главному штабу для занятий по Азиатской границе (1871, 98 л.). Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 401, оп. 2/926, д. 87, л. 66–66 об.

М.И. Венюков определил объем работ и срок их исполнения – примерно в два, два с половиной года. Аргументируя необходимость подобных исследований, Венюков ссылается на активные действия в этом отношении Англии и Германии, которые проводили в то время агрессивную политику в Азии. Россия, по мнению Венюкова, должна противостоять им и защищать в этом регионе свои интересы. Для этого необходимы научные знания о тех странах и регионах, к которым проявили интерес европейские государства. “Не только оба полуострова Ост. Индии, но и соседние им части Персии, Тибета и Китая изучаются с лихорадочным вниманием и настойчивостью. Одна экспедиция Купера, направленная в пространство между Брахмапутрою и Ян-цзе-ньяном, тянется несколько лет, и несмотря на все неудачи англичане не оставляют продолжать ее. Исследования Джонсона и Монтгомери в Тибете, Легисдена и Форсита в Коффиристане и множество путешественников в Китае доказывают, что англичане хорошо понимают цену точному и систематическому изучению пограничных им стран”¹.

Англичане привлекали к исследованиям пограничных провинций Китая с Индией немецкого ученого Ф. Рихтгофена, который получил от английских купцов в 1869 г. в Шанхае 12 000 рублей на экспедицию в Юнь-нань и Куй-Чжеу. “У нас также нет недостатка в стремлениях к изучению пограничных нам стран Азии. Не только правительство, особенно военное ведомство, но и частные лица деятельно трудятся над собиранием сведений об этих странах. Не проходит года, – писал Венюков, – чтобы не было сделано несколько географических открытий на азиатском материке. Но систематических изучений и обработки накапливающихся материалов относительно земель, прилегающих к нашей азиатской границе, изложение собранных сведений с точки зрения указанной, сколько известно, ни кем до сего не предпринято... Между тем у нас более, чем где-нибудь необходимо именно отчетливое систематическое описание всех наших азиатских пограничных земель, так как при обширности страны, отдаленности азиатских границ от средоточия государства и особенно от его умственных центров, при редкости библиотек и ученых собраний, лицам, едущим в Азию, бывает весьма трудно собрать предварительно сколько-нибудь обстоятельные сведения о том крае, где им придется действовать. Весьма обыкновенная вещь, потому что хорошее знакомство начинается только тогда, когда служба оканчивается”².

М.И. Венюков тогда же предложил четкую программу “военно-статистического обозрения” русско-азиатских границ и прилегающих к ней стран. Она по существу являлась отражением подхода военных географов того времени к пониманию своих задач и отраже-

---

¹ Там же, лл. 68–68 об.

² Там же, лл. 66, 68 об.

нием их взглядов на географию, вернее на страноведческое направление в географической науке.

Схематический план описания российско-азиатских границ и прилегающих к ней стран включал в себя: 1) общий взгляд на южную и восточную границу России в Азии; 2) историческое обозрение установки границы; 3) литература предмета.

Далее следовало подробное изложение географо-статистического описания отдельных, выделенных Венюковым участков границы: Степного и Арало-Каспийского, Нагорного Туранского, Джунгарского, Алтайско-Саянского, Нагорностепного и Забайкалье (до Аргуни), Даурского до Благовещенска, Манчжурского по Амуру и Уссури до оз. Ханка (Ханкая), Манжуро-Корейского побережья Японского моря и Татарского пролива, побережья Охотского и Камчатского морей до Берингова пролива.

В дальнейшем, выполняя эту работу, Венюков придерживался этой структуры, уточняя лишь названия уже отработанных рукописей, а затем публикуя их. Каждый участок границы представлял собой подробное страноведческое описание с исчерпывающим анализом всех опубликованных, а также архивных источников.

Активная работа М.И. Венюкова во время экспедиции в Японию и Китай, изучение их природы, населения, хозяйства и военных вопросов, публикация ряда научных статей и монографии, а также чтение лекций в Академии Генерального штаба и других военных учебных заведениях были высоко оценены военным ведомством.

В апреле 1871 г. начальник Академии Генерального штаба ген.-лейтенант А.Н. Леонтьев обратился к начальнику Генерального штаба графу Ф.Л. Гейдену с следующим письмом: "Сегодня подполковник Венюков прочел в Академии четвертую и последнюю лекцию: о военных силах и средствах Японии и Китая. Вам известно подполк. Венюков сам вызвался, в публичных чтениях, познакомить военное общество со сведениями в означенных краях. Чтения его были весьма интересны, в особенности для большинства слушателей, мало знакомых с положением дел на наших азиатских окраинах. Лекции эти будут напечатаны в ближайших номерах Военного сборника.

Принимая во внимание бесспорную пользу труда подполк. Венюкова, его талантливое изложение, а также и то обстоятельство, что лекции свои он прочел в Академии безвозмездно, я бы покорнейше просил Ваше Сиятельство выразить письменно благодарность подполк. Венюкову и довести до сведения Военного министра об успешном выполнении взятого им на себя обязательства"¹.

6 мая 1871 г. последовало производство Венюкова в полковники, при этом указывалось, что после командировки его для изучения Китая и Японии он с успехом выполнил возложенное на него пору-

---

¹ О производстве подполк. Венюкова в полковники. РГВИА, (1871 г., 4 л.), ф. 401, оп. 2/926, д. ?, лл. 1-1 об.

**Михаил Иванович Венюков – офицер Генерального штаба.
70-е годы**

чение приведением в систематический порядок двухлетних своих исследований. «Изданием двух томов “Обозрения Японского архипелага в современном его состоянии” обогатил различными сведениями наш Азиатский Отдел и, рядом лекций, прочитанных им в Академии Генерального штаба о военных силах и средствах Японии и Китая сообщил много любопытных для офицеров сведений»¹.

1 июня 1871 г. приказом начальника Генерального штаба Гейдена полковник Венюков прикомандировывается к Генеральному штабу для научных исследований и “для письменных занятий”. В представлении от 24 мая 1871 г. говорилось: «В последнее время сведения о наших азиатских окраинах и соседних с ними землях значительно обогатились как многими частными исследованиями, так и изданием описаний нескольких отдельных местностей, но до сих пор еще не было приступлено к систематическому изучению и обработке накапливающегося относительно этих стран материала.

¹ Там же, л. 2.

Между тем общие государственные интересы, равно как и успехи иностранных государств в Азии, и преимущественно на верхнем Инде, в Китае и Японии, побуждают и нас иметь приведенные с возможною тщательностью в систему, сведений о пограничных с нами в Азии странах.

Работу по составлению описания, “Сибирской нашей границы от Каспийского моря до Восточного океана”, Главный Штаб полагал бы возложить на состоящего по полевой пешей артиллерии полковника Венюкова, который при обширном литературном изучении этих стран, обнаруженном им в предшествовавших его трудах, провел значительную часть своей службы в различных частях нашей азиатской окраины и в недавнее время возвратился из командировки в Китай и Японию»¹. Выполнение порученной Венюкову задачи облегчалось условиями работы и наличием в Санкт-Петербурге необходимых материалов.

М.И. Венюков энергично приступил к давно интересовавшей его работе. Он вскоре вошел в контакт с Морским министерством, с Центральным Статистическим комитетом, с различными центральными военными управлениями армии и всех других учреждений, которые имели отношение к изучению и освоению пограничных территорий Азии.

Многие источники являлись конфиденциальными и не были известны не только широкому кругу лиц, но и высших научных и военных кругам.

М.И. Венюков добивался всесторонней осведомленности о странах Азии, используя архивные источники и различные документы. Когда его материал не удовлетворял, он обращался через Генеральный штаб в военно-окружные управления и к генерал-губернаторам Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии (Туркестана). Так, 5 октября 1871 г. в докладной записке в Генеральный штаб Венюков писал, что Главное Инженерное управление и другие центральные ведомства имеют недостаточные и неполные сведения о войсках и местностях. “Все эти сведения, – писал он, – имеются только в военно-окружных управлениях, а потому начальник Главного штаба изволил разрешить, чтобы мне были истребованы оттуда по возможности в краткой категорической форме ответов на вопросы”². Затем следовало 14 вопросов, на которые должны были ответить местные управления округов. В числе их были военные вопросы, требующие ответов об обеспечении припасами, расположении войск, вооружении и т.п. Кроме военных вопросов, Венюкова интересовала и географическая характеристика тех областей и местностей, где располагались войска. Запрашивались сведения о характере рельефа ме-

¹ О прикомандировании полковника Венюкова к Главному штабу для занятий по Азиатской границе (1871 г., 98 л.). РГВИА, ф. 401, оп. 2/926, д. 87, лл. 49–49 об.

² Там же, л. 60.

стностей, естественных укреплениях, гидросети и климате. Венюков просил прислать ему картографические материалы и “списки съемок, произведенных в округе со времени основания части генерального штаба в каждом округе”¹. Данные сведения должны были поступать из Оренбургского, Туркестанского, Западно- и Восточно-Сибирского военных округов.

Венюков, работая в Генеральном штабе и Русском географическом обществе, испытал период творческого подъема и наибольшего морального удовлетворения. Это было для него самое плодотворное и счастливое время. “Хорошее было время, – вспоминал Венюков, – так что в смысле удовлетворения жажды умственной деятельности я считаю его одним из лучших в моей жизни” (1896, кн. 2, с. 187).

Работая по 12–14 часов в сутки, Венюков познал радость творчества, создавая “страноведческую энциклопедию” южных границ России в Азии, общаясь с близкими по духу учеными в Русском географическом обществе, сотрудничая в журналах и газетах. В это время он научился работать быстро и прямо на бело, выступал часто на заседаниях РГО по различным вопросам, а в 1873–1874 гг. работал ученым секретарем РГО. Его острые выступления в газетах “Голос” и “Русский инвалид” по политическим, экономическим и военным вопросам привлекли внимание русской общественности.

Уже в 1872 г. М.И. Венюков подготовил рукопись объемом в 3 больших тома об описании отдельных участков-регионов почти по всей южной границе России в Азии. Работая над описанием российско-азиатских границ, Венюков еще более и более убеждался в том, что русское правительство не имело ясного представления об окраинных областях, которыми “оно управляет или с которыми находится в вековых сношениях с нескрываемой целью подчинять их своему влиянию и даже власти”. Венюков, знавший эти районы не только по литературе, но и воочию, высказывал откровенное мнение. Оно относилось не только к служащим военного министерства и руководству генерал-губернаторов, но и непосредственно к правительству. М.И. Венюков выступает против проекта генерал-губернатора К.П. Кауфмана по управлению Туркестанского округа, лицами, назначенными сверху.

В газете “Голос” (1871, № 233) он отстаивал выборность властей (судей, управляющих и пр.) народом, а не единоличным назначением их губернатором. После его выступлений, Крауфман отказался от своих предложений. С большим энтузиазмом и доказательностью Венюков выступал в прессе с обоснованием территориальных завоеваний России в Средней Азии. Однако не всегда его идеи совпадали с политикой официальных кругов. И

¹ Там же, л. 61.

тогда ему приходилось выслушивать нарекания. Так, по его словам, управляющий делами Военно-ученого комитета Генерального штаба генерал Н.Н. Обручев сделал ему выговор за статьи в газетах, сославшись на Военного министра. Противоречия между Венюковым и официальными кругами отражали общий настрой передовых патриотических кругов России против царского самодержавия, бюрократического засилья местных властей.

М.И. Венюков работает с воодушевлением и энтузиазмом, несмотря на продолжающееся неприятие со стороны политических противников и завистников. За 1871–1872 гг. он почти полностью закончил описание южных российско-азиатских границ, и к 1873 г. опубликовал в “Военном сборнике” одиннадцать очерков с описанием пограничных регионов под названием “Материалы для военного обзора современных русских границ в Азии” (в сб. 1872, № 3, 4, 6–12; 1873, № 1–3). Вместе с тем он продолжал расширять информацию по проблемам защиты интересов России в Азии, указывал на приоритеты в исследованиях пограничных районов и защищал интересы России от посягательств на них Англии, Германии и других государств. Для этого он применяет различные формы общения с читателями через публикацию статей в газетах и журналах, чтение лекций в военных училищах, в Академии генерального штаба, а также выступлениями на заседаниях Русского географического общества. С начала 1872 г. он ввел в газете “Русский инвалид”, еженедельную хронику азиатских событий, пишет ряд рецензий и обзоров об иностранных источниках об Азии (книги, карты и пр.).

В статьях, публиковавшихся в газетах “Голос”, “Биржевые ведомости”, “Русский инвалид” и др., он разоблачал экспансионистскую политику англичан в Азии, их варварское отношение к туземному населению, лакейскую роль географов (Белью, Маркхем и др.), перекраивающих политические границы в Азии в пользу англичан. Венюков критикует царское правительство, дипломатических сотрудников и местных генерал-губернаторов за их невежество и неумение проводить более разумную политику с пограничными государствами в Азии.

Он выступил инициатором ознакомления русского общества и, в особенности, администрации Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока со сведениями о странах Востока, публикуемыми в иностранной печати, и взял на себя обязанность составлять извлечение из статей таких газет как Times of India, Allens Indian Mail, North China Herald, Japon Herald, Japon Weekly Mail и др. Венюков помещал такие статьи в “Русском инвалиде”. Но для того, чтобы освободиться от тенденциозности редакции, он предлагал подготовленные им материалы литографировать и издавать в виде сборников, с тем чтобы потом можно было рассылать по ведомствам в Оренбург, Ташкент, Омск, Иркутск, на Амур, в Семиречье и другие города. Эти же ма-

териалы, по его мнению, должны были быть представлены офицерам Генерального штаба. М.И. Венюков писал: “Но польза от извлечений из шести довольно дорого стоящих газет едва ли будет достаточна, если добываемые таким образом сведения будут оставаться достоянием очень малого числа лиц. Не заключая в себе ничего секретного, эти сведения, по-видимому, без всякого могли бы быть сообщаемы и всем тем лицам военной администрации, которые по положению своему могут и должны интересоваться ходом дел в Азии”¹.

М.И. Венюков четко выполнял порученные ему исследования, но несмотря на огромное напряжение не успевал выполнить работу, которую он сам себе и определил. Такую работу по описанию границы в России в Азии мог бы выполнять только целый коллектив. Организация процесса сбора и анализа источников, их простое перечисление в приложении к каждому описываемому участку поражает. Они и с современной точки зрения требуют многолетнего изучения. Результаты своей деятельности Венюков регулярно докладывал в Военно-ученом комитете Генерального штаба. Так, в январе 1872 г. он писал, что в предварительной редакции закончены следующие части сочинения: 1. Исторический очерк постепенного расширения границ и средств охранения их. 2. Карта к нему с указанием путей завоевателей. 3. Общий обзор границы и разделение ее на участки. 4. Обзор о. Сахалин, с картою. 5. Таблица населения Амурского края с пояснениями (оттиск из Изв. Рус. Геогр. об-ва). 6. Обзорение Манчжурии. 7. Обзорение Холкаского или Забайкальского участка. 8. Карта к нему (вновь сочиненная и вычерченная). 9. Обзорение Алтае-Саянского участка. 10. Карта северо-западной Монголии, с пояснительною к ней запискою (печат. В Изв. РГО). 11. Обзорение Туркменского участка, с картою. В дальнейшем Венюков приступил к составлению обзора Приморского участка и Амурского края, “которые по обширности работы, будут окончены не раньше апреля, тем более, что в это же время нужно проредактировать более 20 листов “Военно-статистического описания Тифлиской и Эриванской губерний”. Уже тогда он столкнулся с затруднениями в осуществлении поставленных задач в срок. Они заключались, во-первых, в обилии материалов, во-вторых, недостатке современных научных данных – “положительно невозможно даже критически рассматривать огромную массу материалов, относящуюся до Туркестана, не только составить из них что-либо связанное и полное ...при составлении описания туркестанских участков границы предвидится сильный недостаток в материалах современных, особенно относящихся до собственно военного обзора и путей сообщения”².

¹ РГВИА, ф. 401, оп. 2/926, д. 87, л. 77–77 об.

² РГВИА, ф. 401, оп. 2/926, д. 87, л. 83–83 об.

Систематическая работа над источниками позволила Венюкову выявить узкие места в географическом познании всей Средней Азии, как ее равнинных, так и горных территорий. Можно с уверенностью утверждать, что Венюков в то время становится одним из авторитетнейших и наиболее знающих специалистов в области географии Средней Азии. Он точно определяет малоизвестные местности, запрашивает через Генеральный штаб необходимые сведения из Туркестанского округа и его местных управлений, а иногда и конкретно ставит задачи по географическому изучению отдельных участков. К сожалению, не все указания Военно-ученого комитета Генерального штаба, направленные на места по инициативе Венюкова, и его личные обращения в округ выполнялись. Сведения, добываемые ведомственными управлениями Округа, доставлялись в Петербург несвоевременно, а иногда совсем оставались без ответа.

1 мая 1872 г. в рапорте ВУК Генштаба Венюков писал: “для описания трех туркестанских участков (Хивинского, Нагорно-Турганского и Тянь-Шанского – *В.Е.*) в их современном состоянии есть так мало точных и сколько-нибудь полных сведений и так мало возможности получить их в Петербурге, даже при постоянных сношениях с лицами, приезжающими из Туркестанского края, что для обстоятельного обзора этой части наших азиатских окраин и особенно соседних им независимых владений, до пределов Афганистана, лучшее, если не единственное, средство состоит в работах на месте, т.е. в пределах областей Уральской, Сыр-Дарьинской и Семиреченской”. Отмечая недостаток материала и времени, Венюков писал далее: “например, для начатого уже описания Тянь-Шанского участка границы есть только неполные и устарелые печатные сведения, относящиеся большей частью к прошлому веку, или же одни съемки, без всякого текста, или наконец, нет вовсе определенных данных, как например, о населении всей горной полосы самого Тянь-Шаня”¹.

В циркуляре ВУК Генштаба в июне 1872 г. Управляющему Зеравшанского округа в Ташкенте А.К. Абрамову отмечалось, что особенно полезными данными будут данные о землях по верховьям Аму-Дарьи, которые, по-видимому, можно собрать и от проживающего в Самарканде афганского выходца Абдеррахман-Хана и окружающих его лиц. В письме в Тифлис к А.И. Свистуну (июнь 1872 г.) запрашивались сведения о Мангишлаке, фортах Александровск, Красноводск и Чикшалаяр. И опять, возвращаясь к описанию участков границы Туркестанского края, Венюков 30 октября 1872 г. докладывает: “...в виду крайнего недостатка точных сведений о всем том пространстве, которое на пояснительном чертеже отмече-

---

¹ О продолжении прикомандирования полковника Венюкова к Главному Штабу еще на один год (1872 г., 25 л.), РГВИА, ф. 401, оп. 2/926, д. 78, л.л. 7 об.–8

но краскою и которое обнимает местности по верховьям Аму-Дарьи, нет возможности составить удовлетворительное обозрение его без особых исследований, если не на местах, то из ближайших наших владений в Сыр-Дарьинской области, по расспросам. От начальника Зеравшанского округа на предложение, обращенное к нему в мае месяце, не получено доселе никакого ответа, а от лиц, сопровождающих в С.-Петербург Туркестанского генерал-губернатора, я хотя и получил кое-какие данные, но столь разноречивые, что употреблять их в дело, за малым исключением, не решился”¹.

Знакомясь с работой М.И. Венюкова в Генеральном штабе по архивным материалам, представляешь себе как много сделал он, как увлеченно выполнял задачу по описанию русских границ в Азии. Это была не простая работа летописца-описателя, а глубокая исследовательская работа. Анализ всех имеющихся к тому времени сведений приводил не только к оригинальным всесторонним характеристикам заданных участков границы, но и указывал в результате на мало исследованные районы Дальнего Востока, Сибири, и в особенности Средней Азии. Результаты своих исследований Венюков широко обсуждал на заседаниях РГО, а также публиковал в различных газетах и журналах.

В ноябре 1872 г. М.И. Венюков представил в Военно-ученый комитет Генерального штаба “Карту государственной границы России с Китаем с показанием путей от границы внутрь Китайской Империи”, а через месяц – обозрение Тянь-Шанского участка. Этим завершалась работа по описанию границ в предварительной редакции.

Уже в 1872 г. и начале 1873 г. были опубликованы первые его очерки, касающиеся всех одиннадцати участков азиатской границы: острова Сахалин, Приморского края, Амура и Уссури, Маньчжурии, Забайкалья и Халка, Урянхайского или Алтае-Саянского, Чжунгарского, Туркменского, Аральского и Хивинского, Нагорно-Туранского и Тянь-Шанского (Военный сб., 1872, 1873). Представляя рукопись к публикации, Венюков осознавал, что его очерки несовершенны и не полно охватывают все стороны географо-статистических знаний об этих районах. Он неоднократно повторял об этом и указывал на необходимость их дальнейшей доработки, делал добавления и исправления своих очерков почти до последних дней работы в Генеральном штабе.

Ученый секретарь Географического общества. М.И. Венюков, работая в Генштабе, активно сотрудничал, как указано выше, в Русском географическом обществе, где был сосредоточен цвет географической мысли России. Он охотно делился своими знаниями и приобрел авторитет одного из крупных специалистов по Востоку. Его знания, и публичные выступления по географии Азии привлекали

---

¹ Там же, лл. 10–10 об.

пристальное внимание научных кругов, и Венюков становится одним из руководителей Русского географического общества – Ученым секретарем (апрель 1873 г.). В его ведении находилась вся научно-организационная и издательская деятельность. В это время он проявляет блестящие организаторские способности, руководит издательской деятельностью журнала “Известия РГО”, активно выступает в заседаниях Отделений по физической географии, статистике, этнографии и другим направлениям географической науки. Излюбленной его проблематикой остается Восток – географические исследования этого региона и Восток как арена политической борьбы между Россией и другими европейскими державами.

Япония, Китай, Индия и другие азиатские страны представляли первостепенный интерес для Венюкова во всех отношениях. Его статьи, краткие содержательные сообщения и заметки об этих странах публикуются в изданиях РГО, в журналах географических обществ Лондона, Парижа и Вены, в популярной в военных кругах газете “Русский инвалид”.

Завершая работу по описанию границ России, Венюков составляет ряд карт по участкам границы, а также “Карту казачьих земель Азиатской России” (1873), “Описание укреплений, находящихся в Азиатской России” (1873), составляет пространную записку об административном делении (“передела”) азиатской России и др. Венюков обращает внимание на издание новых карт в Англии, созданных на основании последних изысканий иностранных военных географов и, в частности, дорожной карты Западных Гималаев и соседних с ними стран Средней Азии Монтгомери. Все эти материалы находятся в поле зрения ВУК Генштаба и непосредственно Военного министра Д.А. Милютина.

Уже в мае 1873 г. М.И. Венюков, осознавая необходимость более широкого распространения своих работ по описанию участков южной границы России в Азии, опубликованных в журнале “Военный сборник”, ставит вопрос перед ВУК Генштаба об издании их отдельной книгой. Необходимость издания обозрения границ России в Азии диктовалась и тем, чтобы в дальнейшем дополнять и исправлять изыскания Венюкова на основе проводившихся в то время широких географо-статистических исследований этих территорий местными и центральными учреждениями – военными штабами и экспедициями научных обществ. Разработка новых разделов, исправление и дополнение сочинения, по мнению Венюкова, работа “как наиболее необходимая для приведения всего труда к полной современности могла бы, разумеется, с наибольшим успехом быть исполнена командированием в азиатскую Россию одного лица, специально подготовленного к работе, но до некоторой степени ее возможно возложить и на местные штабы, в составе которых всегда есть офицеры с любовью и знанием дела следящие за состоянием наших окраин и прилегающих к ним азиатских земель”. Для того, чтобы ускорить

процесс более полного описания указанных местностей, и удовлетворения растущего интереса “к азиатским делам” «как в правительственной среде, так и вообще между прочим, многочисленными обращениями ко мне за получением отдельных оттисков извлечения “Материалов”, напечатанных в военном сборнике – то я полагал бы не дожидаясь окончания “Материалов” во всей желаемой для Главного Штаба полноте, ныне же отпечатать некоторое число экземпляров готового уже сочинения». М.И. Венюков определяет условия при издании этого труда, разделив его на две части: одну (от 800 до 1000 экз.) “для публики”, другую “для военных управлений и для штабных офицеров” (200 экз.)”. “В последнюю, – отмечал Венюков, – внести то, что имеет специально военный и отчасти политический интерес и не должно быть обнародуемо во всеобщее сведение, напр.: подробные данные о состоянии войск, военных запасов, секретной стороны политических отношений наших к соседям и пр.”. И далее продолжает: «Книгу для публики пустить в продажу с приложением к ней уже готовой этнографической карты, что обеспечит ей более скорый сбыт. Так как печатание ее может потребовать от 2 до 3 месяцев, то тем временем можно будет привести подлинную рукопись в возможно современный вид по тем новым материалам, которые уже имеются в Петербурге. В книгу ввести опущенные в “Военном сборнике” маршруты, списки астрономических точек и пр. Весьма полезно было бы присоединить к книге и карту пограничных земель с Китаем, уже составленную мною, так как этого рода карты у нас до сих пор нет, ибо имеющаяся 100-верстная карта Средней Азии почти касается Китайских границ»¹.

Военно-ученый комитет Генерального штаба, отмечая “общее сочувствие как со стороны специалистов, так и вообще публики”, считал целесообразным и полезным издать сочинение Венюкова отдельной книгой еще и потому, чтобы «получить возможность по мере новых открытий, новых географо-статистических работ, пополнять ими соответствующие отделы “Материалов”». Вскоре были изданы 700 экземпляров для публичной продажи и 200 экземпляров для штабных офицеров. Общий тираж книги под названием “Опыт военного обозрения русских границ в Азии” (вып. 1, 1873) был передан полностью Венюкову, а остальные 200 экземпляров были разосланы в военные округа Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока. По желанию Венюкова книга должна быть обсуждена на местах и все замечания сообщены в Генеральный штаб. Так, в препроводительном письме Генштаба в Туркестанский округ указано: “Так как книга полковника Венюкова составлена по материалам Главного (Генерального. – В.Е.) штаба, которые могут уже и теперь требовать изменений и дополнений, то Главный штаб, прилагая при сем

---

¹ По записке полк. Венюкова о напечатании “Материалов” для военного обозрения русско-азиатских окраин” (1873 г., 46 л.). РГВИА, ф. 401, оп. 2/926, д. 47, л. 1–2.

30-ть полных экземпляров названного сочинения, просит подвергнуть один из ее экземпляров по тем сведениям, которые имеются в окружном штабе, препроводить этот экземпляр обратно в Главный штаб, а затем и на будущее время принять к руководству, чтобы книга периодически дополнялась, и исправляемые экземпляры ее препровождались в Главный штаб”¹. Подобные письма были отправлены в штабы Оренбургского, Восточно-Сибирского и Западно-Сибирского округов. 10 экземпляров книги были переданы в Академию Генерального штаба.

Из общего тиража Венюков 500 штук передал в дар для пополнения офицерских библиотек в войсках с тем, чтобы “книга была разослана в европейской России во все полковые и бригадные библиотеки, а в азиатской во все батарейные и батальонные” (л. 13). Оставшиеся экземпляры Венюков разослал русским и зарубежным ученым и специалистам.

Вместе с опубликованным трудом “Опыт военного обозрения русских границ в Азии” М.И. Венюков разослал по округам составленные им рукописи: “Материалы для военно-стратегического обозрения английских владений в Азии” и “Материалы для военной географии Арало-Каспийской низменности”².

В том же году М.И. Венюков составил и представил в Военно-ученый комитет Генштаба и Военному министру Д.А. Милютину рукописную “Этнографическую карту Азиатской России” (в 2-х экз.). “Настоящая этнографическая карта, – писал Венюков, – имеет целью наглядно представить именно эти места жительства (русского и туземных народов. – В.Е.). Она показывает: 1) как расселились по степям и по Сибири русские колонисты, мало-по-малу обратившие одну часть последней страны в совершенно русскую, где инородцев нет совсем или очень мало, а в остальных, занявшие важнейшие естественные пути и экономические центры; 2) какие именно инородческие племена находятся в теснейшем сближении с русским по месту своего жительства и, следовательно, наиболее обрусели или, по крайней мере, ознакомились с русской жизнью”³. При ее составлении Венюков использовал как русскую, так и иностранную литературу, а также свои личные наблюдения. Среди источников указаны работы Миллера, Георги, Завалишина, Castren’a и др.

В деле “Об издании артиллерии полк. Венюковым этнографической карты владений наших в Азии в числе 1200 экземпляров” (РГВИА, ф. 401, оп. 2/926, д. 16, 38, л. 1873 г.) прослеживается вся история создания и публикации этой карты – первой в мировой истории науки.

¹ Там же, лл. 7–7 об.

² Об увольнении полк. Венюкова в отпуск и о командировании его за границу (1874 г., 5 л.). РГВИА, ф. 401, оп. 2/926, д. 40, л. 1.

³ РГВИА, ф. 401, оп. 2/926, д. 78, л. 16.

Д.А. Милютин рекомендовал ВУК Генштаба издать ее как работу, имеющую большой научный интерес, и не лишенную к тому же практического значения (по представлению управляющего делами ВУК Генштаба ген.-лейт. Н.Н. Обручева к нач. Генштаба Гейдену). “Этнографическая карта Азиатской России” М.И. Венюкова была вскоре отпечатана в типографии Ильина в количестве 1200 экз. Ее автор позаботился о том, чтобы она дошла до потребителя. В письме зам. управляющего делами ВУК Генштаба Ф.А. Фельдману от 18 августа 1873 г. М.И. Венюков писал: «При печатании этнографической карты Азиатской России оттиснуто было ее 1200 экз. Из них 920 присоединено к военному обозрению границ, около 15 роздано разным лицам и 265 должны оставаться в канцелярии ВУК. Некоторые преподаватели географии России в Военно-учебных заведениях говорили мне, что было бы очень полезно карту эту иметь в классах военных гимназий, прогимназий и юнкерских училищ. Если взгляд этот может быть одобрен, то благоволите дать делу ход и исходатайствовать нужное распоряжение на отсылку всех оставшихся экземпляров в ведомство Военно-учебных заведений, при чем я, однако, попросил бы для себя 10–15 штук для рассылки разным специалистам и ученым учреждениям». М.И. Венюков просит в том же письме, чтобы ранее отпечатанные карты границы России с Китаем, остающиеся в Комитете, были разосланы в различные учреждения. “Эта карта, – писал он, – могла бы быть небезполезна на местах, т.е. в разных пограничных частях Сибири и потому я предложил бы разослать ее по несколько экземпляров военным губернаторам областей Приморской, Амурской, Забайкальской, Семипалатинской и Семиреченской, а также губернаторам Томской, Иркутской и Енисейской и в штабы Западной и Восточной Сибири”¹. Эти пожелания Венюкова были осуществлены. “Этнографическая карта Азиатской России” и карта границы России с Китаем были разосланы по многим адресам, учебные заведения используют их как “весьма полезное учебное пособие”. Таким образом, научные знания внедрялись в просвещение и культуру русского общества, к чему Венюков все время стремился. Его картографические работы помогали в понимании практических вопросов освоения и изучения еще малоизученных пространств Российской империи.

Перегрузка от научной и организационной деятельности М.И. Венюкова одновременно в Генеральном штабе и Русском географическом обществе, а также продолжающиеся интриги недругов заставили Венюкова сложить с себя полномочия Ученого секретаря РГО и просить у своего ведомства отпуск на 2 месяца “по случаю расстроенного здоровья”. Во время отпуска Венюков намеревался посетить Турцию. Зная его планы, Главный штаб обратился к Военному министру с просьбой: “Принимая во внимание – услуги, оказы-

¹ РГВИА, ф. 401, оп. 2/926, д. 16, л. 25.

ваемые полк. Венюковым науке, а также пользу, которую он может принести военно-научными исследованиями во время своего путешествия в Турцию, полагалось бы справедливым поставить полк. Венюкова в материальном отношении в положение лиц, командируемых от военного ведомства за границу с военно-ученой целью”¹. Д.А. Милютин поддержал эту просьбу, и Венюков в начале апреля 1874 г. отправляется в командировку-отпуск.

Он посетил ряд районов Турции, Болгарии, остров Кипр, Черноморское побережье Кавказа. В его задачу входило изучить страны в географическом, а главное в военно-стратегическом плане. И он это выполнил, стремясь по приезде представить аналитическую работу, необходимую для военного ведомства. Кратковременная поездка в Турцию отражена Венюковым в его письмах, опубликованных в “Военном сборнике” (1874, № 8), а также в научных статьях в “Известиях РГО” (1874, т. 10, кн. 6) и в журнале Венского географического общества (1874, Bd 17). В них Венюков рассматривает некоторые вопросы физической географии Турции и анализирует закономерности течений в проливах Босфор и Дарданеллы. Именно Венюков привлек внимание научной общественности к изучению противотечений масс воды в поверхностных слоях из Черного моря в Средиземное и придонных слоев из Средиземного в Черное. Лишь через десять лет появилось в печати фундаментальное исследование С.О. Макарова об обмене вод Черного и Средиземного морей (1885).

Однако по приезде в Петербург его, как обычно, ожидали неприятности и интриги недоброжелателей. Небезынтересно признание Венюкова о том, что он считал в этом виновным П.П. Семенова, Ф.Р. Остен-Сакена, начальника Азиатского отдела Проценко и др.

Взаимоотношения Венюкова с вице-председателем РГО П.П. Семеновым не сложились, по словам Венюкова, из-за его справедливых высказываний о результатах путешествия Семенова на Тянь-Шань, о руководстве Географическим обществом. Венюкова раздражала близость Семенова к царской семье и правительству. Неприязнь последнего проявилась, как отмечал Венюков, еще в 1860 г., когда он “печатно уличил его (Семенова – В.Е.) в лживости его отчетов о путешествии в Тянь-Шань”. Семенов не всегда был добропорядочным человеком, отмечал Венюков, и даже “похитил” из библиотеки РГО 500 томов. По причине нетерпимости Венюкова к лжи у него были натянутые отношения с заведующим имуществом общества, с Ф.Р. Остен-Сакеном, а также с некоторыми работниками Генерального штаба (Н.Н. Обручев и др.). Несмотря на то, что Венюкова поддерживали известные ученые, в том числе Ф.П. Лит-

---

¹ Об увольнении полк. Венюкова в отпуск и о командировании его за границу (1874 г., 5 л.). РГВИА, ф. 401, оп. 2/926, д. 40, л. 1.

ке, Венюков ушел с должности Ученого секретаря. Не удалось ему и попасть в состав экспедиции в Хиву (1874), которую он мечтал посетить. Его нервное состояние улучшилось в результате командировки в Турцию. Однако по возвращении его ждала очередная неприятность. Ему предложили службу в Херсоне – военно-уездным начальником в заштатном городе. Этого Венюков, ставший уже видным ученым, стерпеть не мог и подал рапорт об отставке.

Начальник Генерального штаба граф Гейден уговаривал его остаться прикомандированным к Генеральному штабу для продолжения своей работы. К тому времени уже стали поступать отзывы на работу Венюкова и материалы, уточняющие и расширяющие описание отдельных участков границы. Венюков согласился остаться при штабе, хотя сознавал, что все зависело от благосклонного к нему отношения начальства. Он продолжил свое любимое дело: заканчивал начатую работу по Турции, изучал материалы к описанию Закаспийского края и других участков границы. В его поле зрения находились все важные события, происходящие в Азии. О них он систематически сообщал в газетах и журналах. Вся работа от солидных исследований до газетных статей была проникнута “одной одушевлявшею меня тогда любовью к родине” (1896, кн. 2, с. 219). Венюков не щадил себя как и прежде разоблачая пороки жизни российского общества, не считаясь продвижением по службе и награждениями. Он выступает против невежества и низкопоклонства, лжи и насилия в правительственных кругах, гражданских, военных и дипломатических службах. Он прибегает к более доступному общению с обществом – пропаганде своих идей через газеты, считая, что это самый действенный метод “бичевания” за недопустимую политику. В своих статьях М.И. Венюков профессионально оценивал проводимую в Азии политику и подвергал резкой критике Министра иностранных дел Горчакова, директора Азиатского департамента Стремоухова, генерал-губернатора Туркестана Кауфмана и всех тех, кто привык от подчиненных встречать коленопреклонение и лесть. Венюков указывал не только на невежество проводимой политики, незнание внутренних условий колонизируемых территорий, но и на близорукость и безразличие тех лиц, которые были руководителями, “а от ответственности перед современниками и потомством прятались за ширмами канцелярской тайны” (там же, кн. 2, с. 235).

Обзор текущих событий азиатской политики, новых событий в исследовании Азии, и в особенности Средней Азии, оценка новых книг и карт, исторические очерки изучения Азии – все это служило просвещению российского общества и отстаивало интересы Отечества, подчас заменяя действия дипломатов. Его статьи вооружали последних правовыми доказательствами и научными фактами против направлений экспансии в Средней Азии и в других районах иностранных держав, в особенности Англии. Венюков разоблачал появляющиеся в зарубежных изданиях неверные утверждения англий-

ских ученых о разграничении южных рубежей России с Афганистаном и Персией, произвольно перекраивавших их, необосновывая историческими фактами.

Так, например, английский картограф Уокер расширял персидские владения, включая в них весь бассейн Атрека, Мервь и другие земли туркмен. Памир объявлял афганской территорией. Секретарь Лондонского географического общества Маркхем готов был отдать Персии всю южную часть Туркмении “лишь бы эти земли не стали, рано или поздно, достоянием Северного Аримана”, т.е. России. Такая фантазия английских ученых согласовалась с политикой правительства Англии. Отповедь в печати получил и англичанин Стенфорд, который издал карту Средней Азии, где многие земли среднеазиатских государств были показаны в границах вассального Англии Афганистана. “Такое небывалое в действительности разграничение необходимо было объяснить или невежеством в географии, до известной степени свойственным г. Стенфорду, или желанием поддаться к национальным тенденциям, как раз в то время весьма недвусмысленно высказывавшимся с трибун английского парламента и в ост-индских журналах. Тенденция эта, – подчеркивал Венюков, – как известно, состоит в том, чтобы русское влияние было совершенно устранено с верховьев Аму-Дарьи, и чтобы там установился афганский, т.е. британский протекторат для защиты Индии” (там же, с. 228). Венюков приводил и ряд других факторов по ущемлению интересов России в Средней Азии, критикуя бездействия русских правительственных чиновников. “Надеяться же на успех подобных пробных шаров или пузырей всегда возможно, если только имеешь в виду публику, которая, например, не знает (как граф Шувалов), что Окс и Аму-Дарья одно и то же, или думает (как Горчаков), что Кожгар лежит по дороге из Ташкента в Хиву” (газ. “Голос”, 1874, июня, 23, см.: там же, с. 229). Венюков считал также по этому поводу, что управление Туркестаном ген.-губернатором Кауфманом приносит вред не только этому району, но и всей России.

Он пристально следил за политикой на Дальнем Востоке. Когда остров Сахалин был официально закреплен за Россией, выступил с его географическим обозрением и с предложениями об освоении его природных богатств и программой, как сделать Сахалин русской землей, учитывая что туземное население составляло всего лишь 5 тысяч жителей. “Первою задачею при упрочнении нашего положения на Сахалине, должно быть усиление на нем русской колонизации, и притом, конечно, свободной, потому что только она одна имеет будущность” (там же, с. 225). Венюков выступал за свободную и бесплатную раздачу земли крестьянам, рыболовных участков – рыбакам, за необходимость строительства портов и дорог (даже шоссейных) и за рациональную разработку природных ресурсов (каменного угля и др.). Его интересовали и общие вопросы административного деления азиатской части России, наиболее выгодного для управ-

ления и хозяйствования. Этот вопрос обсуждался в Русском географическом обществе, и Венюков был один из активных деятелей в образованной для решения этих вопросов правительственной комиссии под председательством Д.А. Милютина.

В деятельности М.И. Венюкова в газетах “Русский инвалид” и “Голос” в 1871–1876 гг., где он выступал с разоблачением возмутительных “для русского сердца” и направленных против России бездумных действий, проявился его высокий гражданский долг, служение Родине и патриотизм. Именно об этом он писал: «если уже существуют идеи патриотизма и гражданского мужества, то на каждом служащем Родине лежит обязанность указывать обществу и правительству на больные стороны государственного организма и что если кто, видя эти больные стороны, эти язвы, молчит о них, то он действует не только как трус-эгоист (“моя хата с краю, ничего не знаю”), но и как подлец» (там же, кн. 2, с. 235).

Так в противоборстве с болезнями государства Венюков приближал расправу над собой государственными чиновниками и самого императора. Ему не помогла ни большая и полезная научная работа в Генеральном штабе и Русском географическом обществе, ни лекционная деятельность в Академии Генерального штаба, ни уроки по географии сыну великого князя Константина.

Поездка на Международный географический конгресс. Но до этого судьба, казалось, ему улыбнулась еще раз, когда он одним из первых в России откликнулся на предложение Французского географического общества принять участие в очередном Международном географическом конгрессе, проводившемся в Париже в 1875 г. Он дважды через газету “Голос” обратился ко всем русским географам-путешественникам с просьбой ознакомить его с материалами маршрутов их исследований в Азии для составления карты районов азиатского континента и представления ее на Конгрессе.

Сознавая большую значимость исследований русских ученых в Азии и их вклад в мировую науку, он более чем кто-либо другой мог представить это в обобщенном виде научной общественности. Тогда же он обращается в Генеральный штаб с обоснованием необходимости участия военного ведомства в Парижском конгрессе и представления для устраиваемой там географической выставки работ Генерального штаба. Его предложение было поддержано, и штаб обратился в Военное министерство с ходатайством о командировании М.И. Венюкова на Международный конгресс. В докладе Генерального штаба министру от 9 мая 1875 г. говорилось: “На предстоящей Парижской географической выставке будет между прочим собрана весьма богатая коллекция карт и книг, относящихся к Азии; желая воспользоваться этим для пополнения имеющихся у нас сведений о сопредельных с Россией Азиатских земель и об английских владениях в Индии, Главный штаб ходатайствует о командировании с этой целью в Париж, состоящего при сем штабе полковника Венюкова,

который в продолжении многих лет занимался изучением Азии, издал уже несколько сочинений и статей, относящихся к пограничным с нами азиатским странам и обработал специально для Парижской географической выставки карту с пояснительным текстом всех географических путешествий и исследований, произведенных русскими в Азии за последние 25 лет”¹. Рукой министра Д.А. Милютин на этом документе помечено: “Высочайше утверждено. Ген.-адъютант Милютин. 10 мая”. Таким образом, Венюков участвовал в работе Международного географического конгресса независимо от делегированных на Конгресс Русским географическим обществом П.П. Семенова, Н.В. Ханыкова и других ученых. По существу Венюков вел самостоятельно работу от делегации РГО, представляя Военно-ученый комитет Генерального штаба Военного министерства, хотя в отчетах РГО он значится и как делегат общества.

Выполняя поручение Военного министерства на Международном географическом конгрессе в Париже М.И. Венюков подготовил серию книг и карт для Географической выставки, активно принял участие в работе нескольких отделений конгресса. На выставке были представлены 48 книг по географии и статистике, изданных военным ведомством. Туда входили географо-статистические описания губерний России, подготовленные офицерами Генерального штаба: Рязанской, Казанской, Виленской, Минской, Архангельской, Симбирской, области сибирских киргизов и других; работы М.И. Венюкова “Обозрение Японского архипелага”, “Опыт обозрения русских границ в Азии”, “Общий обзор постепенного расширения русских пределов в Азии и способов обороны их”. Демонстрировалась и составленная Венюковым “Карта русских открытий в Азии за последние 20 лет”. Эти материалы вместе с другими экспонатами, представлявшими на Географической выставке достижения русских ученых и путешественников, занимали значительную ее часть и привлекли внимание общественности.

По окончании Международного географического конгресса М.И. Венюков посетил Лондон “для ближайшего ознакомления с современными сведениями о тех частях Азии, которые входят в круг исследований английских ученых”, о чем был осведомлен военный представитель в посольстве России в Великобритании генерал-майор Горлов. Венюков встречался в Лондоне и с русским послом П.А. Шуваловым, бывшим шефом жандармов России.

Командировка в Западную Европу длилась около трех месяцев: с 29 мая по 19 августа 1875 г. По возвращении из поездки, закончившееся путешествием по Германии, Венюков представил в Генеральный штаб обстоятельный отчет, содержащий 60 страниц текста².

¹ О командировании полковника Венюкова в Париж. РГВИА, 1875, ф. 401, оп. 3/927, д. 59, л. 1.

² Отчет полковника Венюкова по командировке за границу в 1875 г. РГВИА, ф. 401, д. 59, лл. 15–44.

В нем Венюков дал характеристику и оценку работы Конгресса и Географической выставки и собственного участия в заседаниях. Отчет состоял из следующих разделов: 1) поездка в Лондон; 2) осмотр Географической выставки в Париже; 3) участие в Конгрессе; 4) экскурсии по Германии. Венюков придавал большое значение поездке в Лондон и знакомству с английскими учеными, что и подчеркивал в своем отчете.

Познакомившись с известными географами Великобритании: с секретарем Лондонского географического общества Мичелем, авторами работ об Индии Маркхемом, Раулинским, Монтгомери и другими, М.И. Венюков ощутил огромный интерес англичан к Востоку. Он тщательно изучил некоторые работы и составил опись всех изданий по Востоку, дав им свою собственную оценку. Венюков обнаружил, что английские ученые проявляют большой интерес к русским исследованиям в Азии. В библиотеках Лондона, среди русских работ он обнаружил часть своей работы о русских границах в Азии, переведенной на английский язык Спальдингом. Поддерживая этот интерес, Венюков передал в дар Лондонского географического общества карту исследований русских путешественников в Азии со списком путешественников, а также переведенную на английский язык статью об этой карте, опубликованную в газете "Русский инвалид". Из английских изданий по Азии Венюков приобрел новые издания, необходимые в его исследовательской работе. Общее число изданий составило 19 наименований. Что касается встреч с русскими дипломатами, и в частности, по поручению Д.А. Милютина с Шуваловым, то Венюков был ими глубоко разочарован. После России в Великобритании мало волновали интересы России и исследования в Азии, да он был и малосведущим в них. После бесед с Шуваловым у Венюкова еще более укрепились уверенность в том, что "пока этот жандарм, разжалованный в дипломаты, будет русским послом в Лондоне, Россия не в состоянии будет устроить сколько-нибудь удовлетворительно своих среднеазиатских дел" (1896, кн. 2, с. 273).

Выводы Венюкова о работе Географического конгресса в Париже были довольно скептическими. Научная организация его не удовлетворила, так как обсуждались "старые факты" и не было новых неизвестных еще науке исследований и работ. О географии Австралии и Америки не говорилось почти совсем. В процессе заседаний стенографирование велось неудовлетворительно, поэтому "нельзя от будущего издания трудов конгресса ожидать большой точности".

М.И. Венюков выступал на заседаниях Конгресса с несколькими сообщениями. В отделении (VII) "Путешествия" он представил "Карту русских открытий в Азии за последние 20 лет", с объяснительной запиской, которую он зачитал перед собравшимися. По его предложению, собрание Отделения приняло решение, рекомендуемое ученым всех стран изготовить к следующему Конгрессу подоб-

ные же карты и списки исследователей для других частей света. Исполнение этого решения давало бы “единственное разумное средство обсуждать необходимость и размеры будущих путешествий” (л. 42). В IV, этнографическом Отделении Конгресса, по приглашению его членов Венюков сделал сообщение о составе населения Азиатской России. Оно являлось откровением для зарубежных ученых одного из ведущих этнографов России, недавно завершившего свои исследования по этому вопросу и издав этнографическую карту азиатской части России.

Кроме того, он выступил (Отделение VII) по поручению Латкина, ознакомив слушателей с основными идеями ученого и рассказав о его планах по исследованию полярных стран и созданию стационарных метеорологических станций на северном побережье Сибири и острове Новая Земля. По поручению Глуховского и Маева Венюков доложил участникам Конгресса об их трудах по географии Средней Азии. Кроме этого он также вкратце рассказал и о других новейших русских исследованиях в Азии: о съемке Приморья Большевым, об экспедиции Сосновского в Китай и о работах по изучению Туркмении под руководством Ламакина в 1874 г.

Его активная деятельность на Конгрессе, общение с учеными других стран были весьма плодотворными, что и было отмечено организаторами Конгресса. Как выдающегося русского географа его избрали членом Международного жюри по присуждению престижных ученых наград за достижения в географической науке. Но и здесь не обошлось без интриг и давления со стороны П.П. Семенова и Н.В. Ханыкова. Венюков указывал в своем отчете, что ему пришлось уклониться от участия в жюри, в виду того, что “вице-председатель Русского географического общества, Семенов, и русский комиссар на Конгрессе Ханыков, желали связать русских членов жюри обязательными взглядами на предметы (напр., о назначении низшей награды Военно-ученому комитету по сравнению с Центральным Статистическим)”. Известно, что П.П. Семенов возглавлял в то время Статистический комитет России и отстаивал свои интересы. Венюков не был согласен с ним в оценке представленных географических работ, выполненных этим комитетом. Высвободившееся время он посвятил “более производительным посещениям выставок и заседаний Конгресса, а также популяризации между съехавшими учеными разных стран русских географических работ, особенно же работ лиц военного ведомства” (лл. 42 об.-43). К отчету о командировке в Западную Европу были приложены материалы, освещающие стенды Географической выставки некоторых зарубежных стран. В своих воспоминаниях Венюков отмечал: “Мы, русские были львами Конгресса, отчасти даже по обилию и интересу выставленных предметов, но главным образом потому, что французы хотели дешевой лестью и несколькими ничего не стоящими цацками и похвальными листами отблагодарить Россию за спасение Франции

от нового нашествия Бисмарка и Мольтке”. Он называл французов холопами, вспоминая унижительное их поведение на заключительном заседании Географического конгресса при ожидании царской фамилии и исполнении гимна “Боже царя храни”. “Зачем же, – спрашивал Венюков, – предки Ваши лили кровь за свободу? Зачем завещали Вам Марсельезу и *Decearation des droits des homunes*?” Это в республике, пять раз перед тем выгонявшей своих царей и одного из них казнившей на гильотине!” (1896, кн. 2, с. 274–275).

В Германии Венюков посетил Мюнхен, Лейпциг и Берлин, где знакомился с богатейшими музеями и библиотеками. В Берлине он побывал в Этнографическом музее и Берлинской библиотеке, где знакомился с географической литературой, служившей основой К. Риттеру в его работах по землеведению Азии. В августе 1875 г. он вернулся в Петербург.

И снова недруги продолжали интриги против Венюкова, имея в виду его политические убеждения, а иногда и резкие высказывания в их адрес. Его исследования и публикации ограничиваются краткими сообщениями в “Русском инвалиде” и “Известиях РГО” о Конгрессе или событиях в Азии. Обстановка вокруг него становится все более напряженной, положение кажется безвыходным. В результате он решил уйти в отставку и посвятить себя свободной деятельности. 30 июня 1876 г. он увольняется со службы “по домашним обстоятельствам” в звании генерал-майора. Однако, Венюкова еще не оставляет мысль потрудиться на благо России и русской науки в составе Военно-ученого комитета Генерального штаба и посвятить себя исследованиям Кавказа и прилегающих к нему стран. Ведь именно там он начинал свою научную деятельность в начале 60-х годов. Венюкова соблазнило предложение начальника Генерального штаба графа Ф.Л. Гейдена зачислить его членом Военно-ученого комитета, который вел и планировал военно-географические исследования в России, прикомандировав в распоряжение командующего Кавказской армии. Так он мог вести исследования и осуществлять связь с Комитетом. Но для этого надо было высочайшее повеление императора. В мае 1877 г. Венюков обращается с прошением к Александру II, в котором изъявлял желание возобновить службу, “имея в виду согласие Начальника Главного штаба на зачисление в члены Военно-ученого комитета и Главнокомандующего Кавказской армией на принятие в распоряжение Его Императорского Величества”¹. В докладе начальника Генерального штаба Военному министру от 6 июня того же года испрашивалось определить “вновь на службу с назначением членом Военно-ученого Комитета Главного штаба” и согласно ходатайства Главнокомандующего Кавказской армией в его распоряжение, “с зачислением по полевой пешей артиллерии

¹ Об определении генерал-майора Венюкова (1877 г., 32 л.), РГВИА, ф. 400, оп. 59/662, д. 1385, л. 1.

прежним чином полковника”¹. Министр Д.А. Милютин после разговора с Александром II на докладе Гейдена начертал: “Высочайше разрешено как испрашивается, но без назначения членом Военно-ученого комитета, в виду предположенного назначения его (Венюкова. – В.Е.) на должность в Кавказском крае”². Высочайший рескрипт был подписан 14 июля 1877 г.

М.И. Венюков не мог без горечи принять такое решение Александра II, предопределенного, видимо, наветами его недругов. Но чувствуя, что это назначение является удалением неугодного властям человека из столичного общества, просто говоря ссылкой, вновь поступает как благородный и порядочный человек. Он принимает назначение, надеясь заняться исследованием Кавказа и Закавказья. Перед тем как выехать на Кавказ, Венюков пишет два рапорта своим начальникам: первый от 19 июля 1877 г. управляющему делами ВУК Н.Н. Обручеву с просьбой о содействии в публикации нового издания “Опыта военного обозрения русских границ в Азии” и второй – от 21 июля того же года начальнику Генерального штаба Ф.Л. Гейдену об учреждении за счет средств, жертвуемых им, премий за лучшее исследование по военной географии и статистике Азиатской России и сопредельных с ней стран³.

В письме Н.Н. Обручеву Венюков писал, что составленный им и опубликованный в 1873 г. труд по описанию границ в Азии уже в 1874 г. “разошелся без остатка”. Поступающие на книгу заявки книготорговцев, простых читателей и в особенности офицеров, служащих в азиатской части России, вызвали подготовку нового издания труда. “Вследствии этого, – писал Венюков, – в конце 1876 года начато было мною исправление сочинения по новейшим данным с целью выпустить новое издание, а весною настоящего 1877 года приступлено и к печатанию его. Но как ныне мною подано прошение о поступлении на службу на Кавказ, то печатание это остановлено, и я не вижу иной возможности продолжать его, как при благосклонном содействии Военно-ученого Комитета. Поэтому представляя при сем план нового издания, в котором выяснено, чем оно будет отличаться от первого, имею честь просить об оказании мне материального содействия к напечатанию этой книги на условиях, какие будут признаны возможными. Со своей стороны, обязуясь доложить, что по предварительному соображению, 600 экземпляров книги в 60 печатных листов могут стоить около 960 рублей. Отставной генерал-майор Венюков”.

Второе издание этого труда М.И. Венюков хотел начать с описания не Сахалина, а с Туркмении. В состав книги должны были войти новые описания Хорасанского и Гиндукушского участков. Дан-

¹ Там же, л. 12.

² Там же, л. 19.

³ РГВИА, ф. 401, оп. 3/927, д. 72, л. 10.

ные об остальных участках были частично переделаны и дополнены новейшими материалами. Венюков конкретно указывал какие сведения новых экспедиций 1873–1876 гг. были использованы в работе. Туда вошли результаты исследований как русских, так и зарубежных путешественников. Среди ученых – работы Матусовского, Мирошниченко, Потанина, Большева, Старицкого и др., конечно, и начавшего свои экспедиции в 70-е годы Пржевальского, среди иностранцев – Белью, Форсайдса, Гордона, Бэкера, Немира и др.

Дополнением ко второму изданию должны были быть новые главы, обобщающие географические исследования в азиатской части России всех путешественников, которые изучали этот регион, статьи о железнодорожных линиях, возможных и проектируемых в Средней Азии, извлеченные из трудов комиссии 1874 г. о пересмотре административных границ и, наконец, сведения о населении (“ино-родцах”). По мнению Венюкова, в новом издании военные разделы (о дислокации войск, вооружении и др.) надо было исключить. Все описания азиатских границ должны были соответствовать карте, издаваемой ВТО Главного штаба (в масштабе 100 верст в дюйме), т.е. новейшей карте страны. К сожалению, эта книга, подготовленная к печати и сданная в типографию, не была издана.

Письмо М.И. Венюкова Ф.Л. Гейдену носило более личный характер. Венюков хорошо знал ситуацию на Кавказе, где продолжались военные действия, которые перекинулись уже за Каспий, в Туркмению. Его могли ждать самые непредвиденные обстоятельства. И тут он думает вновь об исследовании Азии.

Весьма интересна его аргументация желания учредить премию своего имени и приведенный им расклад капитала, из которого складывались средства на премию за сочинение о военной географии и статистике азиатской России. Вот строки из его рапорта от 21 июля 1877 г.: “В продолжении бывшей моей службы при Главном штабе с 1871 по 1877 гг., мною были получены, по представлениям начальства, следующие материальные пособия и награды:

В 1873 г. подарок по чину из Кабинета, получены деньгами (вместо 285)...246 р.

В том же 1873 г. 250 экземпляров книги моей о русских границах в Азии, отпечатанных за счет казны и переданных мной книгопродавцам на 600 р.

В 1875 г. пособие на поездку в Турцию 738 черв. – 2515 р.

В 1874 г. подарок по чину из Кабинета 246 р.

В 1876 г. перед отставкою, мне отпущено содержание за время, в которое я ни каких служебных обязанностей не нес (за расх. на перевод) 205 р.

Итого 3812 р.

Деньги эти, по мере поступления ко мне, были мною обращены в кредитные бумаги и в настоящее время составляют сумму около 5000 р. в металлических облигациях, приносящих в год 250 р. золотом.

Несогласно с моими убеждениями считать этот капитал моею собственностью, ибо все продолжение моей службы, но и жизни старался я избегать принятия всяких вещественных подарков, и если не всегда мог отклонять их, то лишь потому, что закон обязывает служащих не отказываться от официальных наград, каковы бы они ни были. Поэтому в уме моем давно уже составила мысль дать этим деньгам назначение общепольное, именно обратить их на основание двухгодовой премии в 500 металлических рублей за лучшие труды в той сфере, где я сам работал 22 года, именно за самостоятельные исследования по военной географии и статистике Азиатской России или соседних с ней стран. Присуждение этой премии, в два года, могло бы быть сделано Военно-ученым комитетом Главного штаба.

Имея в настоящее время в виду службу на театре военных действий, откуда легко могу не вернуться, я желал бы волю мою облечь в легальную форму, так чтобы в случае смерти моей капитал без малейшего затруднения мог перейти в ведение Главного Штаба”¹.

М.И. Венюков просил также о том, чтобы его просьба не получила огласки до его кончины даже в среде Военно-ученого комитета. 8 августа 1877 г. Военный министр подтвердил просьбу Венюкова по ходатайству Гейдена. На его докладе министр написал: “Согласен. Ген.-адът. Милютин”.

Таким образом, обе просьбы Венюкова формально были рассмотрены и удовлетворены². Он этого не знал, так как отправился на Кавказ раньше, надеясь узнать о решениях в штабе Кавказской армии, в Тбилиси. Решения стали известны позже, когда некто С. Зыков (за управляющего делами ВУК) писал о них на имя Венюкова в штаб Кавказского фронта. Эти письма, датированные 31 августа и 13 сентября 1877 г., М.И. Венюков не читал, так как прийти в Тифлис они могли лишь после того, как он уже покинул город. Скорее всего, они даже и не были отправлены из Петербурга и ныне хранятся в делах архива ВУК Генерального штаба³. Из них можно заключить, что назначение Венюкова в войска, которые вели активные военные действия за Каспием, уже заранее было согласовано со штабом Кавказской армии – в Тифлисе. Адрес писем Венюкову был таков: “В штаб Кавказской армии. г. Тифлис, Ереван, Баку, Красноводск”. Конечный пункт, как видно, где должен находиться Венюков – Красноводск. В Военном министерстве в Петербурге уже знали и определили место службы генерала Венюкова. Можно с уверенностью утверждать, что назначение Венюкова в действующую армию в Туркмению было преднамеренным. Такова была воля

¹ Об учреждении полковником Венюковым после его смерти на счет жертвуемого им капитала премии за лучшее сочинение по военной географии и статистике Азиатской России. РГВИА, ф. 401, оп. 3/927, д. 72, (1877 г., 10 л.), л. 1–2.

² Обе просьбы Венюкова реально не были воплощены в жизнь.

³ РГВИА, ф. 401, оп. 3/927, д. 72, 1877 г., 10 л.

царя и его приближенных. Венюков вспоминал позже, что для него подготовили замаскированную ссылку. Да и дальнейшие действия Генерального штаба наводят на эту мысль. Из Тбилиси, куда он прибыл, его судьбой могло распорядиться местное командование. Документы о месте его назначения из Петербурга еще не пришли, и с ним их не переслали. 20 августа 1877 г. Венюков отправляет телеграмму в Генеральный штаб: “Обо мне еще нет здесь бумаг. Благоволите ускорить их в Тифлис”¹. Как видно из Тифлиса он отправляться куда-либо не намеревался. Не дождавшись “бумаг” из Генерального штаба и оценив общую обстановку в штабе Кавказского фронта, Венюков покидает Тифлис и направляется обратно в Петербург. Он решил окончательно освободиться от сковывавшей его военной службы и распрощаться с Родиной, надеясь найти свободу и воплощение своих замыслов за границей.

---

² Об определении ген.-майора Венюкова (1877 г., 32 л.). РГВИА, ф. 400, оп. 59/662, д. 1385, л. 18.

Глава 7

Эмиграция и научная деятельность за рубежом

В Швейцарии и Франции (1877–1901 гг.). В октябре 1877 г. по приезде в Санкт-Петербург, М.И. Венюков направил рапорт об отставке в Генеральный штаб и не дожидаясь официального решения начальства¹, покидает Россию. Через Хельсинки и Стокгольм он направляется в Женеву. Туда же он отправил свое имущество, состоящее почти из одних книг.

Как ни тяжело было Венюкову расставаться с Родиной, он решил уехать подальше от своих недругов и политических противников, от всего того, что мешало ему свободно мыслить и творить. Выезжая нелегально из страны, Венюков решил откровенно объяснить с Александром II, сказав ему при этом то, что не говорили и не могли сказать ему его подданные. Он сдержанно и дипломатично обращается к царю с письмом, в котором между строк сквозила неприязнь ко всему существующему строю, военно-бюрократическому государственному аппарату. Позже, за границей, он уже открыто выступает против царизма, произвола правящей элиты и всего того негативно-го, что порождал существующий строй. Вместе с тем Венюков отстаивал интересы трудящегося населения, нещадно эксплуатируемого правящими кругами. Он был всегда с народом и Россией, подлинным патриотом своей Родины. Вот чем кончалось его письмо к царю: “Вашему Величеству подлежит теперь определить форму моего исключения из списков военных чинов. Каково бы не было Ваше решение, я приму его с покорностью судьбе. Можно лишить меня полученных в течение 26 лет внешних отличий, которых суетность мне всегда была совершенно ясна; *можно вычеркнуть мое имя из списка русских граждан; но нет силы которая бы могла исключить меня из числа преданных сынов Русской земли*” (выдел. мной. – В.Е.)².

¹ М.И. Венюков пишет в Генеральный штаб из Женевы о присылке ему приказа об отставке, препоручив это сделать Г.М. Равинскому (там же, РГВИА, д. 1385).

² Рукописный отдел Института русской литературы РАН (Пушкинский дом), ф. 274, оп. 1, д. № 397, лл. 133–136 об. См. также: Венюков. Из воспоминаний..., кн. 3, 1901, с. 3, Письмо М.И. Венюкова Александру II воспроизведено в альбоме М.И. Семеновского “Знакомые”, т. 3, с. 234–241.

В своих воспоминаниях М.И. Венюков передавал свои чувства при отъезде из России: “Немало и тяжелых дум пришлось мне переждать на пути от Николаевского моста в Петербурге до здания Grand-Hotel в Стокгольме. Там, сзади, оставалось все, что было дорого сердцу в течение 45 лет, а тут, впереди, не виднелось ничего..., ничего кроме свободы ... И я взял свободу, конечно, не без сожаления о некоторых счастливых, исключительных минутах рабства, но с твердой решимостью: *“оставаясь русским, не возвращаться в Россию иначе, как на службу свободе же”* (1901, кн. 3, с. 4, выдел. мной – В.Е.).

Из Стокгольма через Любек и Мюнхен Венюков последовал в Женеву. Здесь он жил до 1883 г., всецело отдаваясь служению науке и России. Сейчас трудно представить над чем преимущественно трудился Венюков в Швейцарии. Живя здесь, он сотрудничает с Женевским географическим обществом, путешествует по Западной Европе, общается с известными учеными, участвует в Международном географическом конгрессе в Венеции (1881), публикуется в русских и зарубежных изданиях. Все указывает на то, что он вел активную и целенаправленную деятельность. Кроме всего прочего, Венюков расширяет свое образование в области биологии, астрономии, математики и других наук, слушает публичные лекции в университете. Здесь он знакомится с профессорами К. Фохтом (Фогт), Фолем, А. Декандалем, Плантимуром, президентом Женевского географического общества Бомоном, Эл. Реклю, Гюмбером, Ломбаром, Формом и др. Естествоиспытатели Фохт и Фази были знакомы с А.И. Герценом, и дружба с ними Венюкова основывалась на общности не только научных, но и политических взглядов. Благодаря Фохту, Фоллю и русскому биологу Овсянникову, Венюков познакомился с эмбриологией и стал изучать работы в этой отрасли биологии, слушал лекции по астрономии Плантимура, наминавшего ему во многом “нашего Савича”, знаменитого профессора петербургского университета. Венюков становится членом Женевского географического общества, где выступал с докладами о достижениях и новых исследованиях по географии в России.

Среди русских ученых он общался в то время с Л.И. Мечниковым, П.А. Кропоткиным, М.Г. Драгомановым и другими учеными. В вопросах, связанных с Японией, Лев Мечников считал себя отчасти учеником Венюкова, с которым он был знаком еще в России, в Русском географическом обществе.

М.И. Венюков путешествует по Швейцарии и Италии, изучает природу, общественное устройство, население стран и хозяйство. Говоря о природе Швейцарии, считает ее эталоном для изучения природных условий или географии стран как “школу естествознания”. “Сама природа ее (Швейцарии. – В.Е.) рельефно представляет те теории, которые мы усваиваем, не без труда, из книг и в аудиториях”, – писал он. «Если бы у меня были дети, я бы каждого из них,

по достижении 15–16 лет, возил по швейцарским и северо-итальянским горам и озерам: это лучшее чтение “Космоса”. Здесь, по его мнению, проявляются классические формы рельефа и разнообразнейшие явления природы. Венюкова интересовала культура и жизнь швейцарцев, сравнительно устойчивая и благопристойная по сравнению с другими странами Европы. Его поражают масштабы деятельности банкиров страны, наживающихся на капитале иностранцев. По своему нравственному началу эти буржуа “мало чем отличаются от остальных европейцев и американцев... Они жадны до денег – это главный их недостаток, но они не жиды и не голландцы, из которых первые отвратительны по своей лживости и наглости, а вторые – по бессердечному скопидомству. Они эксплуатируют иностранцев, но не с насилием англичан, история обогащения которых есть история ряда грабежей на широкую ногу» (1901, кн. 3, с. 28).

Путешествия по странам Европы расширяют географический кругозор ученого. Венюков неотступно ведет наблюдения над природой, но главное внимание уделяет изучению общественно-политических условий стран, резко выступая с осуждением буржуазно-помещичьего строя, пишет о негативных сторонах жизни Италии и Испании. Так он писал, что в Италии существует «почти тот же экономический порядок вещей, какой был при римской империи: только официальные рабы заменены неофициальными, о которых меньше заботы. Когда-то итальянский крестьянин додумается до безобразия этого порядка и потребует раздела полей между теми, кто их возделывает? Много нужно на это времени при повальном невежестве “мужичья”, которое так тщательно поддерживали доселе попы и сеньоры, кажде, разумеется по своим расчетам» (там же, с. 56).

М.И. Венюков стремился выработать методику изучения природы и общества, формулируя концепцию развития природы и общества. Современные наблюдения, по Венюкову, проводимые через призму предварительного книжного познания и через установившиеся взгляды, утрачивают яркость впечатлений, становятся лишь контрольными опытами для проверки составленных предварительно взглядов и целых теорий. Ученый стремится разобраться в сущности и эволюции общественных отношений, изучает взаимоотношения государства с религией и значение последней в обществе, наглядно наблюдая католицизм в странах Европы.

Будучи приверженцем географического детерминизма, Венюков высказывает идеи о том, что теории Монтескье, Гердера, Риттера и др. “слишком поверхностны и туманны”, чтобы ими объяснять общественные явления людей и отдельных групп. Для того, чтобы создать им замену необходимы новые наблюдения и даже опыты. Вместе с тем он уже тогда признавал влияние на развитие общества широкого круга причин: экономических, культурных, социальных. Слишком много значат, по его мнению, гражданская свобода, цивилизация и комфортабельность жизни, так что выделять влияние од-

ной природы совершенно недостаточно. Он симпатизирует революционному движению и видит в нем путь для достижения справедливого общества, переживает все события в России как личные, оценивая их с точки зрения противника царизма и беспредельной российской бюрократии. Венюков сочувственно относится к революционным выступлениям и даже к террористическим действиям народовольцев конца 70-х – начала 80-х годов, писал: “У меня появляется что-то в роде лихорадки от радостного сознания, что борьба молодого русского поколения с деспотизмом продолжается неустанно, с неумолимой энергией, и от представления ужасов полицейского самовластия, которые должны сопровождать неудачу Халтурина...” И далее: “Спасибо вам, самоотверженные, смелые бойцы за свободу! Деспотизм начинает бояться вас; он понимает, наконец, что казнями и ссылками даже себе не обеспечить покоя, что нужно жить самому, но и давать жизнь другим” (1901, кн. 3, с. 65–66).

Общественная сторона деятельности М.И. Венюкова не ограничивается общением с учеными и выступлениями в научных обществах. Он упорно и целеустремленно работает над историей России, охватывающей насыщенный событиями период последних десятилетий начиная с Крымской войны до 1875 года¹. Это исследование ученого, стремящегося разобраться в исторических событиях, не было подвержено давлению со стороны. Венюков описал этот период событий в России без цензурных препятствий. Он как борец за свободу общества и свобод личности выступает против устоявшихся порядков в обществе, против царского самодержавия, проповедует революционные и демократические идеи, дает характеристику историческим личностям, оценивая их деятельность невзирая на авторитеты. Его исторические очерки о России неоднозначны и заслуживают более глубокого и всестороннего анализа.

В 1877 г. вышел сборник географических и политических статей ученого под названием “Россия и Восток”. В него вошли работы об истории географического изучения и освоения русскими Азии.

Переехав из Женевы в Париж в 1883 г., М.И. Венюков продолжал изучать страны Западной Европы и Африки, знакомился с природой и населением стран Карибского бассейна, Центральной и Южной Америки, посетил Восточную Азию. Свои новые работы, посвященные описанию этих регионов, он публикует в “Русской старине”, “Русской мысли”, “Русском архиве”, “Неделе” и газетах, а также в зарубежных изданиях.

В 80–90-х годах М.И. Венюков работал над созданием мемуаров, в которых описал свою жизнь в семье, военную карьеру, боевые действия в Средней Азии и на Северном Кавказе, научные экспеди-

¹ Исторические очерки России со времени Крымской войны до заключения Берлинского договора. 1855–1875 гг., т. 1–4, Прага–Лейпциг, 1878–1880: т. 1. Лейпциг, 1880, VII. 428 с. Оба издания, по воспоминаниям Венюкова, печатались в Женеве.

Михаил Иванович Венюков. 1895 г.

ции, в которых принимал участие. Часть воспоминаний он публиковал в российских журналах в виде отдельных очерков. Эти публикации были подвергнуты цензурным сокращениям. В полном объеме они были изданы на русском языке за рубежом под названием “Из воспоминаний М.И. Венюкова” в трех книгах (Амстердам, 1895–1901). В этом произведении автор описал не только свою судьбу, но и ярко изобразил общественно-политическую жизнь России второй половины XIX столетия.

Живя за границей, М.И. Венюков оставался с Россией и своим народом. Он активно ведет переписку с русскими учеными, издателями журналов и газет, с общественными деятелями и со своими друзьями. Его научная деятельность в Париже была тесно связана с русской наукой. На заседаниях Парижского географического общества, Академии наук он активно пропагандирует достижения рус-

ских ученых. Этому вопросу посвящен ряд его публикаций и выступлений. Так он первый кто познакомил зарубежные научные круги с исследованиями Н.М. Пржевальского, В.В. Докучаева, А.И. Воейкова, А.А. Тилло, Б.Л. Громблевского, И.И. Стебницкого, А.А. Большова и др.¹ В этот период он следил за выходом новой литературы по исследованию Азии, переводит работы зарубежных ученых и путешественников на русский язык: В. Бэкера о Средней Азии, Гордона о Памире. Он обращался к К.Т. Солдатенкову с предположением об издании на русском языке работы Вивен де Сен-Мартена “История географии” с его дополнениями. В переписке с А.А. Тилло он обсуждал вопросы, связанные с его “Типсометрической картой Европейской России” (1889), работы которого ценил очень высоко.

М.И. Венюков активно сотрудничает с руководителями и сотрудниками Академии наук и Географического общества в Париже, Женевского географического общества, с такими как Монуар, Добрэ, Бомон, Фохт, Ламбер и другими. Недостаток знаний по некоторым научным дисциплинам он пополнял, слушая лекции европейских профессоров в университетах или консультируясь у специалистов по интересовавшим его вопросам.

Научная деятельность М.И. Венюкова не осталась незамеченной европейскими учеными. Он был признан одним из выдающихся русских ученых-географов и этнографов. Особый авторитет и научное признание получили его труды по исследованию Азии. Его работы переводились на европейские языки, он был избран в Топографическое и Географическое общества Парижа и Женевы, в члены Лондонского географического общества, неоднократно участвовал в Международных географических конгрессах.

В 1879–1898 гг. М.И. Венюков опубликовал только во французских изданиях (*Revue de Geografie*; *Bull. De la Soc. de Geografie de Paris*; *Com. Rendus Acad. Des Siences* и др.) более 40 статей, в которых он рассматривал широкий круг вопросов: историю изучения территории Российской империи, результаты экспедиций Н.М. Пржевальского в Центральной Азии, достижения русских ученых в области геодезии и топографических работ, исследований почв в европейской части России, исследований по геомагнетизму, и также проблему высыхания озер в сухом климате, геотектонические процессы и многое др.

Среди последних трудов М.И. Венюкова большой интерес представляют работы о Сицилии (1897) и Сардинии (1899), о северных берегах Скандинавии (1898), о Туркестане (1899), об аборигенах и иностранцах в Индии (1900), о новых исследованиях русских ученых в Фергане и Туркмении (1897), в Манчжурии (1898) и на Кавказе (1898).

---

¹ Рукописный отдел Российской Государственной библиотеки, фонд 363, карт. 3, № 35, л. 1 (1888–1889 гг.).

В последние годы жизни он, одинокий и больной, оторванный от Родины, куда намеревался вернуться после перемен, находился в тяжело подавленном состоянии. В его сознании даже мелькала мысль о последних годах жизни как о лишнем прожитом времени. Его мучили преследования царской секретной службы, которым он подвергался в России и за рубежом¹. Официальные французские лица и даже некоторые ученые считали его русским агентом.

Еще в 1881 г. Венюков написал завещание, по которому его имущество и денежные средства распределялись между Хабаровкой (Хабаровск), Русским географическим обществом (Санкт-Петербург) и народными учреждениями односельчан родного села Никитинское Рязанской губернии. Библиотека и личный архив предназначались научным организациям Хабаровска, где они и находились после кончины ученого вплоть до 1955 г. Позже личный архив М.И. Венюкова был передан в рукописный отдел Государственной библиотеки им. В.И. Ленина.

Средства, полученные Русским географическим обществом, как было отмечено выше, предназначались для использования на поощрение русских ученых за лучшие результаты в исследовании Азии. Именные премии должны были присуждаться в размере 1000 рублей через каждые два года. Первая премия М.И. Венюкова была присуждена Особой комиссией РГО в мае 1917 г. В.К. Арсеньеву за исследование Дальнего Востока. Однако в связи с событиями Октября 1917 г. и гражданской войны премия не была вручена лауреату и впоследствии она не присуждалась. Благородный замысел М.И. Венюкова оказался нереализованным.

В последний год жизни у М.И. Венюкова началось прогрессирующее расстройство нервной системы, которое привело его в лечебницу. 3(16) июля 1901 г. М.И. Венюков скончался на 70-м году жизни в психиатрической больнице в Париже, вдали от Родины, близких и друзей. Похоронен он, видимо по его желанию, на русском кладбище Кокад (Caucade) в Ницце, в том же приморском городе, на французской Ривьере, где покоится прах его духовного учителя А.И. Герцена. Так закончилась жизнь замечательного русского патриота, видного ученого и общественного деятеля России.

---

¹ Свидетельством этого служили действия против Венюкова, замеченные им самим, а также обнаруженные Г.И. Любиной выписки из писем М.И. Венюкова, отправленные из Женевы в 1879 г. в Москву своему сослуживцу В.А. Ровинскому, которые пересылались III отделением Александру II (Государственный Архив Росс. Федерации, ф. 109, III отд. Собств. Его Импер. Величества канцелярии, Секретный архив, оп. 1, № 461). Автор приносит глубокую признательность Галине Ивановне за предоставленные сведения.

Глава 8

Географические работы и идеи М.И. Венюкова. Его роль в развитии географии

Первые сведения по географии Венюков почерпнул из рассказов своих родственников, в особенности отца, который прошел с русскими войсками во время Отечественной войны 1812 г. до Парижа. Послевоенные воспоминания о походах и впечатлениях отца запомнились ему на всю жизнь. Увлекали в детстве Венюкова и местная природа, перемежающиеся перелески и луга, поля. Его очаровывали красоты природы бассейнов рек Прони и Рановы и их притоков, где он часто проводил свободное время. Обучение географии у дьяконов и священников не вызвало у Венюкова особой заинтересованности. Скорее всего, он стал интересоваться географическими сведениями позднее, перед поступлением в Дворянский корпус в Петербурге. Тогда, будучи в Ряжске и в Дымово, он достал географические сочинения из библиотеки отца и с интересом перечитывал их. Дальнейшая учеба и занятия в Дворянском корпусе, в Петербургском университете и Академии Генерального штаба, а также самообразование, подготовили М.И. Венюкова к плодотворной работе на поприще географии.

Сознательное и глубокое увлечение изучением природы и человека у Венюкова сложилось в юношеском возрасте под влиянием идей Александра Гумбольдта, изложенных в его знаменитом труде “Космос”, переведенном на русский язык Н. Фроловым. Это подкрепились и общим подъемом географических исследований, начавшихся в широких масштабах после учреждения Русского географического общества в 1845 г. в Петербурге, основу которого составляли офицеры армии и флота. Именно с армией и Географическим обществом будет связана и вся последующая научная деятельность Венюкова.

В университете и Академии Генерального штаба М.И. Венюков приобщился к передовым научным традициям в области физической географии и страноведения, которые развивались Э.Х. Ленцем, П.А. Языковым, Д.А. Милютиным и др. На их основе он проводил все свои многочисленные исследования. Большую роль в выборе направления научной деятельности М.И. Венюкова сыграло его обу-

чение в Академии Генерального штаба, где он получил навыки первого опыта в географическом изучении отдельных районов, их картографирования и описания. Эта традиция в развитии русской военной географии, как известно, приобрела во второй половине XIX в. огромное значение, и сторонники ее развития по своей научной результативности сыграли важную роль в развитии географической науки и создании школы страноведения в географии (Есаков, 1987, с. 50–69).

Первые географические работы М.И. Венюкова, появившиеся в результате его экспедиционных исследований на Амуре и в Уссурийском крае, в Чуйской долине, на Иссык-Куле и на Северном Кавказе в конце 50-х – начале 60-х годов XIX в. были первыми попытками в создании географических описаний этих районов. В таких работах особенно нуждались русские переселенцы из европейской России, направлявшиеся для заселения и освоения новых колонизируемых Россией земель. Вскоре Венюков свои статьи, опубликованные в научных журналах, издает отдельным сборником “Путешествия по окраинам Русской Азии и записки о них” (СПб., 1869)¹. Эта работа была подчинена практической стороне дела и особенно полезна для тех, кто непосредственно занимался переселением русских во вновь осваиваемые районы.

В статье “Обозрение реки Уссури” (опубликованной еще в 1859 г.) Венюков красочно описал свое путешествие и дал общегеографическую характеристику всего района, находящегося к востоку от Уссури до побережья Тихого океана. Его труд освещал не только природные ресурсы страны, но и ее обитателей – аборигенов и пришедших сюда китайцев. Особое внимание Венюков уделил их хозяйственной деятельности. Весьма интересные сведения о производстве женьшеня на плантациях, которые разрабатывались частными рабочими. “Ферма, на которой мы были, – писал Венюков, – имеет до двадцати работников, исключительно китайцев и принадлежит богатому купцу, живущему в Пекине. Если принять в соображение цену знаменитого корня в Китае, то, вероятно, этот владелец небольшого клочка земли в Манчжурии имеет десятки тысяч дохода со своих плантаций” (с. 46). Растения выращивались в теплицах на лучших, черноземных землях. Венюков отмечал, что в долине Фудзи, на перевале, живет много китайцев, занимающихся земледелием. “Сеют кукурузу, просо, ячмень, пшеницу, полбу, отчасти коноплю, картофель, огурцы, тыквы и другие овощи. Все эти предметы служат как для удовлетворения собственных потребностей земледельцев, так и для продажи искателям женьшеня. Возделывание полей производится с тем классическим трудолюбием, которое отличает жителей Небесной Империи. У многих китайцев находится скот –

---

¹ Далее в тексте даются ссылки на страницы этого издания. Эта книга находилась в “собственной библиотеке Его императорского Величества Аничкова дворца”.

быки и лошади; из домашних – куры”. Много мельниц, перерабатывающих зерно в муку, у некоторых – небольшие винокурни. Зимой – почти все охотятся на зверя” (с. 57).

Венюков был поражен красотой природы, когда путешественники вышли к побережью. Эти районы были заселены в то время в основном орочами. Он делает вывод: “население берегов Уссури и виденных мною местностей очень малочисленно” (с. 84). По его приблизительным подсчетам численность населения местностей, лежащих между Уссури и морем (от 44 с. ш. до Имперской гавани), составляла не “более чем трех тысяч душ. Плотность населения – менее двух человек на квадратную милю, т.е. население здесь в восемь раз слабее чем средним числом в Сибири. Такой вывод, – продолжает Венюков, – кажется с первого взгляда невероятным, потому что приуссурийская страна лежит в одних широтах с Ламбардиєю и южной Германией по близости моря, следовательно, представляет выгодные условия для обитания многочисленных человеческих обществ” (с. 87).

Венюков объясняет этот факт разрушающим влиянием на малые народы внешней природы, а также тем, что они не выдерживают “жесткого прикосновения с организованными племенами” (с. 86).

Он дает подробные характеристики гольдам и орочам, коренным жителям Приуссурийского края, не соглашаясь с мнением П.П. Семенова, высказанным в примечаниях к изданию труда К. Риттера “Землеведение”, о разделении приамурских и уссурийских гольдов на различные народные группы. Это утверждение “не имеет никакого основания”, считает Венюков, доказывая это как этнограф. Оба народа преимущественно занимаются земледелием по образцу китайцев, сеют ячмень, просо, кукурузу, картофель, огурцы и табак. При этом используют такие же орудия. С отраслями промышленности практически не знакомы.

Китайцев Венюков считал “переселенцами”. Они обязаны своим пребыванием на Уссури или бегству от преследования законов, или стремлением нажиться за счет туземцев и через отыскание женщины (с. 100).

В добавлении к статье М.И. Венюков сообщает о русском населении на Уссури в 1862 г. Во время его путешествия в 1856 г. русских поселений там еще не было. Первые русские поселенцы на Уссури появились именно во время пребывания там Венюкова и нередко при его содействии. К концу 1862 г. русские составляли до 6 тыс. человек. Это были в основном казаки из Забайкалья с семьями и посланные на Амур солдаты (“сынки”). Переселение велось с помощью государства, с предоставлением кредитов для приобретения сельскохозяйственных орудий и рабочего скота. Земледелие развивалось медленно, и, по мнению Венюкова, так будет до тех пор, “пока они останутся казаками”. Однако заинтересованность России в Уссурийском крае заставляло правительство вводить льготные ус-

ловия для переселенцев, даже позволяло частным лицам искать там золото, что было запрещено в других частях Приамурья.

Не менее интересны сведения о природе, населении и хозяйстве Средней Азии в статье “Очерки Заилийского края и Причуйской страны” (1861). В ней Венюков описывает времена проникновения русских переселенцев в Казахстанские степи, возникновение первых русских поселений и развитие ими хозяйственной деятельности. Лишь только за пять лет до экспедиции Венюкова в 1854 г. было основано укрепление “Верное” (“Алматы”) и возникло военно-земледельческое поселение с населением в пять или шесть тысяч человек. Здесь было сосредоточено управление Большой орды казахов, что придавало “Верному” довольно оживленный вид. Поселение и его окружение представляло собой земледельческий район. “Эта промышленность, – отмечал Венюков, – весьма выгодна, ибо казна берет все излишки хлеба без остатка и платит хорошие цены” (с. 122). Ученый предполагает, что Алматы, надо полагать, скоро могут сделаться немаловажным торговым местом для всей Средней Азии. Удобное географическое положение поселения связывало Россию с Кульджой и Кокандским ханством и, по мнению Венюкова, очень скоро “многие капиталисты трех соседних государств охотно перенесут свою деятельность и средства в это средоточие торговых дорог. Тогда степи Большой орды оживятся произведениями киргизского (казахского – *В.Е.*) хозяйства, будет обширный сбыт, и сами киргизы (казахи – *В.Е.*) сделают важнейший шаг к цивилизации, перейдя от быта кочевого хищника к жизни мирного пастуха, а отчасти и земледельца” (с. 122–123). Венюков отмечал благоприятные климатические условия края для садоводства и бахчевых культур.

В поле зрения исследователя находились вопросы хозяйственной деятельности народов, населяющих степи Казахстана, а также их связи с другими странами. В своих исследованиях Венюков отмечает такие особенности страны, как климат, рельеф (горы, перевалы и проч.), гидрография (режим рек, переправы и др.) и пути сообщения.

Большое внимание он уделял также описанию населения, подробно останавливаясь на их происхождении, быте, обычаях. Без человека географическое описание, по его мнению, “было бы совсем неудовлетворительно”. Типичным примером описания народа и страны является Киргизия (“Дикокаменная орда”) и быта киргизов (“кара-киргизов”). В своих работах помимо собственных наблюдений, он широко использует материалы своих предшественников (с. 152–170).

Основным источником богатства у кара-киргизов Венюков считал скотоводство, так же как и у соседних народов степей. Однако он отмечал, что дикокаменные киргизы беднее, чем казахи Большой и Средней орды. «Очень немногие из них имеют до 200 лошадей или 3 тыс. баранов. Они имеют хорошую породу быков, приспособленных для езды в горах. Взамен коров держат для получения

молока яков (“кудосы”). Хлебопашество в хозяйстве киргизов занимало второстепенное место и требовало искусственного орошения. Обычными культурами были просо, ячмень и пшеница». Венюков отмечает особое мастерство киргизов в производстве войлоков, отличающихся большой прочностью. Касаясь торговой деятельности этого народа, он писал, что торговый обмен они сами не ведут, а покупают все необходимое через посредников-купцов из Ташкента, Кажара, а также и русских купцов. Часть киргизов находилась под властью Кокандского ханства и, подвластные Кокану киргизы, платили большие налоги на содержание войск, ханской прислуги. При этом отмечая, что если киргизы терпимы к кокандцам, то с китайцами, которые в свое время облагали их данью, они находятся в более жестокой вражде.

Рассматривая отношения киргизов между собой, он отмечает склонность дикокаменных киргизов к “баранте”, т.е. воровству скота. “Баранта кара-киргиз есть просто военное действие с целью пограбить соседа, вовсе не щадя не только его собственности, но и его самого” (с. 165). Венюков отмечает низкий духовный уровень народа, называя их “детьми природы”; их нравственные представления состояли из “грубых поверий и предрассудков”. С приходом русских в жизни киргизов начали происходить изменения – русские стремились освободить местное население от рабства – “русским рабов не нужно” (с. 166).

Несмотря на низкий уровень культуры, киргизы имели свои развлечения и празднества. Венюков упоминает поэта (“рабсод”), который удивлял собиравшихся импровизированными рассказами и песнями, принимавших “иногда смелый полет в область чудесного. При этом большая часть поэмы (о воспеваемом герое – В.Е.) импровизировалась, и только содержание ее было взято из народных преданий” (с. 169). Можно думать, что эти певучие рассказы и были народным эпосом, записанным во второй половине XIX в. под названием “Манас”.

В своих работах М.И. Венюков иногда давал географическое описание тех стран и районов, которые им никогда не посещались, но вызывали интерес в России в научном и политическом плане. Так было сделано обобщение о Памире и Болоре, районах, интересовавших издавна ученых и путешественников, а также политических деятелей. Умело используя известные источники об этом “знаменитом” регионе, как писал в 1845 г. Гумбольдт, во всей средней Азии, Венюков сумел дополнить и уточнить описание Болора, создать более полную картину этого нагорья Центральной Азии в целом.

Большой интерес вызвали исследования этого региона еще и потому, что он сохранял свою независимость и испытывал давление со стороны России – с севера, Англии – с юга, Китая – с востока. Русские и англичане вели активные исследования. Их работы открывали новые данные о природных условиях, населении и хозяйстве это-

го региона. Они были важны для установления торговых и политических связей, установления влияния на эти страны.

М.И. Венюков прекрасно понимал ситуацию и как географ, и как общественный деятель. Он посвятил изучению этой территории многие годы и, опираясь на немногочисленные известные в те годы источники, создал ее всестороннее географическое описание. Он специально изучал найденные им в архиве Генерального штаба неизвестные рукописи, изучил результаты путешествий китайских ученых и европейских иезуитов, а также современные ему источники (карты, статьи и т.п.). В результате его работы появился ряд глубоких и интересных статей, которые давали самое точное представление о так называемой стране Болор-Памир. Собранный материал нашел отражение в работах “О Памире и верховьях Аму-Дарьи” (1861), “Болоры и их страна” (1861), “Некоторые новые заметки о Болорском нагорье” (1867) и др. “Собираясь весною 1859 года, – писал Венюков, – в одну из моих поездок во внутренность Азии, я имел счастье познакомиться с двумя важными источниками географии Болора, которые, по-видимому, оставались неизвестными европейским и нашим отечественным картографам. Помощью их, полагаю, можно распутать тот гордиев узел географических сплетений, которому еще двенадцать лет назад посвящена была на страницах “Записок (Географического) Общества” статья одного из наших путешественников, П.А. Чихачева” (с. 172).

В своих исследованиях М.И. Венюков опирался на все материалы, которые были накоплены к тому времени, и на неизвестные архивные источники: рукопись и карту путешествовавшего в конце XVIII в. по этим районам Георга Людвиг фон... (фамилия была по сообщению Венюкова вытерта). Сведения Георга Людвиг, приводимые Венюковым, а также путешественников – Хюэнь-Цзяня, Марко Поло, Вуда, Стречи, братьев Шлагинтвейт, Борнса, Эльфистона и других исследователей меняли и усложняли упрощенные орографические представления А. Гумбольдта о Центральной Азии. Венюков, описывая страну Болор, обобщил имеющиеся материалы, представив более реальную картину сложной горной системы с пересекающимися горными цепями и расчленяющей их речной сетью. Большое внимание им было уделено характеристике путей сообщения, горных кражей, долин и перевалов. Венюков подчеркивал важное высказывание Георга Людвиг: “тот, кто властвует над Болором и Бадакшаном, может не только предписывать законы китайцам в Кашкаре и Яркенте, но и владеет дорогою, по которой я проходил в Индию” (с. 192).

М.И. Венюков одним из первых указал на то, что Аму-Дарья вряд ли сможет стать “большой дорогою в Индустан из Европы”, она в будущем может лишь быть “второстепенною дорогою промышленности, образования и гражданственности”, и отметил: “той резкой раздельности систем Болора, Куен-Луня, Гималаев и Гинду-

куша, которая указана Гумбольдтом, не существует на самом деле. По крайней мере, три первые являются как бы слитными в одно поднятие, которого ось имеет направление от СЗ к ЮВ, а самые горные массы расположены параллельными рядами” (с. 203).

М.И. Венюков, сопоставляя данные различных ученых и составленные ранее карты, уточнил местоположение отдельных объектов. Он считал важным указать на расхождения различных источников и предложил уточнить их путем дальнейших исследований.

Совершенно новыми явились сведения Венюкова о населении горной страны. Это загадочное голубоглазое племя было весьма подробно описано ученым. Он характеризует их внешний вид, поведение в быту, приводит гипотезу об их происхождении, описывает их борьбу с соседями.

Прошло семь лет и Венюков снова возвращается к Болорскому нагорью и его населению. В отличие от Гумбольдта он называет этот район нагорьем, а не хребтом. Анализирует новые документы, найденные в архиве Генерального штаба о путешествии Георга Людвига, а также описание маршрута неизвестного китайского путешественника XVIII в. Все эти данные вместе с исследованиями последнего десятилетия – со стороны Туркестана русскими и со стороны Индии англичанами – позволили Венюкову создать реальную картину мест, которые имели большое политическое значение для России. По существу исследования Венюкова открывали глаза политикам и государственным деятелям на решение возникающих в то время политических вопросов. Хотя Венюков и оговаривается, что его задача научная, он проводил политику своего государства в Средней Азии. Недаром его работы привлекали внимание как русских, так и английских ученых и политиков. В работе “Некоторые новые заметки о Болорском нагорье” ученый описывает территорию, ограниченную с севера и юга бассейнами рек Сырдарьи и Индом, “страны между Сыр-Дарьей и Индом, от меридиана от Ходжен-та до Кашгара” (с. 245).

Новое исследование Венюкова, как он писал, послужило поводом для составления карты этой страны и привело к “новым открытиям”. Речь шла о неизвестных и весьма важных маршрутах “из Яр-кента в Инд в направлении почти меридиальном” и дороге “из Фер-ганы к озеру Каракулю, дорогу проходящую весьма близко от того знаменитого пути в Средней Азии который составляет перекрестье Болора с Тянь-Шанем”. Венюков подробно описал оба маршрута, затем перешел к характеристике нагорной Азии “после пополнения ее географии, отысканными у нас источниками” (с. 247, 256). Одним из основных итогов изучения явилась карта, охватывающая территорию всей равнинной и горной частей Средней Азии. Она обобщала все имеющиеся в его распоряжении материалы: и те, которые он анализировал ранее, и вновь полученные, и найденные в последние годы. В число использованных источников Венюков включил рабо-

ты русских путешественников и геодезистов (Федорова, Лемма, Бутакова, Голубева, Струве, Ханыкова и др.), а также западноевропейских путешественников и картографов (Борнса, Стречи, Монтгомери, Вуда, Кипперта, Вамбери и др.). Всего им было указано 16 важных названий, в том числе его собственная карта 1861 г. “Из всего перечня, – писал Венюков, – нетрудно усмотреть, что я старался не быть односторонним, а воспользоваться по возможности всем, что имеется лучшего в ряду картографических материалов” (с. 259). Эта карта имела особое изображение рельефа в зависимости от изученности отдельных мест. “На карте моей одни горы отмыты густо, другие значительно слабее, а третьи только обозначены направлениями осей главных кражей. Этими тремя способами я хотел отличить степень достоверности географии разных земель, изображенных на карте... Каждая должна быть географическим отчетом своего времени и различать то, что известно, от того, что еще нужно узнать. Иначе и самые дорогие, самые тщательные по отделке труды ни для какой цели служить не могут” (с. 259–260).

Карта Венюкова показывала, что Болор представляет собой сложную систему горных цепей и является продолжением Гималаев. Она ревизовала представления А. Гумбольдта об орографии Центральной Азии и была самой совершенной из всех известных в то время карт этого региона. По мнению Венюкова, главные черты ее не могут сильно измениться в будущем, так как она опиралась на источники, “независимых друг от друга и взаимно подтверждающих”. “В 1843 г. Гумбольдт не был так богат данными, а потому не мог, очевидно, прийти к вполне удовлетворительным результатам в изложении географии Болора, изложении, которое, однако же по справедливости, без всякого преувеличенного поклонения авторитету, должно служить всегдашней точкою отправления для позднейших исследователей” (с. 262).

Нагорье, называемое Венюковым Болор, представляет собой обширную территорию, серединой которой является Памир. Оно было изображено им на основе тех путей, которые он тщательно исследует в своей работе. Они вместе с гидрографической сетью, за малым наличием точных астрономических определений мест, служили основой карты. “Все исчисленные пути пересекаются между собой в нескольких узлах, и очевидно, если бы нам известно было астрономическое положение этих узлов, то география Болора представлялась бы в столь совершенном виде, что лучшего на первый раз трудно бы и желать для столь труднодоступной страны” (с. 265). Большим подспорьем в определении более реального расположения географических объектов служили Венюкову и “самое небольшое число точек”, таких как Кажгар, Яркент, Карчу, озеро Сары-Куль, Джерм, Ходжент и др. В работе были указаны координаты мест (приблизительные), на которые Венюков обратил особое внимание, а также районы, которые могут быть исследованы, по его мнению,

в недалеком будущем. “Будем же надеяться, что местности эти не долго останутся неизвестными, и что следующие за тем географические известия о Болоре будут наполнены не столько гипотезами и соображениями, сколько точными данными” (с. 267).

Исследования нагорья Болор и составленная Венюковым карта имели большое научное значение и способствовали дальнейшему изучению этого региона русскими и иностранными путешественниками. Вместе с тем они способствовали пониманию правительством стратегического значения для России распространения своего влияния на пограничные с Индией и Китаем регионы.

Одновременно с физико-географическим описанием и составлением карт региона М.И. Венюков интересуется внешней торговлей России с государствами Средней Азии, историей дипломатических и торговых отношений с Китаем. Его статьи особенно интересны, потому что наряду с работами П.И. Небольсина они были одними из первых, в которых освещались связи русского народа с народами Средней Азии и Китая. Венюков описал историю возникновения отношений и деятельность русских купцов и промышленников, являвшихся первыми очевидцами и рассказавших о посещаемых странах. Ученый анализирует объемы вывоза и ввоза товаров, отмечая, что за десятилетие (1851–1860 гг.) оборот торговли через западносибирскую таможенную линию с Кокандом, Бухарой и западным Китаем увеличился вдвое с лишним. При этом “возрастание избытка привоза над вывозом есть факт, достойный внимания потому, что доказывает развитие потребностей и вместе благосостояния внутри наших сибирских и восточных губерний, в которых преимущественно расходятся привозимые через Семипалатинск и Петропавловск товары” (с. 271). Главными предметами ввоза в то время являлись: крупный рогатый скот и бараны, кожи, мягкая рухлядь, хлопок, фрукты и чай; предметами вывоза – ткани, выделанные кожи, металлические изделия, хлеб, сахар, монеты и др. Венюков приводит динамику торговли по годам, подробно описывая движения товаров и условия их транспортировки, в особенности прогона скота.

Он писал, что развитие торговли со Средней Азией и западным Китаем отличается “участием в ней почти исключительно мелких капиталистов, которые недостаток средств стараются вознаградить предприимчивостью” и видел в развитии торговли России со Средней Азией мирные выгоды, противопоставляя их военным действиям. “Вообще мы смотрим на торговлю Западной Сибири со Средней Азией как на вернейший путь к цивилизации последней” (с. 298).

Еще со времени командирования М.И. Венюкова в Восточную Сибирь – экспедиции на р. Уссури – его привлекали взаимоотношения России с Китаем. В дальнейшем он неоднократно возвращается к этой проблеме, много времени уделяя изучению первых русских посольств в Китай, проводившимся дипломатическим переговорам и заключению межгосударственных договоров. Венюков подробно

описал процесс укрепления авторитета России в Азии, и на фоне этого разграничение территорий между двумя государствами, укрепление взаимоотношений между русским и китайским народами. Несмотря на высокомерие китайских властей, русские послы и государственные деятели находили пути выхода из, казалось бы, тупиковых ситуаций и добивались мирного решения спорных вопросов. Особая роль в решении пограничных и других дипломатических проблем, по мнению Венюкова, принадлежала Е.В. Путятину, Н.Н. Муравьеву-Амурскому и Е.П. Ковалевскому. Договорные отношения скреплялись обязательствами сохранять мир “навечно”, регламентировали порядок и маршруты беспопытной торговли между государствами. Последним документом, который рассматривал Венюков, являлись “Правила для сухопутной торговли с Китаем”, заключенные в Пекине 20 февраля 1862 г. Вот что он писал в заключении своей статьи, написанной еще в 1861 г. и дополненной в 1867 г. “Россия в последние 178 лет (1689 г.) сношений с обширнейшим государством Азии при быстрых успехах своих на всех поприщах ни разу не прибегала к оружию, не пролила капли крови. Приобретая от Китая счастливые по своему положению на земном шаре страны, она умела действовать мирным путем” (с. 372). Венюков писал, что Россия вела политику честно, без происков и интриг, ослабляющих человека нравственно и физически. Ни опиум, ни оружие для междоусобных войн, ни подстрекатели к войне не проникали в Китай из российских пределов. “От того и взаимное доверие двух соседних наций укрепилось столь прочно”. Ничто, несмотря на случайные “стычки” войск, не могло нарушить общего мира и дружбы. Он считал, что наши отношения с Китаем представляли “одну из самых утешительных, самых безупречных страниц в истории распространения европейской гражданственности на азиатском Востоке” (с. 373).

Вопросам колонизации (заселения русскими Азии) М.И. Венюков посвятил ряд специальных публикаций. Он осветил историю географических исследований Азии, в особенности отечественными землепроходцами и путешественниками Сибири и Китая, привлек внимание к дискуссии, проводившейся в начале 60-х годов в Русском географическом обществе по теоретическим вопросам колонизации, осветил поставленные в заседаниях проблемы недостаточно, по его мнению, разработанные. Это были следующие вопросы: для каких целей может производиться колонизация, о выборе места для колоний, о составе (выборе) колонистов. Очень важно, указывал Венюков, знать точные сведения о местностях, куда направляются переселенцы. А для этого необходимо прежде всего изучить их и дать подробную характеристику.

Он приводит пример изучения Калифорнии американцами, отнявшими ее у Мексики. Они “тотчас же нарядили туда экспедицию Фримана, Имори, Аберта, Пико и пр., и их в высшей степени поучитель-

ные отчеты познакомили с новым краем не только их сограждан в Америке, но и массу европейцев, искавших выезда из отечества” (с. 391). “У нас, – продолжал он, – Сибирь находится уже 280 лет в наших руках и до сих пор лишена хорошего описания”. Такое неведение о местностях приводило нередко к весьма драматическим, а иногда и трагическим последствиям. Венюков считал, что если бы у нас было подробное описание пути на Амур с точной характеристикой всех пригоднейших для заселения мест на этой реке, а также на Уссури, у Японского моря, “то нет сомнения, что простолюдины, например, из Белоруссии и северо-западных губерний с удовольствием променяли бы свои родные болота и скудные пашни на изобилия нового края” (с. 406). Венюков был сторонником предоставления переселенцам полной свободы в выборе рода занятий и возможности приобретения земли в собственность, видя в этом преимущество ведения хозяйства по сравнению с арендным общинным владением земель. Он критиковал оппонентов, ратующих за сокращение переселенцев в новые места, якобы нарушающих процесс централизации нации и провел в подтверждение своего мнения высказывание академика К.М. Бэра. “Весьма справедлива мысль, что колонии рано или поздно стремятся к приобретению независимости от метрополии. Подобные стремления всех колоний могут быть доказаны историей, но в них нет еще никакого бедствия, если не будем смотреть на них с здоровой точки зрения”. Несмотря на это метрополия увеличивает свое влияние и богатства за счет колоний. В них распространялось употребление языка, нравов и обычаев метрополии, “что значительно облегчало торговые сношения, возраставшие с каждым новым шагом к независимости. При этом надлежит только заботиться об одном: не возбуждать, через сопротивление самостоятельности, горечи в отношениях, которая, конечно, не может содействовать торговле”. “Если было бы справедливо, что нужно воздержаться от колонизации вследствие стремления колоний к самостоятельности, тогда и отец никогда не должен желать иметь сына из опасения, что последний рано или поздно пожелает приобрести самостоятельность” (с. 411). Венюков выступал за благоразумное заселение и освоение новых земель.

Эти идеи он развивал в статье “Колонизация русской Азии” (с. 413–431). В ней даны конкретные рекомендации по заселению казахстанских степей, предгорий Алтая, долин Амура и Уссури, а также Приморья. “Уссурийский край, – отмечал Венюков, – лучшая часть русско-азиатских владений”. На Алтае “прекраснейшие условия для поселений земледельческих, а частью и промысловых”. Другие места в Сибири, такие как Забайкалье, Минусинский край и другие менее благоприятны для заселения районы и не могут привлекать “добровольных переселенцев теперь, когда земли довольно и по сю сторону гор Уральских”. Венюков призывал знающих людей к составлению “обстоятельного и подробного руководства переселенцам в разные части Сибири” (там же).

Результатом его экспедиции и военной службы на Северном Кавказе явился “Очерк пространства между Кубанью и Белой” (1863). В этой работе дается географическое представление о районе и его населении. Особый интерес у автора как военного географа вызвали орография и гидрография со всеми их особенностями как в горной, так и в равнинной частях. Венюков описал растительный и животный мир региона, отмечая благоприятные условия для земледелия, животноводства и садоводства. Орографическое расчленение в западной части Кавказа, характеры горных рек, относительные и абсолютные высоты, перевалы – все это нашло отражение в очерке. Ученый умело использует опубликованные ранее работы и архивные материалы, а также данные геологических исследований Кавказа, проведенные Г.В. Абигом. В целом была представлена общая картина края. Однако, полных географических исследований тех мест в то время еще не было произведено, поэтому Венюков намечает только общую схему гор и отмечает: “подобно ожидать от будущности разрешения вопроса, какое геологическое и топографическое строение имеет эта промежуточная цепь, не означаемая на картах и прорезанная по всей длине поперечными долинами главных Кавказских рек” (с. 438). Наряду с двумя главными цепями гор он выделяет еще два ряда уступов – промежуточный и предгорный – северный. “Если я вопреки общепринятой уже системе разделения кавказских гор на главный хребет и черные горы решаюсь говорить о среднем между ними уступе, то еще с большей очевидностью можно указать на четвертый ряд параллельных им высот, так сказать на последние предгорья Кавказа. Эти высоты тянутся группами от самой Усть-Джугуты на Кубани до Белой между Майкопом и устьем Фюнфта” (там же). Он выделяет “плоский водораздел” бассейнов рек Кубани, Кумы и Малки, названный Г.В. Абигом Темпольско-Ставропольской возвышенностью. М.И. Венюков подтверждает ранее отмеченную К.М. Бэром закономерность – “закон Бэра” об асимметричности берегов рек на этой территории (Кубань, Урун, Лаба, Белая и др.), указывает на хорошо известные ныне железно-кислые и кислые источники в истоках р. Кубани и р. Лабы. Рассматривая климатические особенности данной местности, он отметил изменения климата (“теплоты и влажности”) по высоте гор – вертикальную зональность, а также с запада на восток, а не с севера на юг, как это обычно происходит. Эти изменения неизбежно отражаются на характере растительности. Венюков проследил исчезновение лесов с запада на восток, вплоть до Дагестана, где леса совсем отсутствуют, описал виды деревьев и их распределение в зависимости от высоты горных цепей. Им также подробно описаны садовые и полевые культуры, возделываемые в этом регионе. В земледельческом отношении Венюков считал эти местности “счастливыми”, благоприятными и для занятий животноводством. “В самом деле скотоводство есть важнейший промысел горцев, и если бы они

в последнее время не были лишены большей части своих пастбищ русскими, то при водворении мира аулы их содержали бы значительные табуны лошадей и стада быков и овец” (с. 454). Русские переселенцы, большей частью с Дона и из южных губерний, хорошо освоили здешние места и удачно ведут хозяйство. Венюков считает, что “со временем” в предгорья западного Кавказа, обильных сочными травами “водворятся” самые совершенные методы ведения хозяйства и совершенствования новых пород скота. “Но пока еще война стесняет успех скотоводства” (с. 455). Отмечены им овцеводство и пчеловодство.

Интересны сообщения Венюкова о редких видах диких животных, обитающих в западных частях Кавказа. По его наблюдениям здесь водятся зубры. В горах между Кубанью и Белой туземцы их называли “домбей”. (Быть может, отсюда название Домбай.) В горах можно встретить маралов, медведей, оленей, “сайгов” и кабанов.

По мнению Венюкова, природа этих благодатных мест, “богатых производительностью”, ждет своего исследователя. В то же время, когда он описывал природу края, условия для его изучения были неблагоприятными. Но он верил, что исследование страны “не замедлит совершиться в самом непродолжительном времени” и будут особенно плодотворными, “если точные геодезические действия определяют окончательно вид страны, а метеорологические наблюдения укажут на свойства ее климата” (с. 459). В качестве ближайшей задачи в изучении края Венюков выделил определение географических координат некоторых станиц и Майкопа, а также определение гипсометрических высот мест в степи, Черных горах, в проходах и на Главном Кавказском хребте. Все это “составляет особенно желаемый шаг науки в западной половине Кавказа” (с. 460).

Если в первой половине работы о Северном Кавказе озаглавленной “Земля”, освещалась “физическая география края”, то вторая ее часть под названием “Население” рассматривает вопросы, связанные с экономической и социальной географией. Ученый проследил процесс заселения русскими Закубанья со всеми нелицеприятными для России действиями. К тому времени оно уже было заселено русскими, которые являлись, по мнению Венюкова, “важнейшими, если не по числу, то по нравственному и материальному превосходству” (с. 461). М.И. Венюков проанализировал историю появления русских в этом крае, свидетелем чему по существу явился он сам. Первые станицы на Кубани появились в 1841 г. – Урюпинская, Чемлыкская, Вознесенская и Лабинская. В последующем расширение русских поселений распространилось и на другие районы Северного Кавказа. К 1862 г., времени изучения их Венюковым, русскими войсками было занято все пространство от Кубани до Белой, и основано 14 станиц, “важнейших в стране по их стратегическому значению, а вместе и по удобствам хозяйственным” (с. 464–465). В 1862 г. население края уже составляло 78 тыс. человек русских, считавших “новый край уже родной зем-

лею”, 10 тыс. “мирных туземцев” и более 40 тыс. войск. Этот край становится более плотно заселенным, чем Земля Войска Донского, уже несколько веков освоенная русскими, что было обусловлено благоприятными условиями для жизни и ведения хозяйства. Венюков подробно останавливается на статистике семей трех казачьих бригад – их численности, пола, прироста населения. Далее он подробно охарактеризовал “экономическое положение жителей Закубанья” и их “промышленный быт”, т.е. как уже отмечалось, дал экономико-географическую и социальную характеристику края. Он воспользовался официальными отчетами тех организаций (штабов), которые существовали и давали общее представление о масштабах и направлении ведения хозяйства. В то же время эти данные, как отмечал Венюков, должны приниматься с большой осторожностью. “Менее всего, конечно, можно рассчитывать на точную промышленную статистику, так как ни количество земель, действительно состоящее в пользовании у жителей, ни размеры их движимых имуществ не подвергались даже приблизительным исчислениям людьми, знакомыми с этим делом. Можно указать на некоторые преобладающие промыслы и их роль в системе местного хозяйства, но нельзя и думать определить числами общую производительность края” (с. 469). Но ученый преодолел этот недостаток благодаря глубокому знанию и пониманию сельского хозяйства. Он приводит различные статистические данные и анализирует их, делает интереснейшие заключения о первых шагах развития земледелия и промышленности этого региона. Уже в то время указывает на избыток зерна, производимого казаками, вывоз его за пределы края, ставший богатой статьей дохода сельских хозяев. Венюков отмечает благоприятные условия и для занятия скотоводством. Обилие скота, по его мнению, позволяет очень выгодно создать здесь кожевенное, мыловаренное и стеариновое производства. Разведение овец служило для производства шерсти и овчин. Все это шло как для внутреннего потребления, в особенности войсками, так и для вывоза в Ставрополь и Ростов.

Русское население в этом крае состояло в основном из казаков-земледельцев, которые жили в станицах. Некоторые населенные пункты, имея выгодное географическое положение, находились на пересечении торговых дорог, становились центрами городского типа. В них сосредоточивалось правление края, хозяйственные службы и мастерские.

М.И. Венюков подробно характеризует условия жизни и быта казаков, воспитания в младших поколениях отваги и трудолюбия. Колонизируя Закубанье, казаки приобретали особые черты характера. “Кубанский казак, – писал Венюков, – наездник в душе... он полон отваги к преодолению всех местных препятствий. Рожденный и вскормленный среди военных дорог, он, естественно, привыкает к опасностям и презрение к ним есть добродетель закубанского жителя” (с. 479).

В главе “Туземное население” ученый правдиво описывает отдельные кавказские племена, находящиеся почти в постоянной вражде и войнах между собой. Только с приходом русских происходило их постепенное умиротворение. В начале же прихода казаков происходили недружественные и жестокие схватки с ними. Венюков отмечал, что ко времени переиздания его работы в 1868 г., за три-четыре года большая часть главы “имеет уже исторический интерес: так быстро совершилась великая перемена в западном Кавказе” (с. 485). Однако, ее содержание весьма интересно, так как раскрывает взгляды исследователя на исторические процессы и демонстрирует его эрудицию в данном вопросе.

При изучении северного Кавказа М.И. Венюков использует труды и источники начиная с античности и до современных работ. Особое значение он придавал исследованиям Услара, еще малоизвестным в России. Важными статьями его исследования являлись “свежие” архивные материалы, извлеченные из “рукописных источников, которые оставались малоизвестными до настоящего времени и сохранились в штабных архивах Ставрополя” (с. 486). Личное обозрение значительной части Закубанья облегчало Венюкову приведение в порядок разрозненных и отрывочных сведений. Хотя современные знания о народах северного Кавказа изменились, описания Венюкова весьма важны для исторической географии. Они правдиво отражали уровень знаний об этом крае, который был в России в начале 60-х годов XIX в., т.е. время первых лет переселения казаков в бассейн Кубани и Белой.

Между Кубанью и Белой М.И. Венюков различал три основные группы населения: татарское, абазинское и адыгейское. Они в свою очередь разделялись на ряд мелких племен. Все они подвергались в течение истории различным переселениям, и точно обозначить их географическое расположение весьма трудно. Венюков лишь определяет их относительное местопребывание: татарское занимало восточную часть края, абазинское – южную, а адыгейское – северо-западную. Ученый описывает катастрофические события из жизни горских племен, их хищнические действия по отношению к русским переселенцам и постепенный переход к мирной оседлой жизни. Он представляет некоторые племена в глубине гор (“медовеевцы”) как варваров, которые “особенно славятся опустошительностью своих набегов и наводят страх даже на горные племена так, что в горах ими пугают детей. Нападая на аулы, они обыкновенно не щадят ни малолетних, ни женщин и всех убивают” (с. 496). То же было и с русским населением. Такие действия горцев приводили к ответным действиям, к кровавой борьбе и разорению аулов. Венюков считал самыми непримиримыми врагами в то время племена “абадзехов”. Он отмечал, что горские народы довольно часто ведут междоусобные войны, которые происходят из-за какого-нибудь личного оскорбления или противодействия. Венюков писал, что у абадзехов с изгнани-

ем князя в 1828 г. водворилась полнейшая “анархия, без всякой наследственной или избирательной постоянной власти” (с. 501). Автор дает характеристику отдельных родов этого племени, а также других народностей. Особо отмечает добрый обычай горцев – гостеприимство: “Гость вообще святыня для горцев” (с. 501), и обращает внимание на почти бесправное положение женщин, в частности, у черкесов. О быте Венюков пишет весьма скупое, замечая лишь, что он крайне прост.

Главное богатство горцев – скот, главным образом овцы, а земледелием занимаются, – как отмечает он, – лишь для того, чтобы прокормиться до следующей жатвы. Главные зерновые культуры – кукуруза, пшеница и просо.

Жизнь горских народов менялась на глазах Венюкова. Многие из них, жившие на пространстве между Кубанью и Белой, стали оседлыми жителями и у них “набеги не составляют занятия; самую войну они знают только под русскими знаменами” (с. 511).

В этом крае также жили армяне, которые, по мнению Венюкова, – “суть настоящие граждане его”, по своей склонности занимающиеся торговлей и промыслами. Главное их селение – Армавир, настоящий центр Закубанья.

В декабре 1862 г. М.И. Венюков составил “Этнографическую карту северо-западного Кавказа”, используя новейшие данные, полученные из первых рук: “штаба войск Кубанской области” и ведомостей, доставленных в штаб от местных начальников горских народов и казачьего населения. Была проведена “поголовная перепись или соразмерного учета дворов и семей”.

Что касается непокоренных племен (абадзехи, шапсуги, убыхи и кавказские абозинцы), то сведения о них согласовывались на основе “большого числа показаний и на вероятности жительства данного числа людей на известном пространстве земли”, как отмечалось в пояснении к карте (1863, с. 87–91). На карте Венюкова обозначено 13 этнографических племен, которые были объединены им в шесть наиболее значительных групп, среди которых выделялись русские, адыгейцы, убыхи, армяне и др. Русские жили двумя большими ареалами в семидесяти станицах и нескольких населенных пунктах между реками Кубанью и Белой, постепенно проникая на юг и восток Кубанской области. К этому времени на северном Кавказе, в Кубанской области, находилось около 376 тыс. человек, в том числе русских – 87 тыс. адыгейцев или черкесов – 208, убыхов – 25, татар – 21 700 и армян – 5 тыс. Местонахождение групп населения и местных племен было четко обозначено на этнографической карте, и ограничивалось реками, горными цепями и побережьем Черного моря.

Рассматривая первые научные исследования М.И. Венюкова, проведенные им в различных географических регионах, можно заключить, что все они проникнуты четкой концепцией о единстве и комплексности подходов к изучению различных территориальных

образований. Тесная связь изучения природных условий с хозяйственной деятельностью людей и их самих являлась общей закономерностью в географии. Венюков глубоко усвоил и широко использовал методику описания территорий, разработанную в Академии Генерального штаба. Он совершенствовал в своих исследованиях и развивал идеи страноведческого направления в географии (Есаков, 1987, с. 50–69). Венюков уже в первых своих сочинениях определил суть страноведческих географических работ. «Конечно, – писал он в 1868 г. в “Очерках Заилийского края”, – многосторонность описания, его всеобъемлимость, так чтобы изображаемая страна представлялась в полной картине своего физического устройства и производительности, – *эта всеобъемлимость есть цель истинной географии*, но она пока не может быть достигнута для стран, о которых здесь идет речь (районы Средней Азии – В.Е.), ибо нет для них ни геологических наблюдений, ни исчисления богатств флоры и фауны. Можно однако же сказать, что *описание было бы совсем неудовлетворительно, если бы не коснулось человека* в его племенном быту на рассматриваемой части земной поверхности» (1861, кн. 4, с. 103; курсив мой). Эту убежденность Венюков пронес через всю дальнейшую деятельность на поприще географического изучения многих регионов своей страны и зарубежных государств. Его произведения являлись не только в большинстве случаев первыми в плане географического описания отдельных стран и регионов, но и содержали новые идеи и обобщения. Вместе с тем, что было особенно важным, они отвечали на насущные потребности общества, решая научные и прикладные задачи.

“Физическая география” (1865). М.И. Венюков не ограничивал свои исследования страноведческим направлением в географии. Он глубоко интересовался природными явлениями на Земле в целом и конкретными их проявлениями на различных территориях. Его интересовали компонентные составляющие, формирующие географические условия отдельных стран и регионов. Орография, гидрография, климат, живые организмы рассматривались им как отдельные части природных (географических) условий, так и в совокупности. Увлечение идеями А. Гумбольдта, Э.Х. Ленца, совершенствование своего образования в Академии и университете, позволило ему сказать свое слово и в области физической географии. Этому способствовали и условия его деятельности во время пребывания в Польше, куда Венюков был направлен после службы на Кавказе. Будучи тесно связан с военным училищем, он попытался осуществить свои замыслы по написанию учебного пособия, где он выразил свои представления о физической географии как о самостоятельной научной дисциплине.

В 1865 г. М.И. Венюков публикует монографию “Физическая география”. В нее вошли разделы: “О виде, величине, массе и движениях Земли” (кн. 1) и “Об устройстве земной коры” (кн. 2). Как

видно, тема не была до конца завершена и была опубликована лишь часть предполагаемой обобщающей работы. Но и в ней достаточно ярко проявился талант ученого, мыслящего на уровне мировой науки и высказавшего принципиальные взгляды о предмете и задачах физической географии.

М.И. Венюков исходил из установившихся к тому времени взглядов, рассматривавших физическую географию как составную часть географии. Оставаясь географической наукой, рассматривающей сведения о Земле как о планете и ее поверхности с явлениями на суше, в атмосфере и Мировом океане, она опиралась на достижения физики. Даже некоторые ее разделы (геомагнетизм, световые явления и др.) рассматривались в обеих науках. С интенсивным развитием наук о Земле и естествознания в целом происходит постепенное разграничение наук и более четкое определение их задач. Расширение и углубление географических исследований приводило и к уточнению задач самой географии и ее дифференциации.

М.И. Венюков поставил в своей монографии задачу дать более полную трактовку физической географии, опирающейся на новые достижения естественных наук. Свою задачу Венюков видел также в том, чтобы максимально “математизировать” содержание физической географии. “Математика, – писал Венюков, – необходимо должна войти в изложение моего труда” (1865, ч. 1, с. V). Исходя из этой точки зрения, он хотел найти приложение математики ко всем разделам физической географии, и даже к географии организмов. Он старался придать физической географии также больше географичности, так как некоторые ученые, по его мнению, излагали ее не “с географической, а с физической точки зрения” (там же, с. IV). Эти оригинальные идеи он лаконично и ярко изложил в своем труде. В основу структуры работы, как очевидно, он взял основополагающие труды А. Гумбольдта и Э.Х. Ленца.

Что же понимал под физической географией М.И. Венюков и какие задачи перед ней ставил? По Венюкову, физическая география – естественная наука о Земле, изучающая явления и процессы, происходящие в трех ее сферах: на суше, в океане и атмосфере. Все эти явления закономерны связаны. Задача физической географии – изучить и указать на эти связи и закономерности явлений, изучить процессы, происходящие на земной поверхности. “Задача физической географии исследовать Землю в пределах ее самой, изучить явления на ней совершающиеся и указать на внутреннюю связь и последовательность управляющих этими явлениями законов природы” (там же, с. I).

М.И. Венюков подразделял физическую географию на несколько частей, “сообразно видимым различиям между состояниями тел, из которых Земля состоит, и группами явлений, которые на ней совершаются” (там же). К ним относятся: 1) вид, величина и масса Земли и движения ею совершаемые, объяснение которых необходимо

для понимания законов других земных явлений; 2) состав и образование твердой части Земли – “так называемая геология” (современная орография или геоморфология); 3) воды, покрывающие Землю (гидрология); 4) атмосфера и совершающиеся в ней явления теплоты, света и электричества (“метеорология”, или современная климатология); 5) распределение на Земле организмов, в том числе и человека (“география организмов”). При этом М.И. Венюков указывал, что все эти части составляют “одно стройное целое”, и в этом виде физическая география является *новой наукой*, которая приобрела стройную систему (“форму”) только в XIX столетии, “преимущественно же с появлением классического творения А. Гумбольдта “Космос” (1865, ч. 1, с. 2). Так как первые представления о физико-географических явлениях относятся к древности, то, по Венюкову, необходимо знать и проследить историю знаний о физической географии с тех времен до современности. Свой труд по физической географии М.И. Венюков думал закончить разделом по “Истории физического землеописания”, который связывал бы отдельные фазы то ускоряющегося, то медленного развития наших познаний о земном шаре (там же, с. 2). Таким образом, Венюков включал в физическую географию как составную часть и *ее историю*.

Ученый считал хорошими руководствами по физической географии на русском языке два сочинения – “оригинальное академика Ленца, которое очень удобно для первоначального изучения предмета” и переводную “Космическую физику” Мюллера, которая содержит много подробностей, но “изложена не с географической, а с физической точки зрения” и не включает в себя географию организмов. М.И. Венюков намеривался в своем новом труде дать более совершенное представление о физической географии как науке. И это ему удалось, хотя он и не совсем осуществил завершение исследования до конца.

В первой книге Венюков изложил общеземледческие вопросы, раскрывая общее представление о Земле как о планете и ее параметрах, а также о явлениях геомагнетизма. Он описал историю последовательного развития представлений о них и вклад отдельных ученых в изучение Земли до своего времени. Он не назвал этот раздел математической географией, как это было принято во многих работах по физической географии, хотя и строго придерживался выдвинутого им принципа “математизации и географизации” своего предмета. Широко используя математические доказательства в определении вида, размеров и движений Земли, автор знакомил читателя с той частью общих понятий о Земле, без которых невозможно было изучение всех других тел, явлений и процессов на земной поверхности.

Развитие представлений о шарообразности Земли рассматривается Венюковым на примерах борьбы мнений и взглядов ученых разных времен. Даже после открытия Америки (1492) и Индии

(1498), как отмечал он, в Европе еще господствовали весьма смутные представления о форме Земли. И только кругосветное плавание Магеллана–Пигафетты (1519–1522 гг.) убедительно доказало шарообразность нашей планеты. Последовательный ход развития представлений о Земле привел через ряд разнообразных исследований и измерений к точному определению состояния и свойств земного шара, к пониманию взаимоотношений между различными телами Вселенной и главным образом в системе Земля–Солнце и Земля–Луна.

М.И. Венюков доказательно подводит к идее о том, что Земля имеет форму эллипсоида вращения со всеми вытекающими отсюда последствиями. Параметры земного тела привлекали внимание многих исследователей со времени классической древности, и только в XVIII – начале XIX вв. были с достаточной точностью определены размеры Земли. С помощью градусных измерений дуг меридианов, предпринятых учеными разных стран на различных широтах (во Франции, Перу, России и др.), а затем и по параллелям, были получены более точные данные о размерах Земли. Путем сравнительных вычислений Бессель пришел, по мнению Венюкова, к наиболее точным результатам. По его расчетам, большая полуось Земли равнялась – 859,4 географических миль, малая – 856,6, сжатие Земли составляло $1/299$. Кроме этого, М.И. Венюков подробно излагает сведения о земном магнетизме и влиянии Луны на Землю, приводя наблюдения многих ученых (Сабин, Дюперре, Литке, Дж. Росс и др.).

Изучение распространения различных горных пород на земной поверхности и их плотности позволяло Венюкову сделать вывод о распределении горных пород по концентрическим сферам и отклонений от них. “Глубь земных толщ и ее ядро, – писал Венюков, – составлены из металлов и тяжелых металлических окислов, из которых иные и выступают временами наружу, образуя массы значительного объема, как, например, целую гору, Благодать на Урале, состоящую из магнита”. (1865, кн. 1, с. 73). Сделав вывод о концентрическом залегании твердых пород различной плотности, Венюков отмечает: “строгой точности в распределении концентрическими сферами разнородных веществ, вероятно, нет” (там же, с. 74). В связи с этим он пишет о геомагнитных аномалиях и связывает их с выходами на поверхность земли более плотных или менее плотных пород.

В первой книге “Физической географии” М.И. Венюков много внимания уделил доказательствам вращения Земли и обращения ее вокруг Солнца, объяснению процессов с ними связанных, ибо они, по его мнению, определяют многие закономерности на земной поверхности, в ее твердой, жидкой и газообразной оболочках. Во второй книге (1865, кн. 2) М.И. Венюков переходит к рассмотрению “геологии”, в той ее части физической географии, которая служит связующим звеном между предметом изложенным в первой книге

работы о Земле в целом и конкретным “топографическим” (географическим или физико-географическим – В.Е.) описанием земной поверхности. И начинается с характеристики суши и ее генезиса “ибо каждое теперешнее видоизменение почвы (земной поверхности) произошло из целого ряда других, которых начало принадлежит отдаленнейшей древности” (1865, кн. 2, с. 82). Автор рассматривает строение суши и явлений на ней, исходя из гипотезы Канта-Лапласа о первоначальном жидком состоянии земного шара. Излагая теории плутонистов и непунистов, Венюков считал, что при объяснении происхождения земной коры (суши) необходимо учитывать обе концепции, хотя предпочтение он отдавал плутонизму. Геологические наблюдения опровергали учение непунистов. И даже ученики А.Г. Вернера, такие как Л. Бух и А. Гумбольдт, отказались от него и перешли на позиции плутонистов, сформулированные Д. Геттеном и Д. Плейфором. М.И. Венюков приводит ряд примеров, подтверждающих расплавленное состояние ядра в центре Земли и, в частности многочисленные горячие источники, извержения вулканов, землетрясения и поднятие огромных горных масс и целых континентов. Он приводит замечательные слова своего соотечественника М.В. Ломоносова о силе, возникающей в земной коре и производящей землетрясения и перемещения твердых пород. “Есть в сердце земной неизмеримое могущество, которое по времени заставляет себя чувствовать на поверхности и которого следы всюду явственны, где дно морское на горах, и горы на дне морском видны”. Венюков считал М.В. Ломоносова защитником плутонической теории в России и противником А.Г. Вернера. Что касается причин землетрясений, то Венюков излагал четыре гипотезы: первая и вторая – химические, третья – котракционная, четвертая – водно-паровая. Он характеризует известные науке того времени медленные поднятия и опускания суши, замеченные во многих районах, в особенности на побережьях морей. Эти явления М.И. Венюков называет “вековыми поднятиями и опусканиями почвы” (там же, кн. 2, с. 64).

Переходя к изложению горизонтального расчленения суши, М.И. Венюков отмечает закономерности распределения ее в пространстве Мирового океана. Он выделяет материковое полушарие, концентрирующееся вокруг пролива Ла-Манш, и океаническое – вокруг Новой Зеландии. В связи с изучением расчлененности материков Венюков упоминает К. Риттера и называет его “глубокомысленным основателем сравнительного земледоведения”. При рассмотрении орографии М.И. Венюков выделяет острова и полуострова, а также другие формы рельефа, образовавшиеся от “могущественного” участия в нем воды. К действию ее он относил эрозию и образование в результате ее действия оврагов, долин и трещин, подмывание и перенос почвы и твердых масс на льдах.

Излагая процесс образования долин, горных ущелий, провалов, дельт, М.И. Венюков часто использовал собственные наблюдения.

По его мнению, моря и реки совокупным действием могут изменить земную поверхность суши на довольно обширном пространстве. Он принимает господствующую в то время гипотезу переноса плавающим льдом эратических валунов на большие расстояния от Скандинавии на юго-запад и на юго-восток Европы. Эти экзогенные процессы подробно и доходчиво изложены автором и могут восприниматься как некоторый экскурс не только в историю, но и как необходимый материал к современному общему землеведению. Венюков также рассмотрел теорию образования коралловых островов, происхождение которых занимало ученых еще в XVII в. Он приводит гипотезы образования кораллов Г. Фостера, О.Е. Коцебу, А.Л. Шамиссо, Ф. Бичи и др. Их объяснение расширил и научно обосновал Ч. Дарвин, связав их образование с развитием коралловых колоний на вулканических кальдерах, медленно поднятых со дна океана. Дарвин, отмечал Венюков, ответил на этот давно интересующий науку вопрос.

В заключительном разделе второй книги “Физическая география” о строении твердой оболочки Земли М.И. Венюков рассматривал процессы вертикального и горизонтального формирования земной поверхности (“коры”) и образование в результате этого различных горных пород, причем “учение о горных породах, т.е. химических и минералогических свойствах их” он считал особым отделом геологии и отмечал, что “оно не может быть предметом физической географии” (там же, кн. 2, с. 82).

М.И. Венюков считал необходимым для физико-географа изучение геологических формаций. Определяя их возраст и давая им характеристику, он уделял особое внимание изучению флоры и фауны прошлых геологических эпох. “История развития организмов и образования осадочных толщ послужила для другой геологической цели. Помощью ее явилась возможность узнать физические свойства земной поверхности в самые отдаленные времена. Известно, что растительная и животная жизнь находится в строгой зависимости от качества почвы, состава воздуха, его теплоты и степени влажности... *Эта зависимость между органической производительностью среды и ее физическими условиями, без сомнения, существовала во все времена.* А в таком случае, рассматривая, например, мощные остатки растительности каменноугольного периода, мы не можем не прийти к заключению, что тогда наружность нашей планеты далеко не походила на нынешнюю. Что собственно поражает нас в этом случае, это обилие углекислого газа, которое должно было находиться в воздухе того времени, ибо растения получают свой углерод из атмосферы в виде угольной кислоты...” (там же, кн. 2, с. 95–96; курсив мой). Ученый отмечал неравномерное распределение теплоты на земной поверхности и зависимость ее от удаленности от океана и внутреннего тепла Земли. Венюков придавал важное значение изучению эволюции состава органического мира и климатических

условий во времени и развивал в своей работе новое направление в геологии и физической географии – палеогеографию.

Рассмотрев внутриземные процессы в образовании “внутренних толщ”, М.И. Венюков описал процессы образования “наружной” поверхности земной коры. Он имел в виду конфигурацию моря и суши и различия в рельефе в геоморфологическом его понимании. Так, при сравнительной характеристике различных форм рельефа (горных образований, равнин и долин, котловин и ущелий и т.п.), он пытался выявить закономерности их образования и в частности зависимость форм от геологического строения и их возраста. При описании и характеристике рельефа земной поверхности, Венюков наряду с работами известных ученых широко использует материалы собственных наблюдений.

М.И. Венюков считал, что в рельефе гор следует различать несколько понятий: горные системы, горные плоскогорья, отдельные вершины и другие. При этом, горной системой правомерно называть лишь горы одного возраста. “Под системой гор, – писал Венюков, – следует разумеать только ряд или группу одновременного образования” (там же, кн. 2, с. 107). При этом автор “физической географии” противопоставляет свои взгляды выводам известного французского географа Эли де Бомона, считавшего параллельность горных цепей признаком одновременности их образования. Венюков отмечал, что “горные системы земной поверхности не связаны между собой ни какой геометрической зависимостью” (там же), что также противоречило взглядам А. Гумбольдта о горных системах в Центральной Азии. Венюков, глубоко изучавший произведения А. Гумбольдта, считал, что предложенная А. Гумбольдтом орографическая схема Азии будет быстро меняться благодаря последующим исследованиям. Он отмечал прогресс в определении высот важнейших гор земного шара по сравнению с опубликованной таблицей Д. Араго (1834 г.) и привел новую таблицу вершин в главных горных системах на земной поверхности, а также горных перевалов, высоты которых были определены барометрическими или тригонометрическими методами. В таблице М.И. Венюкова приводилось 75 высочайших горных вершин и 11 примечательных горных перевалов (“проходов”).

М.И. Венюков считал и подчеркивал, что *изучение гор и их строения составляет “важнейшую задачу географа”* (там же, кн. 2, с. 107, курсив мой).

Из анализа содержания книги Венюкова об описании земной поверхности и ее генезисе, можно сделать вывод, что это произведение было явлением в науке. В работе не только учитывались все достижения и новые материалы по затрагиваемому вопросу, но и высказаны новые идеи, имеющие значение и в современной физической географии. Его высказывания и идеи имели важное значение для развития отдельных ее отраслей: палеографии и геоморфологии –

географических дисциплин, ставших самостоятельными науками в настоящее время. Очень важную роль в их развитии сыграло применение новых методов исследования, которые применял Венюков, в особенности математического метода анализа, а также придание исследованиям “географичности”, то есть объяснения явлений и процессов на земной поверхности от места к месту и во времени.

По неизвестным причинам М.И. Венюков, к сожалению, не завершил работу, поэтому ему не удалось до конца сформулировать свои представления о физической географии. Однако, и из того, что было опубликовано, можно заключить, что он был не только крупным исследователем, но и незаурядным теоретиком физико-географической науки.

Идеи А. Гумбольдта, Э.Х. Ленца, М.И. Венюкова в физической географии продолжили развивать многие другие ученые, в том числе и из плеяды русских военных географов – Н.М. Пржевальский (1867, 1870) и М.В. Певцов (1881). Работы последних отчасти походили на работу М.И. Венюкова, повторяли некоторые его подходы и были основаны на традиционных методах описательной географии.

Страноведение. Военная география. В последующие годы жизни М.И. Венюкова занимали конкретные проблемы почти всего комплекса географической науки, в том числе экономической и социальной географии, географии населения, и др.¹ Главное же его внимание в конце 60-х – в 70-е годы XIX в. было сосредоточено на общегеографических и страноведческих проблемах. Тогда Венюков перенес свою научную деятельность в Военно-ученый комитет Генерального штаба в Петербурге. В это время, как нами отмечалось, он совершил путешествие в Китай и Японию, а затем несколько лет занимался разработкой военно-географических (страноведческих) описаний южных границ России. Его исследования, проведенные в этот период, были продолжением творческого пути ученого в разработке ранее намеченных замыслов. Они являлись продолжением страноведческого направления в географической науке. Географические произведения Венюкова и его идеи в этом направлении имели большое значение как в практике, так и в развитии теоретических направлений в географии.

Находясь на военной службе, и связанный с географическими исследованиями, М.И. Венюков еще в Академии Генерального штаба познакомился с методикой и программой погубернских описаний России, производимых военными географами. Да и сам он пробовал впервые свои силы на практике, описывая небольшую территорию вдоль железнодорожной линии Петербург–Москва, а позднее по имеющимся материалам составлял описание юго-западных районов

---

¹ Мною эти вопросы рассматриваются лишь в связи с общегеографическими и физико-географическими проблемами. Они требуют специального исследования.

России. Исследования на Амуре и Уссури, в Средней Азии и на Кавказе расширили его практические навыки и теоретические представления, которые пригодились ему в дальнейшем при описании отдельных районов Японии и Китая.

Можно ли сказать, что он внес в методику и структуру описания стран что-либо новое? На этот вопрос однозначного ответа дать нельзя. Известно, что в Генеральном штабе уже к середине XIX в. были созданы солидные работы по описанию губерний России по определенным программам (30-е годы, 1847 и 1858 гг.). В 1846–1848 гг. были опубликованы труды Д.А. Милютина, по которым учились многие слушатели Академии Генерального штаба. Именно офицеры Генерального штаба создали в России научную географическую, страноведческую школу¹. М.И. Венюков явился одним из талантливейших представителей этой школы.

В 1869 г. он опубликовал свою первую монографию “Очерки о Японии”, в 1870 г. работу о политическом устройстве и управлении страны, в 1871 г. монографию “Обозрение Японского архипелага в современном его состоянии” (ч. 1–3), в которой наиболее полно изложил характеристику природы, хозяйства и населения страны. В этих работах проявился яркий талант М.И. Венюкова как географа-страноведа, и была на практике реализована его теоретическая концепция.

Что представляли собой сочинения М.И. Венюкова о Японии и каковы ее особенности? Уже первое издание очерков о Японии явилось традиционным страноведческим произведением с четкой структурой и описанием всех географических компонентов страны: ее природы, населения и хозяйства. Второе – расширенное и дополненное новыми материалами, имело более специальный характер. В нем автор наряду с физико-географической и экономико-географической характеристикой страны уделил особое внимание населению страны – его жизни, традициям, поведению в быту и другим национальным особенностям. Последнее издание, расширяя рамки страноведческого описания, снабжено более подробными сведениями по статистике, государственному устройству и этнографии Японии.

В обеих книгах дана характеристика физической, экономической и политической (социальной) географии Японии. Если учитывать, что сочинения Венюкова о Японии были первыми обобщающими общегеографическими работами на русском языке, то значение их трудно переоценить. Они и в настоящее время служат неоценимым источником для исторического и географического познания страны восходящего солнца.

Обратимся к краткому изложению монографии о Японии, важных для понимания теоретических взглядов ученого и его мировоззрения в целом.

¹ Есаков В.А. Теоретические проблемы физической географии в России XIX – начале XX вв. М., 1987, с. 50–69.

С методической точки зрения важным моментом в деятельности Венюкова является исторический подход к изучаемому предмету. Ученый начинает описание страны с историографии вопроса: “Введение – о средствах к ознакомлению с Японией”. Анализируя многочисленные исторические источники и материалы, Венюков выдвигает новые задачи перед исследователями. От современного географа, по мнению Венюкова, требуется осмысление всего предшествующего знания о стране, обобщения этих знаний и получения в итоге того “что сделано целою фалангою людей, трудившихся прежде”. Венюков критически рассмотрел более ста различных работ на русском, латинском, французском, немецком, португальском, голландском и других языках, привлек материалы из музеев Берлина, Лондона. Находясь в Японии, он использовал все имеющиеся источники информации, включая газеты и журналы, а также изустные сообщения проживавших в Японии европейцев. Это дало ему возможность создать полную и правдивую характеристику страны.

Наиболее важными источниками Венюков считал письма иезуитов-миссионеров. “*Epistolae Japonicae*”, труды западноевропейских дипломатов и ученых, таких как Э. Кемпфер, Ф. Зибольд, Тунберг, Маффен, Гайю, Солье. Среди них Венюков упоминает и малоизвестную работу Варениуса “Описание Японского государства” (1649 г.), опубликованную в то время, когда еще были живы некоторые отцы-миссионеры, изгнанные из Японии. “Сочинение Варениуса, – писал Венюков, – невелико, но обстоятельно” (1869, с. 9). “Историю Японии” Э. Кемпфера он считал “классическим” трудом о Японии¹. Это произведение отличалось разносторонностью освещения географических условий страны. “По разнообразию содержания, точности, простоте и ясности изложения, – писал Венюков, – ни одно из известных доселе сочинений о Японии, даже новейших, не может стать в уровень с Кемпферовым” (там же, с. 11).

М.И. Венюков высоко оценивал заслуги русских мореплавателей и ученых в изучении Японии: Крузенштерна, Головнина, Путятина, Сгибнева.

Новый период в исследовании Японии, по Венюкову, начинается со второй половины XIX в., после того как под давлением американского демарша под руководством Перри (1854), Япония, закрытая для иностранцев, была вынуждена открыть ряд портов для ведения торговли. Тогда в Японию стали проникать европейцы и появились труды Макферлина (1852), Гаукса (1856), Алькока (1863).

В разделе сочинения М.И. Венюкова “Математическое положение и пространство” отмечалось отставание Японии в области геодезии и картографии. Положение основных островов страны многие годы наносилось на картах “многими градусами” к востоку, ост-

---

¹ Э. Кемпфер жил много лет в Японии. Его труд был издан много лет спустя, после смерти автора, в Лондоне, в 1728 г.

ров Сахалин изображался в уменьшенном виде. Известный японский путешественник Маамио-Ринзо, не зная определения географических долгот, добивался разъяснения и обучения этому у русского мореплавателя В.М. Головнина, находящегося в 1811–1813 гг. в плену у японцев. Только в течение последних 40–45 лет, писал Венюков, японцы сделали в этой области сдвиги и составили карту своей страны, во многом напоминавшую европейские. Венюков отметил высокую точность карты Японии И.Ф. Крузенштерна, первого русского мореплавателя вокруг земного шара, который не без основания при составлении своей карты отверг большую часть пунктов, определенных португальскими и голландскими мореплавателями. “И от того его карта, – есть первая, удовлетворительно представляющая общие очертания края” (1869, с. 33). Рассматривая постепенное совершенствование карт Японии, Венюков приводит общую площадь страны по последним данным Зибольда и Энгельгардта, которая по данным Мальта Бруна, проводившего свои подсчеты ранее, “составляла вдвое больше”.

М.И. Венюков одним из немногих ученых указал на превосходное географическое положение страны, как наивыгоднейшее для развития торговли. Он отметил, что таких стран на земном шаре немного, и ее условия могут конкурировать с Великобританией.

В разделе “Топографическое и геологическое строение почвы” М.И. Венюков дал орографическую, гидрологическую и геологическую характеристику японских островов. Он описал очертания побережий, особенности строения гор и считал Японию страной с хребтами гор, круто обрывающимися к морю и в долинах рек, число которых невелико. Его особый интерес привлекали землетрясения, происхождение которых в то время еще не могли объяснить. Венюков упоминает о наблюдениях японцев, которые связывали их “с погодой”, и не отвергает эту гипотезу “безусловно”. Может быть, отмечал он, когда-нибудь такая связь отыщется.

Далее ученый рассматривал “Моря, окружающие Японию, озера и реки”, а затем – “Климат и органическую природу”. Используя новейшие исследования, он не преминул отметить роль русских ученых мореплавателей в изучении окружающих морей, в особенности Японского моря. Общая характеристика моря сопровождается данными о его площади, течениях, химическом составе вод. Соленость моря была определена, отмечал Венюков, еще Горнером, участником первой русской кругосветной экспедиции Крузенштерна. Рассматривая внутренние водные объекты островов, Венюков отметил, что особенностью рек и озер являлась их незначительность по сравнению с материковыми реками и озерами, но более интенсивное их использование в хозяйственной деятельности.

Климатические условия Японии рассматривались Венюковым в сравнении с другими странами Европы и Америки. Он привел общую характеристику климата с количественными показателями

средних температур в различных пунктах японских островов. В связи с климатом дается описание растительного и животного мира. Отмечая ландшафтные особенности островов, Венюков указал на преобладание лесистых и кустарниковых пространств над лугами. Выделяя характерные растительные ассоциации, он писал, что японский архипелаг принято называть царством камелий и цеастровых, которые составляют исключительную принадлежность Японии. Он подробно описал флору и фауну страны, выделяя в них виды тех растений и животных, которые широко используются человеком. Что касается “минералогических произведений”, то, по свидетельству Венюкова, они менее известны науке, потому что геологические изыскания к тому времени на японских островах почти что не начинались.

Далее М.И. Венюков рассматривает комплекс вопросов, относящихся к экономической географии (“статистике” – по Венюкову). Начинает он с характеристики населения страны, основных народов: японцев, айнов и ликейцев. При этом он придерживался точки зрения о неизбежности взаимного влияния одной национальности на другую при их длительном существовании. Он пишет, что типы японцев, как и других народностей, претерпели в процессе своего развития большие изменения. “Можно почти безошибочно сказать, что переливы или переходы рас из одной в другую столь постепенны, что установить строгие границы между ними невозможно” (там же, с. 87). Он не исключал взаимовлияние народов Китая и Японии, Курильских островов и Японии. Им дана достаточно полная характеристика племен айнов и ликейцев. Первые занимали в то время большую часть острова Хоккайдо (Мацмая-Мацумая), откуда они переселились на остров Сахалин и Курильские острова. Ликейцы жили на небольших островах на юге Японии, протягивающихся цепочкой до острова Тайвань (Формоза). Подробную характеристику айнов, отмечал Венюков, дали русские мореплаватели Крузенштерн и Головнин, которые доставили такие о них подробности, “что и доселе немного можно прибавить к ним”. Образ жизни айнов, по мнению Венюкова, определялся японцами, покоровшими их экономически, и число их заметно поубавилось.

В отдельном разделе М.И. Венюков описал важнейшие населенные пункты Японии, намечая выделение специального направления в описании географии городов. Автора интересовало не только их географическое положение, но и история их возникновения. Он охарактеризовал главные города Японии: Токио (Иёддо), Осаку, Киото, Нагасаки, Иокогаму, отмечая особенности их географического положения, род занятий населения, дифференциацию населения по районам. Весьма показательна в этом отношении картина изображения Венюковым второй столицы Японии – Токио, которая в то время превосходила по площади Санкт-Петербург, а со всеми предместьями равнялась Лондону. Место, занятое городом, “у северо-во-

сточного берега Иеддоского залива, есть обширная равнина, несколько, впрочем, всхолмленная и рассекаемая многочисленными каналами и реками”. Наблюдая город с птичьего полета – с обособленных холмов района Сира, он продолжал: “С них открываются обширные виды на город, залив и окрестности, и тут-то путешественник получает правильное понятие об Иёддо, который представляется необозримо обширным селом, потонувшим в зелени. Деревья, растущие у домов и среди маленьких садилов, которые находятся на каждом японском дворе, образуют фон картины, а черепичные крыши и белые стены невысоких деревянных домов проглядывают на этом фоне подобно частям узора. Во многих местах над этой массой построек и зелени возвышаются башни, карнизы и крыши храмов раскрашенные яркими красками. В ином месте луч зрения совпадает с направлением улицы и тут виднеется перспектива домов, теряющихся вдаль. На юго-востоке залив с множеством судов, стоящих на якоре, и рыбацких лодок, которые снуют взад и вперед под парусами и веслами. Пять каменных фортов, построенных среди воды, выдаются прямо на юге, а за ними в тумане теряется западный берег залива, почти сплошь обстроенный домами и дачами” (1869, с. 108). Венюков делит Иёддо (Токио) на четыре городских района: Хонжу – квартал богачей, Сиро – дворцовый район тайкуна, Сото-Сиро и Мици – районы простого народа и ремесленников.

При характеристике столицы Венюков уделял большое внимание культурным и культовым заведениям, училищам, театрам, храмам, а также увеселительным учреждениям – “чайным домам”. Он красочно описывает торговую часть города с их многолюдной и многоликой толпой. Общее население Токио уже в 1862 г. составляло 1,7 миллионов человек (по Лэндо). М.И. Венюков считал, что благоприятные географические условия Токио, развитие промыслов и высокое трудолюбие японцев обещают городу “счастливое будущее”.

Промышленность Японии, включая использование земель, являлась важным предметом географо-статистического описания страны. Отмечая высокий уровень развития промыслов и некоторых отраслей промышленности, Венюков, тем не менее, считал Японию сельскохозяйственной страной, где две трети населения занималось обработкой земли. Земледелие в Японии “было и есть главным занятием жителей...”, отмечал он, указывая на исключительное трудолюбие японцев, их методы обработки земли и получения высоких урожаев. Основными культурами в сельском хозяйстве являлись рис и пшеница, ячмень и редька. Возделывались также табак и чай.

Из отраслей промышленности Венюков особо выделяет бумажное, хлопковое и шелковое производство. Он пишет, что японцы искусные мастера по лаковым изделиям, и вместе с тем они освоили литейное и чеканное дело. В целом в промышленности господствовало ремесленное производство, заводы только начинали появляться.

Весьма поучительна описанная Венюковым история смены государственной власти в Японии после “переворота 1868 года”, когда власть от наместника перешла к микадо (императору). Подробно описывая государственное устройство и управление страной, он разъясняет взаимоотношения микадо с князьями и их отношение к народу. С установлением монархо-феодального строя, Япония постепенно начала втягиваться в мировые экономические связи. Венюков отмечает при этом агрессивный характер поведения Англии и США, стремившихся подчинить экономику Японии своим интересам, которая, по мнению Венюкова, постепенно попадала в зависимость от иностранцев. Однако, несмотря на это он оптимистически представлял будущее развитие Японии. “Можно надеяться, что эксплуатация не возрастет при этом, а уменьшится понемногу, несмотря на возрастание оборотов..., и тогда внешняя торговля из пассивной станет активной, что много значит для экономических успехов страны” (там же, с. 169).

Венюков положительно оценивал действия микадо и переход к нему всей верховной власти. В своей работе он приводит полностью текст манифеста при вступлении микадо в управление государством. Политическая программа императора рассчитана на поддержку всего народа, при этом особое внимание уделялось образованию: “Знания, да будут приобретаться всем народом страны, и через то могущество империи да возрастет бесконечно... Наша политика будет подчинена контролю общества...”, говорилось в манифесте (там же, с. 143). Венюков приводит также ряд указов правительства, регламентирующих поведение граждан Японии, роль печати, финансовые и другие вопросы. Все перемены, по его мнению имеют прогрессивное значение в развитии японского общества, становления Японии как цивилизованного государства. Особо подчеркивалась роль самих японцев в прогрессе страны, их трудолюбие и честь. Им “привита высокая идея о чести. Это не то, что китаец, грек или жид, которому солгать, обмануть ничего не стоит. В правдивости своей японцы, может быть, превосходят европейские нации” (там же, с. 265).

Характеристике населения М.И. Венюков посвящает отдельный раздел в первой книге о Японии и специальные части во втором издании (1871, ч. 2–3). В них он подробно описал жизнь и деятельность японцев, их обычаи и быт, нравственные устои, религию, письменность и науку. Он четко разграничил сословные интересы в обществе, отмечая несправедливое распределение богатства: сосредоточие его в руках эксплуататорского класса и элиты. Сочувственно относясь к низшим классам, в особенности к крестьянству, Венюков отмечал их трудолюбие, доброту и пытливость ума. Несмотря на то, что европейцы насаждали в Японии чуждый им образ жизни, религиозные идеи, японцы остались японцами с присущими только им особенностями в укладе жизни.

Рассматривая взаимоотношения Японии с иностранцами М.И. Венюков подробно останавливается на истории ее взаимоотношений с португальскими и голландскими завоевателями. Далее он описывает период ее изоляции, затем возвращение в мировое сообщество в XIX в. Венюков отмечал, что иностранцы вели себя в Японии как в колониальной стране, вмешивались в политику и внутреннюю жизнь японцев. История страны претерпела большие изменения, и еще в середине XIX в. она находилась под неослабленным влиянием европейцев, применяющих старую политику “кнута и пряника”. В XIX в. в Японию проникают Россия и США. Американцы вступили явно за свое влияние, с помощью оружия, русские шли с миром. Венюков отмечал особые теплые отношения, установившиеся у Японии с Россией после посольства Е.В. Путятина в 1855 г. Тогда Россия “навсегда причислялась к наиболее благоприятствуемым в Японии нациям, ибо могла отныне пользоваться всеми преимуществами, какие только даруются другим иностранцам” (там же, с. 320).

В своей работе М.И. Венюков рассмотрел также связи Японии с азиатскими странами, в особенности с Китаем. В отношении Кореи, острова Матсмай (Хоккайдо), Сахалина и Курильских островов Япония, по мнению ученого, вела агрессивную политику.

Для полноты характеристики страны М.И. Венюков осветил в своих работах государственное устройство, экономику, финансы и торговлю. Такой труд явился первым, дающим целостную характеристику Японии. Она представляла особый интерес еще и потому, что иностранцы-политики и ученые часто излагали свои взгляды о Японии односторонне, исходя из своих личных или государственных интересов. Венюков придерживался более точного и объективного освещения этой страны, в особенности при оценке ее политики. Он отмечал, что некоторые писатели, злоупотребляя хронологией и фактами, “очевидно, хотели подтасовать факты, исказить их смысл и значение и таким образом поселить в европейском обществе мнения, выгодные для партий, но чуждые истине, а следовательно науке” (там же, с. 328). В этом отношении весьма интересно и краткое изложение “Хронологии истории Японии”, в которой Венюков знакомил впервые с прошлым Японии, “которая в грядущем, вероятно, будет связана с нашим отечеством тесными узами” (там же, с. 408).

В своих трудах о Японии М.И. Венюков выступил не только как ученый географ, но и как умудренный политик, защищавший интересы России в этой стране. Европейские государства и США применяли самые грязные методы для укрепления своего влияния в Японии и устранения влияния России. Относительно Великобритании Венюков пишет: “Она прежде всего старается поставить эту страну в тесную экономическую зависимость от себя, приучить японский народ к употреблению британских заводских произведений и доставить британским капиталам преобладающее значение на японских

рынках” (там же, с. 399). Для поддержания своего господства и давления на Японию Англия и США постоянно содержали в японских морях многочисленный морской флот. Венюков разоблачал их экспансионистские действия и противопоставлял им политику России, защищая интересы Японии и своей страны.

Последующие труды М.И. Венюкова “Очерки современного Китая” (1874), “Краткий очерк английских владений в Азии” (1875) и другие продолжают страноведческую направленность в деятельности ученого, хотя они менее удачны, и не представляют собой полного страноведческого описания рассматриваемых регионов. Это сборники статей, написанных Венюковым в результате путешествия в Китай с привлечением литературных источников. Многие из освещенных им проблем обсуждались на заседаниях Отделений Русского географического общества. Эти работы еще раз продемонстрировали неослабевающий интерес Венюкова к азиатскому региону. Кроме того, он анализировал взаимоотношения между азиатскими странами, разоблачая негативные стороны деятельности в этом регионе европейских стран и США. Восприятие и описание событий будь то в Китае, Индии или Бирме, дается с демократических позиций и подвергается критике политика эксплуататорских классов, порабощение “цивилизованными” странами стран Азии, уродливые отношения внутри азиатских стран между властями и народом.

Поведение “цивилизованных” держав того времени в Азии весьма поучительно для многих малоразвитых стран и до настоящего времени. По мнению Венюкова, могущественные силы Запада действовали на Востоке разрушительно, лицемерно и святотатственно, прикрываясь знаменем Бога, любви и “братства”. На самом деле они подчиняли все своим корыстным интересам, используя самые неблагоприятные методы. Большинство “цивилизаторов”-европейцев, по Венюкову, во всяком благоустроенном государстве “не могут иметь ни малейшего права на название цивилизаторов... значительная часть их, конечно, сидела бы по тюрьмам и *wockhause*’ам” (Очерки, 1874, с. 59). В статьях Венюков много внимания уделял восстанию тайпингов в Китае. Он считал, что оно возникло в результате постоянной незаконности действий администрации, “долгих и тяжелых притеснений народа со стороны управлявших им” (там же, с. 154). Он гневно клеймил поработителей капиталистического правопорядка как внутренних, так и внешних. За лозунгом и криками: “вон иностранных варваров” должен был следовать, по мнению Венюкова, призыв “долгой недостойное правительство”. Противников тайпингов он называл империалистами.

В работе “Очерк о современном состоянии английских владений в Азии” Венюков более полно, чем в очерках о Китае, дает физико-географическую характеристику Индии, ее населения и хозяйства. Особое внимание он уделил отношению англичан к местному населению. Венюков раскрывал всю неприглядность действий англичан

и их хладнокровную эксплуатацию народа Индии. Его страноведческое описание этой страны было подчинено благородному порыву ученого – протесту против эксплуатации и грубого колониализма, к призыву за справедливость и освобождение колониальных народов от рабства. Отмечая высокие нравственные качества индийского народа, Венюков предвидел освобождение Индии от Англии. Сущность “отношений англичан к туземцам Индии может быть определена в двух словах: это отношения надменных завоевателей-эксплуататоров высшей расы к побежденным массам людей, которых не только обижают, но и постоянно и систематически унижают, с величайшим трудом допускают в свое общество и считают существами низшими по природе... Если бы подробно, шаг за шагом следить за этими истинно враждебными отношениями 110 тысяч англичан к 240 миллионам индусов на всех поприщах, где они приходят во взаимное прикосновение, то можно бы написать обширную книгу, которой общий вывод состоял бы в том, что господство малочисленных пришельцев, при всем их превосходстве над туземцами в смысле умственного развития, военного могущества и умелости прилагать к делу коварное правило политики: *divideet impere* (разделяй и властвуй) – *это господство каждую минуту способно рухнуть от вспышки не только униженного патриотизма, но и оскорбленных чувств самого общечеловеческого характера*. Англичане довольно хорошо знают эту слабую сторону своего положения в Индии и потому стараются умалить ее значение привлечением к себе симпатий высшего, богатого класса индусов” (ж. “Знание”, кн. 3, 1875, с. 21–22; курсив мой). Бытовую сторону отношений между англичанами и аборигенами Венюков разюмировал так: “наглость и презрение с одной стороны, глубочайшая ненависть – с другой” (там же, с. 24).

По своему содержанию, структуре, остроте затрагиваемых экономических, политических и других вопросов этот очерк аналогичен очеркам о Японии. Они объективны и отвечали на вопросы научно-го и политического характера того времени.

Многолетняя работа в Военно-ученом комитете Генерального штаба по описанию русских пограничных регионов в Азии позволила Венюкову продемонстрировать свои познания в области географии. Он интенсивно и целеустремленно ведет исследования обширных пространств от острова Сахалина до Туркмении, что привело к появлению обобщающих описаний этих областей. В начале они публиковались в журнале “Военное обозрение”, а позже вышли отдельной книгой под названием “Опыт военного обозрения русских границ в Азии” (1873, 1876). В ней были представлены не только общие военные вопросы¹, касающиеся пограничных стран, но и давалась

---

¹ Специальные военные вопросы рассматривались также в отдельно издаваемых выпусках.

физико-географическая, экономико-географическая и этнографическая характеристика этих районов. И здесь М.И. Венюков продолжал развивать возникшее еще в 30-е годы важное направление в отечественной географии – страноведение, что способствовало составлению более полного и обстоятельного географического описания России.

Эта работа Венюкова имела большое значение для теории районирования – выделения общегеографических районов (“участков”) по общности физико-географических, этногеографических, политических и военных признаков. По выражению Венюкова, их выделение значительно облегчалось “самою природою русско-азиатских окраин” (1872, № 3, с. 5). На всем протяжении азиатских границ России Венюков выделял одиннадцать “участков”: 1) остров Сахалин, 2) Приморье, 3) Амурский и Уссурийский края, 4) Маньчжурию, 5) Забайкалье и Северную Монголию, 6) Алтайско-Саянский, 7) Джунгарский, 8) Тянь-Шанскую горную страну, 9) и 10) бассейны рек Амударьи и Сырдарьи (Памирский горный и низменный – до Аральского моря) и 11) Туркменские степи. Позже последний участок он подразделил на два и дал описание Харасана и южной Туркмении, Парапамиза и Гундукуша (1876). При переиздании работы ученый старался дополнить и обновить описание участков новыми материалами, полученными последующими экспедициями. В списке рекомендованной литературы он указал основные труды, по которым можно было более детально ознакомиться с частными вопросами по географии Азии. Среди авторов им названы: Г.Ф. Миллер, П.С. Паллас, С.Г. Гмелин, П.А. Словцов, А.Ф. Миддендорф, А.И. Левшин, Н.Я. Бичурин (Иокинф), К. Риттер, А. Гумбольдт. Кроме литературных источников, Венюков приводит ряд зарубежных карт (там же, с. 89).

Структура описания каждого “участка” подчинялась определенному порядку: в начале очерка давались краткие исторические сведения об изучении региона, а затем – катрографо-геодезические данные, орографическое и гидрографическое описание (“топография”), население и его хозяйственная деятельность. В заключение давались краткие выводы автора о военно-тактическом и стратегическом положении описанной территории.

Обратимся к содержанию отдельных характерных “участков” в работе Венюкова. Первым был очерк об острове Сахалин. Рассматривая историю изучения острова, автор подчеркивал, что окончательное признание Сахалина “вполне отделенным от материка островом совершилось лишь в 1849–1852 гг., то есть со времени гидрогеографических работ капитана Невельского, хотя фигура острова была уже достаточно верно известна со времени Лаперуза и особенно Крузенштерна, из которых последний определил и перевычислил на нем не менее 27 астрономических точек” (там же, с. 10). Большое значение Венюков придавал экспедиции Невельского, которая не

только открыла устье Амура и доказала возможность судоходства по этой реке крупных судов, но и провела большие исследовательские работы по изучению природы и картографированию Сахалина. “Новые топографические и отчасти гидрографические работы по Сахалину, – писал он, – принадлежат исключительно русским и отчасти японцам” (там же). На составленной японцами карте всего японского архипелага, в том числе и Сахалина (М., 10,5 верст в дюйме), вся внутренняя часть его оставалась неизученной. Интриги европейцев и война 1853–1854 гг. задержали исследования Сахалина русскими. Однако уже в 1869 г. Венюков считал, что в результате проведенных исследований можно было иметь представления о стране “весьма близкое к истине”. На эти материалы и опирался автор при характеристике острова.

М.И. Венюков дал прежде всего описание территории острова Сахалин с точки зрения ее познания в картографическом и гидро-географическом отношении (раздел “Математическая география и гидрография”). При этом он осветил ход определения астрономических пунктов и составление математической основы для создания карты. Ученый подчеркнул важность точных измерений для практических нужд: особенностей плавания в прибрежных водах и хозяйственного использования природных ресурсов и освоения территории. В следующих разделах “Топография” и “Естественная производительность” излагались физико-географические условия Сахалина: характеристика его рельефа и внутренних вод (реки и озера), растительности, животного мира и минеральных ископаемых. Венюков отмечал, что Сахалин, находясь на продолжении японской вулканической гряды, своих вулканов не имеет. Сам же остров образовался вследствие постепенного поднятия суши. Он отмечал, что горные цепи, протягивающиеся через весь остров с севера на юг, невысоки и имеют характерную особенность: полого спускаются к востоку и круто обрываются к западу. Венюков обратил внимание на природные ресурсы, и в частности, на наличие открытых залежей каменного угля. Среди других естественных богатств Сахалина “первое место занимают леса, звериные и лесные промыслы” (там же, с. 18). Он рассматривал их использование не только для поддержания существования местного населения, но и как ресурс для обмена с другими народами. “Что касается до рыбной ловли, то она, можно сказать, кормит туземных жителей острова и, кроме того, доставляет большие прибыли японцам, которые массами вывозят рыбу к себе, преимущественно в сушеном виде” (там же).

Автор отметил климатические особенности Сахалина, определяемые близостью и открытостью для холодного Охотского моря, с одной стороны, и близостью к Тихому океану, с другой. Венюков писал, что несмотря на то, что Сахалин лежит на широте северного побережья Черного моря, климат там напоминает климат Архангельской губернии. Холодная снежная зима, продолжительная прохлад-

ная весна, дожди и грозы летом. Все это, подчеркивал он, неблагоприятно сказывается на выращивании зерновых культур. “Население Сахалина, – отмечал Венюков, – всегда будет нуждаться в привозном хлебе”, однако замечал, что хорошо может развиваться огородничество и скотоводство, для чего необходимо расчистить леса под огороды и пастбища.

В разделе “Население” основное внимание уделено русским и аборигенам. В это время на Сахалине пытались укрепиться японцы, которые устраивали поселения главным образом в заливе Анива и противостояли русским, строили поселения вблизи русских постов.

Аборигены, гиляки и айны, составляли основную часть населения Сахалина. Первые занимали северную часть острова, вторые – южную. Общая численность населения на острове вместе с русскими и японцами была незначительной. По определению Венюкова, каждая из групп основных национальностей, представленной на территории острова, составляла до 3 тыс. человек, что давало плотность по 12 человек на одну квадратную милю. Но эти цифры он считал завышенными, лишь “только грубо приближительными”.

Гиляки и айны жили самостоятельно, но были в большой зависимости от японцев, которые воспользовавшись “безвременьем” и конвенцией 1867 г., могли требовать от айнов обязательной работы за долги и иногда даже обращать их в рабов. В сложных ситуациях, отмечал Венюков, аборигены обращались к русским за помощью. Русские люди, поселившиеся на Сахалине, состояли главным образом из военных, ссыльных, работающих на каменноугольных коях, и небольшого числа крестьян и торговцев. Венюков приводил названия пунктов, в которых жили русские, среди них посты Дуи, Сертунай, Корсакова, Муравьева и др. В этой работе Венюков выступил с резкой критикой русского правительства, насаждавшего, по его мнению, рабство на вновь осваиваемой территории. Он выступил за сокращение сроков наказания ссыльных и поселения их в пределах Сахалина как свободных граждан России. Ученый резко возражал против господствовавшей практики отдавать ссыльных “в работу частным лицам”. “Это значило бы унижать и делать ненавистным само правосудие, во имя которого государство карает преступника, значило бы судей и правителей обратить в торговцев людьми, в распространителей рабства” (там же, с. 22).

Кроме того, он выступал за закрепление Сахалина в составе России, а также за рациональное и целенаправленное освоение его природных богатств. Учитывая географическое положение Сахалина, его отдаленность от центра и сложность общения с ним, Венюков настаивал на свободном заселении территории и свободных действиях населения в хозяйствовании. Большие надежды он возлагал на развитие промышленной добычи каменного угля как для внутреннего потребления, так и для торговли, использование и других

природных богатств. Венюков ориентировал российское правительство и русский народ на свободную созидательную деятельность.

Большой интерес представляет собой очерк о Приморском крае. Он явился первым обобщением данных о его природе, населении и хозяйстве. Венюков дал не только первое научное описание компонентов природы и ресурсов этого района, но и одним из первых русских ученых определил значение Приморья для России, для усиления ее влияния на страны Востока и Америки. Этот край, должен сыграть “великую историческую будущность” для России, как ни один другой для нашей страны. “Здесь русская земля, – писал он, – владеет той открытой дверью в океан, которой не достает ей в Европе..., какой бы участок русских государственных рубежей в Азии или даже в Европе мы ни взяли, будь то берега Финского залива или Черного моря, Закавказья или бассейна Сыра (Сыр-Дарьи. – В.Е.) – ни один из них *не представляет столь разнородных и, большей частью, благоприятных условий для широкого политического влияния и блистательной политической будущности, как край Приморский*” (ВС, 1872, № 3, с. 215–216. Курсив мой. – В.Е.). При этом, замечал он, остались места, в которых русские еще не были совсем.

Давая характеристику Приморью, Венюков отмечал его малую изученность в целом. На всем побережье Приморья от устья Амура до залива Посъет было в то время всего лишь шесть постоянных русских поселений, три из которых – военные посты. При описании Приморского края он следовал той же методике и структуре, что и при описании других территорий. Несмотря на то, что в крае до него уже работали русские ученые, он оставался еще малоизученным и главное – неравномерно в отдельных его частях. Больше сведений имелось о северных и южных районах, отличающихся более благоприятными условиями для заселения.

Несмотря на слабую изученность Приморья к 70-м годам XIX в. Венюкову удалось обобщить имеющиеся материалы и дать наиболее полную для этого времени характеристику края. Основную информацию Венюков почерпнул в трудах русских ученых, проводивших экспедиции в этом районе в последние 15–20 лет. Среди них выделялись работы Пржевальского, Шренка, Будищева, Романова, Клыкова, Людоговского, Лопатина и других исследователей. Среди новейших карт Венюков отметил карты Шварца и Генерального штаба Восточной Сибири; из морских карт – изданные Адмиралтейством по описям Бабкина и Клыкова.

Характеризуя рельеф Приморья Венюков остановился на его особенности, касаясь лишь узкой прибрежной полосы у моря и хребта Сихоте-Алинь. Хотя к тому времени не были определены точные высоты над уровнем моря, он указал приблизительную высоту гор и их особенности на севере и юге, а также характер склонов на западе и востоке. “Берег Японского моря от устья Тумень-Улы до устья Амура, по большей части, высок, крут, иногда даже скалист и обры-

вист. Непосредственно от моря страна возвышается внутрь, и на расстоянии 50–100 верст от него, обыкновенно достигает полутора или двух тысяч футов, причем встречаются горные массивы и большей высоты, как, например, Крестовый голец (Джай) на юге от Мариинска, имеющий, вероятно, до 4 000 футов, ибо виден верст за сто” (там же, с. 218). Венюков характеризовал важнейшие перевалы Сихоте-Алиня, их доступность и степень изученности. Он указал на 16 переходов, некоторые из которых позже были использованы для перемещения переселенцев из бассейна рек Амура и Уссури к Татарскому проливу. Подробное описание получила в очерке р. Амур, прорывающая Сихоте-Алинь на севере и проходящая главным руслом на юге, по которому возможно судоходство.

М.И. Венюков дал подробное описание всех бухт и заливов Приморья, сулящих при разумном использовании и строительстве портов выгодные позиции России в создании морского флота и для развития морской торговли с другими странами. Наиболее удобными он считал залив Де-Кастри, Императорскую гавань, комплекс заливов Петра Великого, Находку. Определяя важное стратегическое значение Приморского побережья, Венюков писал: “С удалением от берегов Японское море быстро делается весьма глубоким и не представляет ни подводных скал, ни отмелей на всем протяжении от пролива Мамо-Ринзо до берегов Кореи и даже Японии. Столь счастливые условия для развития мореплавания, конечно, не повторяются более нигде у берегов России, и если бы не туманы, нередко носящиеся вдоль всего Приморского края, то можно бы было сказать, что эти все местности с толь же много обещают в будущем для морского движения, как лучшие приморские страны Европы, Южной Азии и Америки. Нужно, впрочем, заметить, что физические условия и моря, и самих берегов, особенно метеорология их, а также и гидрография не довольны еще изучены, и хорошая лоция ожидается еще в будущем” (там же, с. 225–226). Автор отмечал значение приливов и отливов, происходящих на побережье, для маневров судов при входе и выходе из заливов, указывая и на особый паводковый режим рек Приморья дважды в год – в апреле–мае от талых вод и дождей – в середине июля.

Характеризуя климат Приморья, Венюков, несмотря на незначительные для территории данные, проводит сравнительную характеристику температур и считает его континентальным, зависящим от соседства с холодным Охотским морем. Если бы не влияние теплого моря, климат мог бы быть гораздо суровее. В связи с климатом он рассматривает и распространение растительности с севера, с низовьев Амура, до южных границ залива Посьет. Им отмечено закономерное убывание хвойных деревьев к югу, и почти совсем их полное исчезновение у границ с Кореей. Леса – главное богатство края, и они “имеют особое значение для судостроения, могущего развиваться в этой стране” (там же, с. 229). Большое внимание уделено жень-

шению, который распространен в бассейне верхнего течения Уссури, “и особенно в отрогах Сихоте-Алиня, обращенных внутрь страны” (с. 230). Венюков указал, что небольшие плантации жень-шеня культивировали китайцы. Из других природных ресурсов он отмечает обилие в прибрежных водах морской капусты и трепангов, которые составляли основную статью доходов. Пушной промысел уже был достаточно развит в то время: меха вывозили из Приморья, из Николаева и Де-Кастри в соседние азиатские страны и центр России. Изобилие рыбы, птицы и млекопитающих животных давало пищу и одежду для населения. “Рыбы чрезвычайно многочисленны как в реках собственно береговой полосы Японского моря, так и в притоках верхней Уссури. Низовья Амура особенно изобильны большими хрящескелетными рыбами: осетрами, калугою, стерлядями, а также сибирской семгой – кетой, которая идет иногда сплошными массами, мешающими грести веслами” (там же, с. 231).

Из полезных ископаемых, “мало исследованных” в Приморском крае были известны, как отмечал Венюков, каменный уголь, серебряно-свинцовые руды и золото.

Ученый вновь и вновь обращает внимание на благоприятные условия жизни в этой части России для привлечения в Приморье новых переселенцев. Он отмечает, что за исключением немногочисленных болот и скалистых побережных участков, “здесь нет земель неудобных для культуры или, по крайней мере, для оседлой жизни. Самые заханкайские, так называемые степи представляют пышный цветник трав, среди которого густая зелень деревьев виднеется непрестанно. Даже на крайнем севере страны природа дает еще обильные средства к жизни в виде продуктов рыбной и звериной ловли и лесоводства”. Развитие производительных сил страны, по Венюкову, облегчается морским путем, обилием хороших гаваней, “какого нельзя найти в целой России” (там же).

В разделе “Способы сообщения” он подробно перечислил все имеющиеся в то время дороги, проходящие через хребет Сихоте-Алинь, а также расположенные во внутренних частях Приморья.

В разделе “Население” перечислены все имеющиеся в то время населенные пункты, описан национальный состав Приморья, а также приведены сведения о численности отдельных военных постов. “Русские – суть самые недавние пришельцы, основавшиеся на устьях Амура едва в 1851 году, а в южно-уссурийском крае лишь в 1860 году”. Наиболее заселенной частью Приморья становятся долины Амура и Уссури, где описано Венюковым 30 русских поселений от самых крупных как Николаевск с населением в 5100 человек и до самой маленькой деревни Александровки всего лишь с 16 жителями. Всего же русского населения в Приморском крае жило в то время, около 11 тыс. Благополучие и устойчивость колонизации края, по мнению Венюкова, зависят от умения и здравого смысла и особенно от административной распорядительности. Китайцы и корейцы – в

основном временные пришельцы. Их насчитывалось до 6500 человек. Венюков отдает предпочтение корейцам, которые ведут оседлый образ жизни и занимаются земледелием. Они трудолюбивы и “легко покоряются нашим законам, отличаются скромным поведением, без труда переходят в православие...” (там же, с. 237). Китайцы же, отмечает он, более агрессивны, они тоже земледельцы, выращивают зерновые, занимаются промыслом жень-шеня, морской капусты и трепангов.

По данным Венюкова, к основным жителям, населяющим этот район относятся только гольды, орочи и гиляки. Одни из них ведут оседлый образ жизни, занимаются охотой и рыбной ловлей, другие кочуют. Венюков описал их образ жизни и быт. Особый интерес, по его мнению, представляют гиляки, составлявшие особую ветвь “желтого племени”. Они крепки, выносливы и смелы, их способности и мастерство в действиях на воде могут служить примером для других туземных племен и они “могли бы быть превосходными матросами”. Гиляки лучше других сблизилась с русскими, быстро овладевают русским языком и перенимают нередко некоторые навыки работы и жизни у русских. Венюков отмечал также, что гиляки в XVII в. при появлении русских на Амуре не раз вступали в борьбу и упорно отстаивали свою независимость. “Вообще, это племя много обещающее, хотя далеко не так мягкое и приветливое, как тунгузские народцы” (там же, с. 239).

В заключение Венюков оценивает Приморский край с точки зрения его стратегического положения для укрепления могущества России на Тихом океане. Для этого он считал в первую очередь необходимо было заселить наиболее важные географические местности русскими поселенцами, в особенности южную часть Приморья, где в 1860 г. и возник Владивосток. Уже тогда Венюков ставил перед русским обществом важные задачи по преобразованию края. “Но если экономическое значение края есть дело будущего, то в политическом и военном он уже теперь имеет первостепенную для нас важность” (там же). Приморье, считал ученый, должно играть важную роль для Российского государства как плацдарм для укрепления государства на Дальнем Востоке, строительства морского флота, расширения торговли и дружеских связей с зарубежными странами Тихоокеанского региона. Вся последующая история Приморья и России в целом подтверждает прозорливость идей М.И. Венюкова. Эти задачи остаются и по сей день актуальными для нашей страны. Вызывает протест современный беспредел и анархия, которые происходят здесь, когда рушатся все устои стабильности и могущества Дальнего Востока. Такая политика местных правителей ведет к тому, что Приморский край может оказаться под чуждым России влиянием. Россияне не должны допустить этого и встать на защиту такой политики, которая бы отвечала чаяниям русского народа и могуществу на-

шего Отечества. Правительство и сегодня должно пристально следить за дальнейшим развитием этого благодатного края.

Работы М.И. Венюкова, опубликованные в 1872–73 гг. в “Военном сборнике”: “Маньчжурия” (1872, № 7), “Забайкалье и северная Монголия” (1872, № 8) и другие, касающиеся “участков” южной границы России, построены по тому же принципу, что и очерки о Сахалине и Приморье. Примечательно, что физико-географические и экономико-географические характеристики всех “участков” даны Венюковым предельно точно, несмотря на недостаточную изученность их климатических особенностей, рельефа, гидрографии и других географических характеристик, т.е. представляли собой полное страноведческое описание. При этом автор выступал в них как профессиональный географ, знающий особенности природных компонентов земной поверхности, их совокупные связи и взаимообусловленность. Характеристики пустынь и горных хребтов, водных объектов Средней Азии, приводимые Венюковым, поразительны. Они и в настоящее время читаются с интересом, поражая своей глубиной и художественным мастерством.

Горные районы Тянь-Шаня, Памира и других южных районов несмотря на их недоступность и малую изученность привлекли особое внимание Венюкова. Он описал их с особой тщательностью, поскольку в его распоряжении были самые последние сведения, полученные русскими и английскими научными экспедициями.

Более подробно он описал отдельные цепи горных систем, долины и характерные для этих мест плоскогорья – сырты. Особое внимание ученого привлекают горные долины котловины, представляющие собой наиболее удобные места для заселения и хозяйственной деятельности. И первую, указывал он, “самою важною из всех таких долин нужно считать Иссык-Кульскую” (1873, № 2, с. 207). Интересны сведения о Ферганской и Зеравшанской долинах и их обрамлении, особенностях климата, распространения растительности и животных.

Характеризуя горные страны, Венюков всегда подробно описывает перевалы, по которым осуществлялись торговые связи с Китаем, Индией и Афганистаном.

Описывая Туранское плато и Памир, он использует работы Г.Н. Потанина, Н.А. Северцова, А.П. Федченко и некоторых зарубежных исследователей. Привлечение новых данных дало ему возможность представить эти регионы в более реальном виде, уточняя прежние представления, изложенные в трудах К. Риттера, А. Гумбольдта и других ученых.

Очерки участков Аральско-Хивинского (1872, № 12, с. 199–252) и Туркменского (1872, № 11, с. 5–50) охватывают обширную территорию Средней Азии от северных границ казахстанских степей у Аральского моря до южных районов Туркмении. Что касается Арало-Хивинского “участка”, то Венюков считал его единым лишь в по-

литическом и экономическом смысле, обусловленным тесной связью с Хивинским ханством. В физико-географическом отношении он подразделял его на ряд районов: 1) степи на севере от Усть-Урта и Аральского моря и по Сырдарье, 2) Усть-Урт, 3) Хивинский оазис и 4) Аральское море. Венюков тщательно отбирал и анализировал все имеющиеся источники, создавая яркую картину степей и пустынь, горных районов, долин рек с Аралом. Особенно подробно он излагал сведения о почвах, растительности, реках и озерах, отмечая особенности каждого района. Интересно, что сравнивая более ранние карты с более поздними ученый приходит к выводу об усыхании некоторых рек, озер и Аральского моря. Характеризуя пески Большие и Малые Барсуки, Венюков писал: “Пространство между ними представляет частью голую солонцеватую степь, частью тонкие солонцы и, наконец, соляные грязи и озера. Часть этого пространства, прилежающему к заливу Тше-бас, вероятно, еще в прошлом столетии была под водою, как можно думать по сравнению карт Аральского моря нынешней и геодезиста Гладышева, а также и по своему виду обсохшей почвы” (1872, № 12, с. 202).

Исследователь подробно охарактеризовал режим рек в степи и пустынях, зависимость его от климатических условий и использования вод для орошения. Описывая район Усть-Урта особое внимание уделил его рельефу, а также системе водоснабжения района. Хивинский оазис “служит экономическим и политическим центром для всех кочевников, рассеянных по соседним степям” (там же, с. 207). Венюков выделил в специальный раздел описание Аральского моря, к тому времени достаточно хорошо известного благодаря исследованиям русских ученых. Он дает ему географическую характеристику и, опираясь на наблюдаемые явления, пишет, что оно “постепенно мелеет, т.е. высыхает от перевеса испарения над притоком воды из рек и атмосферы” (там же, с. 213), отмечая при этом, что преобладание испарения сохранило еще воду менее соленую, чем в океане, “так что животные, например, верблюды и лошади ее пьют”. Аральское море, по мнению Венюкова, не явилось связующим центром и было неблагоприятно для судоходства, так как на побережье не было хороших гаваней и большие пространства занимали отмели. Естественная производительность Арала и его окрестностей благодаря сухости климата “почти совершенно ничтожна”. Исключение составляют оазисы на р. Амударье и ее дельты, где производятся главным образом культурные древовидные (абрикосовые, персиковые и др.) и бахчевые (арбузы, дыни и т.п.) растения. Характеризуя Хивинский оазис, Венюков писал: “Можно сказать, что это есть среднеазиатский Египет, подобно ему обязанный плодородием разливом большой реки и труду человека” (там же, с. 216). В целом этот район отличался бедностью во всем, что нужно для жизни.

М.И. Венюков придавал важное значение путям сообщения и описал все имеющиеся в то время караванные и тележные дороги,

так как они являлись путями для торговых связей между Россией и Хивинским ханством. Так как Хива была еще самостоятельным ханством, он определил стратегические пути для ее завоевания. Венюков являлся сторонником постепенного, мирного присоединения этих районов к России, так как этот путь освободит местные народы от вражды между собой и крайних взаимоотношений вплоть до продажи на рынках людей.

Описание одиннадцатого “участка” южных границ России в Азии – “Туркменского” представляет собой также отдельный страноведческий очерк. Особенностью этого района являлось то, что он интенсивно исследовался в то время русскими военными экспедициями, потому что “география его так мало известна, что есть целые сотни верст, на которые не ступала нога европейца” (1872, № 5, с. 6). Время написания очерка совпало с проведением экспедиционных исследований на побережье Каспия в районе Красноводска под руководством Н.Г. Столетова, отчеты которой были использованы Венюковым. Он подробно характеризовал рельеф, гидрографию и другие природные компоненты Туркменистана, опираясь на более ранние работы Муравьева, Бернса, Бламберга, Карелина и других исследователей, а также на современные его времени источники. Использовал Венюков также рукописные отчеты экспедиционных исследований под руководством Кутайсова, Столетова, Маркизова. В качестве важнейшей особенности области им было отмечено почти полное отсутствие высоких гор, крупных рек и пресноводных озер. “Это пустыня в самом печальном смысле этого слова, окаймленная с юга горами”. В геоморфологическом отношении, он считал ее “горизонтальной равниной”, на которой лежат участки даже ниже уровня океана. Автор подробно описал побережье Каспия со всеми заливами, рельефом берегов и примыкающих к ним островов. Рассматривая гидрологический режим рек Венюков отметил их исчезновение в пустынных местностях.

Интересны сведения ученого о старом русле Амударьи, протекавшей в прежние время по территории Туркмении и впадавшей в Каспийское море. “Все предания средне-азиатцев подтверждают свидетельства древних писателей, что Аму-Дарья, под именем Окса, впадала в Каспийское море. У хивинцев, туркменов и киргизов. кроме того, есть определенное показание, что отвод ее в Аральское море сделан первоначально в XIII веке, а потом запруда поддерживалась постоянно” (там же, с. 17).

М.И. Венюков особо отмечал сухость континентального климата Туркмении, который “едва ли где на земном шаре проявляется с большей резкостью, чем здесь” (там же, с. 22). Климат во многом определял и распределение естественных производительных сил края, и характер занятости населения. Ученый отмечал, что растительность и животный мир в этом районе беднее, чем в других рассмотренных им районах. Население занималось частично земледе-

лием и скотоводством, рыболовством в Каспии. Отличительной особенностью края является наличие на его территории запасов нефти и каменного угля. Кроме того им отмечены пути связей края с Россией и торговые отношения между ними.

М.И. Венюков выделял в особый раздел военно-географического описания южных границ России в Средней Азии анализ экономико-географических условий и явлений. Сюда он отнес не только хозяйственные особенности каждого “участка” – промышленность и сельское хозяйство, но и характеристику национальных групп, населявших эти районы. При этом он использовал метод исторического рассмотрения формирования населения, его миграции и других особенностей. Ученый дает наиболее полное для того времени описание казахов, узбеков, киргизов, туркмен, хивинцев, таджиков и других народностей с их обычаями и бытом, их религией, взаимоотношениями между собой и пришедших на территорию Средней Азии подданных России – русских, татар, башкир. Венюков дает характеристику населенных пунктов и городов, указывает их численность и характер хозяйствования.

Так на Джунгарском участке среди главных племен, населявших его, он выделял казахов (“киргизов”) и колмыков. “На этом коренном этнографическом фоне страны, – писал Венюков, – в течение последних 120 лет наслόилось довольно разнообразное пришлое население, которое пустило столь глубокие корни, что сделалось господствующим, если не по числу, то по могуществу и богатству. Главными пришельцами были с нашей стороны русские и татары, с Китайской – китайцы, дунгане, таранчи...” (1872, № 10, с. 790).

Венюков указывал, где конкретно проживала та или иная национальная группа или племя, а также сообщал их численность. Так по его данным, из общей численности населения области в 1. 020. 700 человек, казахов было 580 тыс., колмыков – 320 тыс.

Русские в то время составляли около 35 тыс. человек, и были сосредоточены главным образом в трех районах: в верховьях Иртыша и его притоков, у северной подошвы Джунгарского Алатау и на юге – у подошвы Заилийского Алатау. По своим природным условиям Джунгарское пограничное пространство “есть страна не способная давать значительных доходов” (там же, с. 200). На Тянь-Шанском участке Венюков выделял “каракиргизов” (киргизов) – “главное население гор”, а также “мало-бухарцев” (узбеков), калмыков и др. Что касается русских, то они были сосредоточены в трех местах: на Иссык-Куле, у подножия Александровского хребта (Киргизское Алатау) и по долине р. Нарын, занимая восемь населенных пунктов, численностью 3,5 тыс. человек. Общее же число жителей Тянь-Шанского участка, по данным Венюкова, составляло более 1,5 млн человек. В Аральско-Хивинском участке основное население составляли казахи, караколпаки, туркмены. Они имели общие национальные корни и вели в основном кочевой образ. Оседлые жители –

русские (до 12 тыс. человек) занимали северные земли и размещались в одиннадцати поселках. Наиболее крупными из них были Петровск и Казалинск, которые являлись также важными торговыми центрами, через которые проходили важные торговые пути из России в Ташкент, Самарканд, Бухару и другие города. О хивинцах как о народности, Венюков отзывается весьма нелестно, считая их варварским народом. “Одна торговля людьми, захват в плен чужеземцев и жестокое обращение с ними, уже свидетельствуют о варварском состоянии народа. Вот почему все соседи не любят Хивы, но в свое время Бухара и даже каракалпаки и туркмены имели вооруженные столкновения с хивинцами” (1872, № 12, с. 231). Кроме характеристики населения Хивинского ханства, Венюков подробно описал его города, поселки и крепости. Он отметил, что Хива, кроме кремля, как и все среднеазиатские города, построена чрезвычайно неправильно и состоит из глиняных домов с плоскими крышами, разбросанных среди садов, вдоль узких кривых улиц. “В ней (Хиве. – В.Е.) есть большой базар с караван-сараям для торговли товарами и малый – для продажи людей; 17 мечетей, 22 медресе и 260 лавок дают понятие о составе городского населения и его занятиях” (там же, с. 237). Он отмечал также стремление некоторых казахов на Усть-Урте и севернее Арала “к степному хищничеству, т.е. к баранте и грабежам, и даже недавно [они] находились в открытом восстании, простиравшегося до дерзкого нападения на наши селения и форты” (там же, с. 238). Население Туркмении, по Венюкову, более или менее однородно. Туркмены – главный народ Закаспийского края. Их численность по разным статистическим данным сильно различалась, но средняя их величина, по Венюкову, равнялась 308.570 человек. Связующей нитью туркменских аулов и родов, не имевших государственности, служили предания об общем происхождении, общий язык, религия и обычаи. Русские приобрели связь с туркменами со времен Петра I, который начал вести торговлю с народами Средней Азии по Каспию из Астрахани и Баку. В 1870 г. русские “стали прочною ногою в четырех местностях Туркмении: на Мангышлаке, в Красноводске, в Чихишляре и на острове Ангуграде, Астробадском заливе” (1872, № 11, с. 44).

В конце каждого очерка Венюков приводит “Военный обзор” каждой приграничной области, которой он дал оценку территории с точки зрения военного стратега. Кроме этого, в этом разделе даны сведения о вооруженных силах пограничных с Россией стран.

Публикуя очерки, М.И. Венюков хорошо понимал, что их содержание недостаточно полно и объективно, и интенсивно проводящиеся в то время исследования Азии могут существенно дополнить и даже существенно изменить картографические, физико- и экономико-географические представления о том или другом районе. Он непрерывно продолжал работать над дополнением своих описаний новыми материалами и данными. В середине 70-х годов его очерки бы-

ли переизданы в виде единой монографии под названием “Опыт военного обозрения русских границ в Азии” (СПб., вып. 1–2, 1873 и 1876). Труд, название которого обусловлено военным ведомством, осуществившим переиздание работы Венюкова, по существу являлся классическим географическим произведением.

Обновленный и дополненный вариант труда ученого о южных границах России в Азии включал в себя все новые экспедиционные материалы, полученные в последние годы (1873–1875 гг.). Монография была иллюстрирована новыми оригинальными картами. Среди использованных Венюковым материалов необходимо отметить работы Мицуля и материалы Комиссии по устройству мест заключения на Сахалине; съемки Большева (1874), произведения священника Пьянкова и Васильева по Приморью; материалы экспедиции 1873–1875 гг., проводившей разносторонние исследования Туркмении и Хивинского ханства. В его монографии нашли отражение сочинения Матусовского, Каульбарса, Загряжского, Северцова, Федченко, Соболева, Маева, Столетова.

Кроме опубликованной литературы, М.И. Венюков использовал рукописные материалы, поступавшие в Генеральный штаб и находящиеся в архивах научных учреждений Санкт-Петербурга. Для придания труду целостности, во второй части монографии он ввел дополнительный раздел о вопросах “Общего интереса”, в котором были освещены проблемы о “поступательном расширении русских пределов” в Азии, а также описание двух новых участков границ России в Азии: 1) Хоросана и южных частей Туркмении и 2) Гиндукуша и Парапамиза. Кроме описательного материала, в издание “Опыт военного обозрения русских границ в Азии” вошли последние картографические работы того времени, что придавало монографии дополнительную научную ценность.

Дополнили содержание этого труда “Карта государственной границы России с Китаем и пути от нее внутрь Китайской империи”, “Этнографическая карта Азиатской России”, а также карты описываемых Венюковым “участков” южной границы России в Азии.

Теоретические концепции и взгляды М.И. Венюкова на географическую науку, непосредственно опирающиеся на работы его предшественников, а также результаты собственных исследований занимают важное место в истории отечественной географии.

Глава 9

Мировоззрение М.И. Венюкова и его взгляды на науку

Находясь в Париже, М.И. Венюков продолжал работать над своим жизнеописанием. В 1884–1888 гг. он закончил работу под названием “Приложение к моим воспоминаниям”, остававшуюся до недавнего времени неизвестной, но имеющую важное значение для понимания мировоззрения ученого и его взглядов на науку.

В этой рукописи, хранящейся в Рукописном отделе Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинский дом) в Санкт-Петербурге¹, Венюков кратко вспоминал о своей жизни, высказывался о важных событиях того времени, анализировал формирование своего мировоззрения. Выражая критическое отношение к существующим взаимоотношениям в обществе и к религии, он рассматривал возможные пути развития науки и общества. От него не ускользали дипломатические демарши европейских держав и России, проведение реформ в Польше, студенческие волнения. Он с возмущением писал о запрещении и изъятия из библиотек в России сочинений выдающихся русских и зарубежных писателей и ученых. Главной же задачей Венюков считал: раскрыть “внутренний мир” своих взглядов о всем сущем в Природе и Обществе. “Попробую взяться за свой *“внутренний мир”* (курсив Венюкова. – В.Е.)..., чтобы ответить самому себе: к чему, к каким положительным выводам привели меня 56 лет существования?” (л. 20 об.).

Далее он переходит к изложению своих взглядов по широкому кругу вопросов, начиная от Вселенной и кончая поваренным искусством.

“Вселенная, – писал Венюков, – беспредельна”. Она “сплошь занята материей или веществом, то разреженным и легким как эфир, то сгущенным как тела твердые”. Ссылаясь на достижения естествознания, он утверждал, что материя “неистребима и потому вечна”. Он позитивно оценивал критику учения И. Канта, отметив ее слабые

¹ Рукописный отдел Института русской литературы РАН (Пушкинский дом), СПб., Р. 1, оп. 4, ед. хр. 429, 47 лл. Ссылки в тексте даются по этой рукописи. Позже копия рукописи “Приложения...” была обнаружена в Рукописном отделе Российской государственной библиотеки (быв. им. В.И. Ленина), фонд 363, карт. 4, ед. хр. 23, а впервые найденная мной в 1954 г.

Приложения

к 8

МОИМЪ ВОСПОМИНАНИЯМЪ

Личныя годы жизни.

Гайронъ былъ правъ, говоря, что пораздоному человеку не слѣдуетъ жить болѣе тридцати пяти лѣтъ. Антропология подтверждаетъ это мнѣніе, ибо въ 35 лѣтъ мозгъ немалюко перестаетъ расти, но начинаетъ атрофироваться. Кто въ 35 лѣтъ не достигъ цѣлей жизни или, по крайней мѣрѣ, не сталъ пронон на путяхъ къ нимъ, тотъ сильно можетъ считать себя лишнимъ человекомъ на свѣтѣ. Онъ ничего путнаго, т.е. достойнаго памяти, не совершилъ, и будетъ идти въ рядыхъ геновъ-жестовъ; ибо мочовая покаянія: свѣдѣя и смѣивая; окупателъ обидѣтисъ и вѣдъ него. Искренній рѣдкий. Поэтому уже въ 1867 году, т.е. въ оставленіи Польши, я долженъ былъ быть признатъ себя лишнимъ; но извѣстіи Авіи, въ надеждѣю яю да-милъбъ самостоятелно работатъ въ ней или для ней, убѣдилъ меня, и я еще десять лѣтъ сорѣмля въ этомъ направленіи, кождоу мнѣ овалъ соучаственномъ. Цѣль оказалась недостижимомъ, и уже въ 1877 году я отказался отъ ней, котѣ и сартѣ, сердѣ и даме не безъ кѣтѣтѣтѣ надеждѣ. Теперь такія надежды были бы смѣшны; и поэтому, кончивъ свои „Воспоминанія“, я не могу считать оставшагося мнѣ существованія иначе, какъ лишнимъ. Впрочемъ, мне еще разъ необходимо дѣлающую пѣсѣидъ попытку востановитисъ свои мѣи, пѣсѣидѣ, событія, которые привлекли мое вниманіе, и выдѣляли на чѣтѣвѣиру работу (за недостаткомъ практическою?).

Фрагмент из рукописи М.И. Венюкова “Приложения к моим воспоминаниям”

стороны и живучесть криликальных взглядов на происхождение природы, о том, что “природа создана богом из ничего”. Последняя гипотеза, по мнѣнію Венюкова, разделяемая огромным большинством людей, “сильно привита их мозгам воспитанием, пресловутую схоластическою теоріею причинности и многовековою наследственностью”. “Ею были заражены даже такие умные люди как Кювье, Па-

стер и др. Однако ее несостоятельность доказывает история”. Китайцы едва ли не одни издавна отделались от идеи о божестве – творце, хотя и сохранили множество мистических предрассудков” (л. 20).

Материальный мир, по Венюкову, находится в вечном движении, которое является естественным следствием “притяжения и химического сродства частиц его”. В разнообразии бесчисленных движений он отмечал наиболее “замечательные” формы их – это вращательное и дражательное (волнообразное). Первое наблюдается в спиральных туманностях, в сфероидах, во всех планетных системах, второе – в свете и звуке и “вероятно, составляет сущность явлений электрических, магнитных, быть может, даже некоторых физиологических...” (л. 21).

М.И. Венюков считал сумму всех частных движений, совершающихся в природе, величиной постоянной, исходящей из “так называемого закона *сохранения энергии*” (курсив Венюкова. – В.Е.; л. 21 об.). На нем основана, считает он, вся механика. “Звук, теплота и свет, – суть явления механически сходные и соответствуют волнообразным движениям воздуха, эфира и вообще вещества, в котором они обнаруживаются” (л. 23). Он называет великим открытием способ определения длины световых волн, который, к сожалению, в то время не применим (“не приложен”) к изучению волн звуковых и теплородных.

Ученый считал, что несмотря на кажущееся различие между движениями световыми, теплородными и магнитными, они по теории единства физических сил, изложенной в работах Грове и Секки, могут переходить одно в другое. Он отмечал, что исследования ученых уже не возбуждают споров по поводу того, “что теплота, свет, электричество и магнетизм – в сущности одно и то же: частичные (частные – В.Е.) движения разных форм, способные переходить из одной в другую (л. 23 об.).

Рассматривая сознание как философскую форму бытия, Венюков полагал, что оно представляет собой область физико-химических процессов. Проявления сознания, по Венюкову, являются “актами движения материи. Ничем другим они, конечно, и не могут быть” (там же). По его мнению, становление сознания происходило постоянно в процессе изменения организмов во времени. В своих выводах он опирался на работы, которые поставили “человека на надлежащее место в природе, а не вне ее, в одной шеренге с обезьянами и инфузориями, а не напротив их в виде командира, хотя благодаря развитию центральных органов нервной системы человек и может повелевать земною природою, разумеется, изучив законы, ею управляющие. Важнейший из них, постепенность всякого развития, без катастроф и скачков: т.е. *дарвинова теория эволюции и трансформизма* (курсив Венюкова. – В.Е.)” (л. 24).

Ученый выступал как убежденный материалист-эволюционист, противник различных любых квазипредставлений и религиозных

учений. Он понимает органическую жизнь как “совокупность физиологических, т.е. физико-химических процессов, составляющих необходимое следствие организации и поддержания обмена веществ в организме” (там же).

“Определение жизни, – писал Венюков, – издавна ломало голову философам, которым непременно нужно нечто головоломное для выставления себя мудрецами: даже многие физиологи заражены этой маниею. Это все следы религии, метафизики и схоластики, до которых положительной науке нет дела” (л. 24). Он противник идеи какой-либо “идеальной, внеземной цели” происхождения жизни. Как атеист Венюков считал, что все происходящее на Земле зависит от взаимоотношений людей. “Моралисты не желают признать, что если бы человек был на земле один, без друзей и противников, то не было бы преступлений, даже самих понятий о добре и зле, а затем и всей морали, с судьями, палачами, нравоучителями, попами, церковью, раем и адом. Они так ограничены вследствие привязанности к началам, дошедшим по преданию от веков варварства, что наполовину верят нелепости, сказанной Гегелем, будто “преступник не только подлежит наказанию, но и имеет право его требовать”» (л. 25).

Сознавая неполноту своих философских взглядов, Венюков считал вместе с тем изложенные им закономерности принципиальными при рассмотрении “диалектической основы” обозрения “главных результатов науки, по всем ее отраслям”. Это будет, по его мнению, хорошим “повторением пройденного”, пересмотром приобретенных знаний и убеждений, ради отбора сомнительных и ложных и ради “систематической укладки в мозг остальных” (л. 25).

Далее он высказывает свои представления о естественных, гуманитарных и социальных науках, при этом гуманитарные и социальные науки считал, подобно Л.Н. Толстому, ссылаясь на него, “полу-науками”.

В первый ряд естественных наук Венюков ставил фундаментальные дисциплины: математику, механику, физику и химию. Особое место он отводил математике, считая, что она “есть необходимейшая из всех наук для каждого, кто: 1) хочет приучить свой ум к строгой логике, ради сохранения себя от дурачения разными софистами и 2) желает изучать законы природы и их приложения к жизни... Какую печальную картину представляют в диалектическом отношении люди, незнакомые с математикой и даже нелюбящие ее, напр. юристы и филологи. Они иногда бывают от природы очень умны, но почти постоянно впадают в софизмы, преувеличения, искажения истины, именно потому, что не приучены переводить свои понятия в формулы, говорить языком цифр, хотя бы в пределах теории вероятностей, если по недостатку данных нельзя употребить точного анализа” (лл. 25 об.–26). Венюков придавал большое значение развитию математических способностей с детства, для того что-

бы “избежать крупных логических ошибок в зрелом возрасте”. “Пустословие, софистика, – писал он, – я полагаю, станут совсем невозможны, когда люди, по совету Спинозы, станут каждый вопрос, – да не на словах, а на деле, – разбирать и решать как математическую задачу” (л. 21). Правоту идей Венюкова, высказанных более ста лет назад, подтвердила история науки.

Кроме математики, всеобъемлемостью и точностью, по мнению Венюкова, обладает механика. Знание ее основ особенно важно, для исследования природы, познания теории частных (“частичных”) движений, особенно колебательных и вращательных. Венюков отмечает извечные недостатки образования в области механики, отставание в обучении новейшим достижениям в науке, в изучении новых форм и явлений. Он считал, что изучение разнообразных “мельчайших подразделений материи” могло бы положить начало научному основанию кристаллографии, “а может быть, и науке о сущности химических явлений” (л. 26 об.). Достижения в механике, по его мнению, весьма важны для формирования мировоззрения и познания природы. “Два–три поколения молодежи, обученной механике подобным образом, и всякая сбивчивость понятий о действиях сил, о причинах явлений исчезает, всякие таинственные силы, невесомые начала, вземные влияния станут общепризнанными нелепостями, мистицизм искоренится, и люди получают привычку везде доискиваться причин реальных, простых, подчиняющихся вычислению, перед которыми, следовательно, незачем останавливаться в тупом удивлении, недостойном существа мыслящего” (там же).

Изучение механики важно как для неорганической, так и органической природы. Венюков определяет необходимость изучения механики в физиологии, сводя ее изучение к химико-механическим процессам. “Какой важный успех сделала бы теория жизненных отправления, если бы физиологи умели определять величину механической работы сердца, ее зависимость от количества и качества принятой и переваренной пищи..., от размера мускульных движений, столь различного у людей и животных разных классов (работы химико-механической), и наконец, от веса мозга и целого организма?” (л. 29). Знание механики при изучении неорганической природы привело, как известно, к огромным успехам, в особенности в астрономии. Наука “об устройстве неба, так уже и называется небесной механикой”.

Физика как основная отрасль естествознания, базируется, по Венюкову, на приложении к ней теоретической механики. Он отмечает последние достижения в различных отделах физики, наметившееся сближение физики с химией и даже слияние термодинамики с термохимией. “Теперь мы имеем целую новую отрасль механики – термодинамику, которая, хотя и принадлежит к числу наук новорожденных, но говорит языком взрослым, не схоластическим, и уже довольно общепонятным..., что особенно важно в этом научном ус-

пехе, это открывающаяся возможность слить термодинамику, т.е. отдел физики, с термохимией, старающегося, в лице Бертелло (Бертло) и его школы, химические явления измерять количеством теплоты” (л. 27 об.). Венюков считал, что в термодинамике приложима волновая теория, и это позволит “поискать: напр., нет ли в природе тепловой поляризации, дифракции, быть может даже, двойного преломления: тогда, вероятно, установится одно общее учение о теплосветовых сотрясениях, а это будет важный шаг в физике. Оно продолжит механике дорогу в область химии” (там же). Не являясь специалистом физиком он критикует некоторых французских физиков (Маскара в College de France), преподающих физику, но непонимающих и неспособных объяснить сущности электрических и магнитных явлений, в частности ключевого понятия в теории магнетизма – “потенциала”, введенного еще в 1841 г. Гауссом. Отмечая успехи в изучении практических и экспериментальных вопросов в электромеханике, Венюков считал, что недостаточно внимания уделяется теоретическим вопросам. “Теория электричества продолжает стоять на одной точке, на которой ее оставили Ампер, Эрстед и Фарадей. Про магнетизм можно сказать почти то же самое” (л. 27). Прогресс химии Венюков связывает со временем Берцелиуса и Д.И. Менделеева. Тогда создавалась термохимия и устанавливалась классификация химических веществ, закон “связи между физическими и химическими свойствами тел” (л. 28). Высоко оценивая открытие периодического закона Д.И. Менделеевым, он писал: “Попытка Менделеева установить естественные группы элементов с определенными свойствами – очень важна (она уже нашла оправдание в открытии галлия), но впереди химикам, физикам и кристаллографам тут еще много работы. Когда она свершится, химия станет математическою наукою..., и успехи ее поведут к объяснению формирования всех сложных веществ как минеральных, так, конечно, и органических”.

М.И. Венюков отмечал пренебрежение химиками изучения кристаллизации вещества, которое “привело бы их к пониманию сущности химических соединений” (л. 28). Вместе с тем он предостерегал их от упрощенного понимания этого вопроса, когда изучение кристаллических форм подменялось изучением процессов жизни. Вопрос получения живой материи из косной, по мнению Венюкова, может быть решен только при выяснении химических “процессов жизни” в живых существах – растениях и животных, а также и человека. Он был не согласен с химиками, отвергающими учение Берцелиуса о солях (“т.е. соединение в солях оснований с кислотами”), и считал его теорию “изящным учением”. Однако писал, что его критические замечания спорны и могут быть оценены лишь специалистами.

Физику, химию и механику М.И. Венюков считал основными отраслями естествознания – “каждая из них охватывает всю природу”, без изучения которых “нельзя и думать об основательном знании от-

дельных естественных наук, от минералогии и астрономии до физиологии и антропологии” (л. 28 об.).

Весьма интересны представления ученого об астрономии. “Великие труды математиков от Коперника, Кеплера и Ньютона, до Лапласа, Гаусса и Леверье сделали астрономию не только самую точную, но и самую привлекательную из всех отраслей естествознания” (л. 29). Венюков считал, что астрономия на верном пути к преуспеванию и освобождению людей от “софизма” и религиозных заблуждений. Он высоко оценивает достижения последних лет: открытие планеты Нептун, возмущения Луны, спутников Юпитера, которые “приводят мыслящего человека в радостный трепет”, и это – “есть торжество человеческого ума”. Отмечая достижения в раскрытии физической и химической природы небесных тел, ссылаясь на труды Гершеля, Кирхгофа, Секки, Юнга. Именно, которые расширяют “область мышления до той всеобъемности, которая должна быть конечною целью познавательной способности людей” (л. 29 об.).

Интерес к астрономии у Венюкова был очень велик, он никогда не прекращал ею заниматься, следил за ее успехами и глубоко сожалел, что обстоятельства жизни не позволили ему стать астрономом.

Географию М.И. Венюков рассматривал как комплекс наук о природе и человеке. В нем он выделял ряд самостоятельных дисциплин, таких как климатология, гидрология, география растений и животных, статистика и др. В страноведении и в военной географии он видел интегрирующую роль. Касаясь теоретических вопросов географии, Венюков указывает на главенствующую роль в этой области идей А. Гумбольдта и К. Риттера. Также он отмечал работы русских ученых – первых военных географов – Языкова, Милютина, заложивших основы изучения различных географических районов и областей (страноведения).

В географии Венюков видел, кроме научного, еще и воспитательное значение и отмечал ее влияние на развитие интеллекта. “География – есть самый полезный предмет для широкого, энциклопедического развития ума: она непосредственно прилегает ко всем прочим отделам естествознания, от астрономии до антропологии” (л. 29 об.). Он отмечает, что это поняли теперь все географы, а некоторые из них, как Э. Петри, пытаются даже “искать в ней основы для теории нравственности” (л. 30). Однако, сам ученый не был склонен преувеличивать влияние природы на человека и его нравственность, считая, что это “разумеется, слишком”. Он разделяет мнение о влиянии географических условий на человеческую историю “в главных чертах”. Немецкого географа Ф. Ратцеля Венюков считал создателем особой отрасли знания – антропогеографии, усматривая в этом плодотворное влияние на Ратцеля идей А. Гумбольдта и К. Риттера. “Разумное, многостороннее изучение нашего жилища во Вселенной имеет огромную важность для теоретического развития

ума и для разумного устройства практической жизни людей” (там же). Венюков связывал изучение географии с практикой при разумном использовании природы и сохранением в ней гармонии.

Физическую географию Венюков считал сложной наукой, тесно связанной с другими естественными науками и, в особенности, с геологией, гидрологией, климатологией и биогеографией. Она, по его мнению, представляет собой самостоятельную науку, обобщающую результаты вышеупомянутых дисциплин “в чисто объективном смысле”. Что означает последнее замечание, Венюков не разъясняет. Однако, говорит, что ботаник никогда “не возвысится до широких, космических взглядов на растительный мир, если он не знаком с основаниями физического земледования” (л. 30). Венюков отмечал важное значение для понимания физической географии физики.

В физической географии, считал он, наблюдается недостаточное использование математического метода для доказательства теоретических построений: они в большинстве случаев базируются на интуиции или других методах (сравнений, “смелых индукций”, сопоставлений и пр.). В качестве примеров ученый приводил заключения Бэра о форме речных берегов (“закон Бэра”), зависимость земного магнетизма от солнечных лучей. Как положительный факт, Венюков отмечал понимание физико-географами относительности своих теоретических выводов: “физико-географы и не настаивают на абсолютности своих теорий, представляя времени заменить существующие лучшими. Это верный признак зрелости науки” (л. 30 об.).

Развивая свои представления в науках о Земле, Венюков переходит к геологии, тесно связанной с географией. Она, как отмечает он, к тому времени переживала перемены, а может быть, и кризис. В геологии на смену теорий Вернера и Геттона появились новые – Лайеля, Буха. Однако, они также не удовлетворяли научную общественность. Венюков, положительно оценивая приложение этих теорий к образованию земной коры, считал, что геологи опираются лишь на гипотетические расчеты и не применяют математических методов, которые должны более совершенно определять истины в геологии. Он являлся сторонником критического рассмотрения как непутистической, так и плутонистической теории в образовании земной коры и считал, что необходимо учитывать идеи и тех, и других.

Особое значение Венюков придает палеонтологии, считая, что она решает ряд важных подсобных задач в геологии, зоологии и ботанике, а также дает возможность “устанавливать параллель между историческим и эмбриологическим развитием животных, чем окончательно подтверждает теорию постепенного развития организмов из простых в сложные, более совершенные” (л. 30 об.). Палеонтология, родившаяся менее ста лет назад, сделала по мнению Венюкова, “гигантские шаги” особенно в последние 40–50 лет, “а за нею все естествознание”. Ученый обращает внимание на недостаточно кор-

ректное объяснение времени образования геологических формаций только по древним палеонтологическим остаткам живых организмов, что, по его мнению, явно недостаточно и очевидно, необходимо при определении древности осадочных формаций внимательно изучать механические процессы напластования. Дальнейшие успехи в развитии геологии Венюков видел в совершенствовании методов исследования.

Далее ученый обращается к изложению своих взглядов на гидрологию, климатологию, биогеографию и естественную историю.

Гидрология, по Венюкову, самостоятельная наука, стоящая рядом с геологией и климатологией. Она имеет свой предмет исследования, цели и методы для их достижения. Включать ее в отдел физической географии, как делают некоторые ученые, по его мнению, “несправедливо”. Она имеет дело с изучением всех вод Земли: Мирового океана, вод суши и подземных вод. Вода как одно из веществ на Земле представляет собой особую “оболочку земной коры” и “слишком важна по своему влиянию на строение суши, на климаты и на развитие органической жизни” (л. 32). Венюков отмечает достижения в исследовании вод Земли, указывая на работы Карпентера, Мильн-Эдвардса, Пуше, Добрэ, Фореля, упоминая и об исследованиях озер русскими учеными. Он обращает внимание на “едва ли не самый важный” факт, доказанный учеными именно о низкой температуре вод океана на больших глубинах различных широт. “Это показывает, что геологически недалеко время, когда океаны замерзнут не у одних полюсов, а на всем протяжении” (там же). В подтверждение этого тезиса он приводил доказательства постепенного исторического “охлаждения климата” Исландии. Эта проблема должна заинтересовать ученых, однако, замечает он, “оставим вычисление нашим потомкам в XX столетии” выяснить эту закономерность с помощью более надежных данных. Тогда, надеялся Венюков, “можно будет оценить и гипотезу Фая о большей плотности земной коры под морем, чем под материками” (там же).

Все указанные им исследования, считает он, требуют длительных научных наблюдений и сбора многочисленных достоверных фактов, которых в то время было еще очень мало.

Климатология за последние 70–75 лет, писал Венюков, сделала еще большие успехи, чем геология и гидрология. И перспективы ее развития зависят от совершенствования и расширения метеорологических наблюдений во времени и пространстве. Ее рождение он отсчитывает с 1817 г. – с появления исследований А. Гумбольдта, построившего “карту изотермических линий”. Уже в работах Кемптца и Дове климатология становится самостоятельной наукой, но быстрый рост ей придали исследования с середины XIX столетия, когда начали делаться попытки научно предсказать погоду, определять взаимодействие климатических явлений и фактов. “Такие сочинения, как Воейкова и Ганна, делают честь нашему времени и застав-

ляют предполагать, что даже в начале XX столетия телеграф будет безошибочно извещать людей каждое утро, какая погода ожидает их в течение дня” (л. 32 об.). Отмечая недостаточное число метеорологических станций на земном шаре, он верил в успехи науки при внедрении в нее математических методов, когда при недостатке наблюдений на земном шаре а priori с помощью формул можно будет распознавать изменения, происходящие в атмосфере. “Это будет, – писал Венюков, – торжеством науки, почти равным торжеству теории тяготения при открытии Ньютона” (л. 33). Однако, он не надеялся на быстрое решение этой проблемы, так как климатологи недостаточно сильны в построении таких теоретических формул, да и не достаточно имеется опытных данных “для вывода коэффициентов в возможных формулах: дело это очень сложно, требует времени” (там же). Ученый считал, что климатология выделилась из метеорологии, за которой осталось изучение разнородных явлений, принадлежащих к земной физике. К ним он относил оптические, электрические и магнитные явления на земной поверхности. Все они непосредственно связаны с климатологией и в значительной степени определяют климат. Важное значение для изучения климата, отмечает Венюков, имеет объяснение того, что совершается в высоких слоях атмосферы, недоступных еще в то время для наблюдения.

После рассмотрения вопросов, связанных с климатологией, Венюков переходит к рассмотрению “географии организмов: растительных и животных”, так как они сильно зависят от климата, однако, отмечая, что, не только от климата зависит органическая жизнь. Для растений “самое важное – состав почвы, а для животных – свойства и обилие пищи” (л. 33 об.). Для биогеографии важно также знание законов физиологии и морфологии животных и организмов. Все эти проблемы, по его мнению, еще мало изучены. Анализируя различные принципиальные положения в биогеографии, Венюков отмечает важность эмпирических наблюдений, например, учет минимума и максимума “теплоты” для развития растений, а также условий произрастаний. Далее он указывал, что в биогеографии еще отсутствует теоретическое объяснение изменчивости растений и животных от места к месту и во времени. “Не установлена, научная связь между средой, в которой растение живет, и свойствами его ткани и самими наружными очертаниями...” (л. 34). В то время все сводилось лишь к эмпирическим знаниям о том, в какой среде растет или живет тот ли другой вид растений или животных. Еще не было объяснено родство живых организмов Нового и Старого света, “равно как и тот /факт/, что юго-восточная Азия есть страна больших млекопитающих, хищных и толстокожих, а соседняя Австралия – страна двуутробов”. “Теперешние же науки о распределении организмов, – заключал он, – ненаучны и оставляют много места фантазии авторов”. Даже такие “сведущие” авторы как Декандоль,

Гризбах и Друдэ по своим концепциям и приемам обработки материалов, не имеют согласованных выводов. “Вообще, – продолжал он, – нужно подождать, чтобы морфология установила точные законы развития растительных и животных форм в зависимости от среды, где они развиваются: тогда – но и только тогда – явится и научная география организмов”. Это основа, по Венюкову, на которую должна опираться география организмов.

Ученый исторически рассматривал понятия естественной истории, к тому времени вышедшей из употребления, минералогии, почвоведения, морфологии растений и животных.

Останавливаясь на минералогии, Венюков отмечал, что она сделала уже много для изучения форм минералов, но еще не объяснила их происхождение и “комбинирование”. И строго выдержанной научной системы минералов, считал он, в то время не существовало. Отмечая достижения в почвоведении, Венюков имел в виду, в первую очередь, достижения школы В.В. Докучаева в России, чьи успехи он пропагандировал за рубежом.

Значительное внимание было им уделено морфологии органических тел. Основным недостатком в этой области он считал отставание и даже хаос в установлении классификации видов растений и животных, а также постоянные споры ученых между собой, в частности, о месте в классификационной лестнице мелких грибов и водорослей. Успехи в морфологии органических тел зависят, по Венюкову, от эмбриологии – “этой сокращенной во времени и пространстве истории развития” органических типов. Он сетует на то, что ученые не сосредоточили внимание на каких-либо двух классах животных, а распыляя силы, ведут исследования над многими классами животных. Так как скачков в развитии животных, по Венюкову, не существует, то “мы в состоянии будем, следя шаг за шагом это развитие, восстановить хронологию появления на земле разных организмов данного класса” (там же, л. 36 об.–37).

За эмбриологией он видел большое будущее, считая, что она приведет не только к созданию правильной генетической лестницы органического мира, но и к установлению параллельных ветвей этой лестницы. “Эмбриология человека и приматов, для нас особенно важна в так называемом философском смысле, ибо лучше всех прочих отраслей естествознание показывает, что человек только последняя по времени форма млекопитающих, за которую могут последовать и другие, еще более совершенные, т.е. приспособленные к жизни на Земле и успешной борьбе за существование” (л. 37).

Со временем эмбриология, по Венюкову, может приостанавливать развитие организмов на определенной стадии, или совершенствовать (“разумно улучшать породы, переводить низшие формы в более совершенные”). Он отмечал тесную связь эмбриологии с физиологией – наукой “сполна биологической, занимающейся физико-химическими процессами...” (там же). Развивая свои идеи о происхо-

ждении живого вещества, Венюков считал, что научному решению этой проблемы мешает влияние отживших средневековых схоластических взглядов и религиозных учений. Он отмечал, что даже такие ученые “очень сильные умы” как Карус, Клод Бернар, Пастер не свободны от них. Сам Венюков был убежден, что органическая жизнь – есть совокупность очень многих сложных физико-химических процессов, и нельзя понять их общий результат, не осознав с совершенною точностью каждый процесс в отдельности. Физиология растений менее остальных направлений была стеснена метафизическими теориями, поэтому имела большие достижения в работах Сакса и Ван Тигема. Рассматривая проблемы развития биологии, Венюков останавливается на теории питания, учении о кровообращении, теории мускульных сокращений, учении о нервной системе и других вопросах. Самой несовершенной частью биологии он считал “теорию явлений психических”. “Конечно, физиологи нашего времени признают почти все, что весь процесс познания состоит из ряда мозговых движений – как то формулировал еще Гоббс, но каковы эти движения и в каких частях мозга совершаются – мы ничего не знаем” (там же, л. 38). Многие вопросы психофизиологии, по Венюкову, также оставались в то время нерешенными, хотя некоторые из них начинали привлекать внимание ученых (Геккель, французская антропологическая школа, Гельмгольц и его школа).

К естественным наукам М.И. Венюков относил и антропологию – науку (по Бюхнеру) “о человеке, его связи с остальной природою, его прошедших и настоящих судьбах и о вероятности будущности всего рода человеческого и отдельных племен людских” (л. 39). Это определение Бюхнера, по мнению Венюкова, если не отвечало существу науки в первых двух частях, то в последней, – отвечавшей на вопрос куда мы идем, – поверхностно и не чуждо предубеждений. Сам Венюков дает такое определение антропологии: “Я понимаю под словом антропология науку, которая не только исследует человека в палеонтологическом, зоологическом отношениях, но еще объясняет нам сущность всей истории и статистики, промышленной, общественной и научно-литературной и даже художественной” (л. 39). Такое расширение предмета исследования человека Венюков обосновывал особыми качествами человека, наделенного умственными, нравственными и эстетическими свойствами, которых нет у других живых существ. Некоторые из этих направлений уже разрабатывались в то время в Парижской антропологической школе. Однако, до создания единой антропологии было довольно далеко, “никто еще не отважился и не мог серьезно отважиться свести их в одно диалектически стройное целое” (л. 39 об.). Интересно, что в антропологию Венюков включал и такие области знания как историю развития наук, историю религий, поэзии, изящных искусств. По его мнению, антропология в будущем должна дать “точные объяснения влияний среды на все, что совершает человек, высокомерно называ-

емый существом свободным, а на самом деле являющийся постоянно рабом внешних обстоятельств, хотя и мечтающий о достижении идеальных свободы, равенства и братства, а с ними и счастья” (там же). Антропологией Венюков заканчивает изложение своих взглядов на естественные науки – естествознания “науки положительной, объективной, всегда имевшей и доселе имеющей для меня неотразимую привлекательность” (там же).

М.И. Венюков рассматривал в то время общие методологические вопросы развития естествознания, являющиеся актуальными до сегодняшнего дня: процессы дифференциации и интеграции наук. Он считал закономерным выделение из естествознания самостоятельных наук: “Процесс выгодный для успехов специальных наук и логически неизбежный, но он несколько вредит *космическому взгляду на природу*, как на нечто целое, управляемое одними и теми же и при том немногими законами” (лл. 34 об.–35; курсив мой. – В.Е.). Процесс интеграции наук, ученый видит “в примыкании” к химии, физике и механике, “особенно к последней... Тогда явится одна наука о природе – прикладная механика, дающая ряд формул, которыми объясняются не только кристаллизация минералов, но и движение частиц мозга во время мышления. Только достижения этого идеала (математически доказательного единства природы) далеко...” (л. 35).

Рассматривая гуманитарные и социальные науки, Венюков придавал им подчиненное значение. Первыми он упоминал историю и статистику, считая их тождественными науками “по предмету знаний”¹. “История – движущая статистика; статистика – приостановившаяся история” (л. 40). Венюков справедливо отмечал, что история глубоко субъективна и отражает разные произвольные обобщения, построенные представителями различных школ «для уразумения будто бы судеб рода человеческого, а на самом деле, чтобы прикрыть бедность точных, научных выводов из истории, или подтасовать мнения читателей и учащихся в данном направлении, одностороннем и, стало быть, ненаучном. Чтение самых лучших исторических сочинений, – а я их читал много, – теперь приводит к одному выводу: – “что ни историк, то и наука”, то есть метода, система, а следовательно, и строй организма ее, действие ее на ум и чувство. Общих приемов для изложения истории нет» (там же). Исторические исследования, по мнению Венюкова, скорее всего, являются материалом для освещения ее различных этапов. Из них основными он считал “главы” о формировании территории государств и обзоры научных, нравственных и эстетических успехов каждой науки. Из отдельных историй государств, когда они будут изучены таким об-

¹ Ранее Венюков изложил свои взгляды на их построение во введении труда “Исторические очерки России со времени Крымской войны до Берлинского договора – 1855–1878 гг.”, т. 1–4, Лейпциг–Прага, 1878–1880. Труд публиковался на самом деле в Женеве.

разом, “можно будет подвести общие итоги и создать разумную историю всего рода человеческого” (там же). Данные истории, по его мнению, должны быть точными и тождественны данным статистики. Последняя более наукообразна. Ее дальнейшее развитие зависит от того, как широко будут применены математические методы и, в частности, теория средних величин и теория вероятностей в приложении к разнообразным явлениям человеческой жизни.

М.И. Венюков всегда проявлял серьезный и глубокий интерес к социальным наукам, таким как политическая экономия, социология и право. Они в его понимании не отвечают их предназначению в современном ему, глубоко неблагополучном обществе. Он отмечал, что на протяжении всей истории человечества, они были служанкой богатых, имущих классов и защищали их интересы.

Политическую экономию того времени он называл “пресловутой” и “хищнической”, связанной с явлениями “хозяйственного быта людей и их общества” и “составляющей теорию сосредоточения богатства в немногих руках или, попросту, опустошения тощих карманов толстыми” (л. 40 об.). Возникшая ранее теория Ж.Б. Сея, направленная против имущих классов, отмечал Венюков, “привела лишь к разным социалистическим и коммунистическим учениям”, которые пытаются объяснить порочность современного экономического устройства общества, его изменение и построение нового справедливого строя. Однако, последние теории, по Венюкову, утопичны. “Даже наиболее сильные аналитические умы – новой экономической школы, например, Карл Маркс и Шеффле, умеющие отлично доказывать воровское происхождение капитала, не умеют намечать путей для достижения более честного экономического строя общества вне кровавых расправ бедняков с богачами или вмешательства правительственных властей (государственный социализм Лассалья и Бисмарка)”. Венюков не воспринимал эти теории и считал их неприемлемыми еще и потому, что личность человека “приносится в жертву интересам классов людей, личная свобода – обезличивающему равенству, которое абсолютно недостижимо” (там же). Отмечая ненормальное и чудовищное неравенство в западноевропейских обществах, он не отрицал различий в материальном обеспечении отдельных наций и людей. Они, по его мнению, зависят от природных способностей людей и их трудовой производительности. Венюков, разделяя мнение Монтескье и К. Риттера, считал, что для отдельных географических стран существует определенный предел, при котором увеличение густоты населения приведет к обнищанию населения и неспособности обеспечить себя всем необходимым. “Статистике при этом, – пишет он, – нетрудно бы доказать, что требовать полной обеспеченности всех рождающихся и живущих есть вещь физически невозможная” (л. 41). Страдают при данной ситуации главным образом “слабые и бедные средствами”. Венюков призывал покончить с вопиющим неравенством в обществе, с неспра-

ведливым распределением земель, с господством монопольных компаний и другими социальными несправедливостями, мешающими преуспеванию большинства людей. “Также и в сфере мануфактур и торговли, – отмечал он, – пора положить предел господству над трудом; но как это сделать?” На этот вопрос он ответить не мог. По мнению Венюкова, с помощью существующих ассоциаций и обществ бедняков, “хотя бы очень честных и трудолюбивых, победы над капиталистами не одержишь...”. И даже высокие пошлины на наследство, например в Швейцарии или Англии, позволяют денежной аристократии не только процветать и даже размножаться” (там же).

М.И. Венюков возлагал большие надежды на практическое решение вопроса “о пауперизме” на социологию, новую науку, охватывающую “все стороны общественной жизни людей”. Она имеет важное преимущество перед политической экономией, так как не связана ни с какими “организаторскими проектами, а изучает факты и обобщает их объективно, без задних мыслей и с пониманием исторического их значения... Она – наука не партии, не сословия, а всего человечества, спокойная и беспристрастная, владеющая сравнительною методою и делающая выводы лишь по индукции” (лл. 41–14 об.). Хотя социология еще не обрела определенных границ и в нее пытаются внести “немало хлама”, Венюков считал, что именно “она может прийти к таким комбинациям, которые окажутся наиболее удовлетворительными, т.е. наивыгоднейшими для разных племен рода человеческого. И именно для разных племен, а не для всего человечества поголовно, ибо, например, никогда социальный строй живущих по степям номадов не будет пригоден для наций оседлых, земледельческих, торгово-промышленных и мореходов, и придумывать экономические и социальные законы, годные одинаково для среднеафриканских негров, норвежцев и калмыков, нелепо” (л. 41 об.).

По его глубокому убеждению, для того чтобы социология могла *создать и осуществить идеалы общежития*, она “должна будет отнестись широкое место *физической географии и теориям* Монтескье, К. Риттера, Ратцеля и других антропогеографов. Она, без сомнения, лучше, чем все философы в мире, докажет непригодность колодок римского права для разных форм цивилизации, разных, потому что не все то, что хорошо для одной стороны, пригодно для прочих” (курсив мой. – В.Е.; л. 41 об.).

О праве Венюков писал как о субъективных условных правилах гражданской жизни, “установленных главным образом для обеспечения господства волков над овцами”. “Почти все основы современного европейского права, ложны, ибо насилуют человеческую природу” (л. 41 об.). Он указывал, что они господствуют и в международном праве, обеспечивая волю и господство более сильных и богатых над слабыми. Читая строки исповеди Венюкова, яркие и обильные, проникаешься уважением и чувством благодарности за то,

что вместе с другими прогрессивными деятелями русской науки и культуры он просвещал народ и указывал на вопиющую несправедливость и пороки существующего строя. Его высказывания живы и сейчас. Они как яркий солнечный свет освещают прикрытые якобы законностью современные “демократические” и “цивилизованные” порядки и произвол.

Взгляды Венюкова о юриспруденции в России и во всем мире того времени, где почти везде царствовал произвол, актуальны и в наше время.

Ученый касался и других сторон правовых вопросов: роли судей и судов, которые “они постоянно действовали и действуют с поверхностью фельетонистов, храня в то же время величавость римского сената или собора жрецов”. Все существующие законы, по Венюкову, — “просто сети, которыми законодатели опутывают людей с головы до ног, и с рождения до смерти, вовсе не для достижения высших гуманитарных целей, а для удобства людей власть имущих” (л. 42 об.—43). Для того, чтобы предупредить развитие преступных наклонностей и деятельности необходимо, по мнению Венюкова, дать возможность человеку удовлетворять его естественные потребности с начала его рождения, “т.е. не оставляя его в голоде, в холоде, без половых сношений, без вознаграждения его за труд по добровольному соглашению, без участия в делах общественных и т.д., становясь постоянно на защиту слабого против сильного и, наконец, самое главное — направив человека воспитанием, с раннего детства, на хорошую нравственную дорогу” (л. 42 об.). Все это в забвении общества, и пройдет “много веков” прежде чем человечество организуется, где не будет места уголовным карам и полицейским стеснениям. Венюков опасался, что человечество может даже вымереть, прежде чем достигнет этого идеала, “причем войны из-за нарушений международного права и судебно-полицейские истязания будут иметь в этом вырождении не меньшую долю, как и физические болезни” (л. 43).

Юристы, пишет Венюков, признавая несостоятельность своей науки и осознавая, что “право” не только положительное, но философское, естественное (в их изложении) не есть еще абсолютная справедливость. Они охотно ссылаются на существование особого, высшего закона нравственности, даваемого религиею. «Тут теоретическое бессилие “науки о праве” достигает уже своего апофеоза, ибо это рекомендуемое ею учение вводит ум в область непримиримых противоречий» (там же). Венюков задается вопросами неподдающимися, по его мнению, разумному объяснению и отвергающих религиозное учение. Вот некоторые из них: “1. Есть бог, который создал мир и управляет им. Он всемогущ и всеблаг. Зачем же он допустил и допускает существование зла? 2. Люди созданы богом по своему образу и подобию, они имеют свободную волю, что и возлагает на них ответственность за их деяния. Но в то же время: ничто

не делается без воли божей, и даже судьба каждого из людей заранее определена до мельчайших подробностей, так что не в состоянии сделать от себя ничего противу божеского предопределения, следовательно, безответствен...” (л. 43 об.). И далее: “И эту, полную противоречий, галиматью, юристы и богословы называют прочною основою нравственности людей, критерием и светочем правды и добра, теорией святости? Досадно за ум человеческий, доселе не выбросивший за борт всю эту бессмыслицу” (л. 43 об.). В этих высказываниях весь М.И. Венюков со всеми его человеческими чувствами и раздумьями.

Он считал, что человека добродетельного и порядочного можно сделать чисто земными средствами – с помощью разумного и гуманного воспитания. “Отсюда, – замечал он, – крайняя важность педагогики” (л. 44). Она, по его мнению, должна стать “духовною гигиеною с определенными разумными методами воспитания и образования. Он напоминал о теории воспитания Руссо, основанной на естественной природе людей, школах Р. Оуэна, воспитавших целые поколения молодежи и других примерах положительного воспитания. Однако, педагогика носила в то время черты и свойства “уголовно-тюремного или полицейского кодекса” с палочной и навязываемой жесткой дисциплиной, основанной “на страхе, на прописной морали и даже на катехезисе” (л. 44). Венюков выступал против подобного воспитания и образования, ратуя за раскрепощение сознания учащегося, за индивидуальный подход к обучению каждого человека. Он был против лицемерно-гуманного воспитания и обучения детей, когда их пытаются приучить к дисциплине с помощью полезных забав, “совершенному обезличению, к отказу от человеческого достоинства, к стадности... Проще было бы, этим лжегуманистам признаться, что им для воспитания нежных человеческих детей, нужна казарма, даже клетка, как для дрессировки хищных зверков” (там же).

К области нравственных наук Венюков относил и этику. Философия нравственности, считает он, носит схоластический характер, а изложение ее с кафедр университетов сводится к истории этических систем “от учений стоиков и эпикурийцев до Гегеля и Шопенгауэра”, место которых, скорее всего, должно относиться к “истории человеческих заблуждений и односторонностей ради предостережения молодежи от последних” (л. 44 об.). Он отмечал, что философы, занимаясь этическими вопросами, приводят этику к схоластике, игнорируют положительные знания и “сбивают с толку немало умов, склонных к отвлеченному любомудрию”. При этом, по мнению Венюкова, “самая дельная, самая практическая мораль, Конфуциева, в Европе не изучается никем, за исключением разве двух-трех синологов”. Заканчивая обзор представлений об “этико-политических полу-науках”, М.И. Венюков делает вывод об их ненаучности, но выражает уверенность в том, что “рано или поздно человеческий ум свергнет с себя иго этих теорий и практик” (там же).

Далее М.И. Венюков рассматривает, казалось бы, далекие от его интересов взгляды на филологию и лингвистику. Он не видел в них еще значительных результатов и считал составной частью (“главой”) антропологии. Теоретические идеи о языке Вил. Гумбольдта, уверения филологов о том, что язык должен быть единственным признаком для установления классификации человеческих племен, гипотезы о происхождении дара слова и другие вопросы – все это, по мнению Венюкова, не лишено интереса, но “все очень немного значит в общей массе научных сведений о человеке”. Он затрагивал область литературоведения – историю литературы как самостоятельную науку, тесно связанную со всеобщей историей. По справедливому мнению Венюкова, произведения словесности имеют большое историческое влияние на судьбы людей, обеспечивают сохранение и передачу современникам и потомству идей, возникающих в умах человечества на различных этапах его развития, способствуют выявлению прогресса как самих понятий о вещах, так и форм их выражения. “Философия – по счастью всегда была достоянием немногих любознательных, – писал Венюков, – а понятия человечества расширялись и совершенствовались; и их рост всего заметнее именно в тех произведениях дара слова, которые пользовались популярностью в свое время и дошли до нас как заветы предков” (л. 45). Он отмечал, что для того, чтобы понять смысл человеческого развития нельзя пренебрегать одной формой человеческого творчества. В этих “памятниках умственного, нравственного и эстетического совершенствования или упадка людей сохраняются и все последовательные преобразования строя речи, делавшихся под влиянием смешения племен, влияния чужих литератур и собственного лингвистического творчества”. Венюков видел в историческом процессе единение литератур и создание со временем с помощью ее общечеловеческих идей и вкусов; слияние их в единый “умственно-нравственно-эстетический океан”. М.И. Венюков считал очень важным изучение законов искусств, красноречия, пения и музыки, “действующих на мозг посредством органов слуха”. Он считал, что выработка точных теорий для них пойдет довольно быстро по мере усовершенствования приборов, способных фиксировать и давать сравнительную характеристику параметров звука и выбора наиболее совершенных голосов ораторов, певцов и музыкантов. Тогда, когда будут установлены точные законы акустической эстетики, по мнению Венюкова, “исчезнет все фальшивое из декламаций, пения и музыки, и звуковые произведения людей станут естественными, душевными, верно выражающими чувство говорящих, поющих или играющих на инструменте” (л. 45 об.).

Развитие искусств “образных” – живописи, ваяния и зодчества он связывал с совершенствованием сравнительного метода и понимания развития “отдельных, местных и национальных школ”. Венюков критически относился к новациям в “образных” искусствах, считая некоторые из них “схоластической чушью”. «Реалистическое ис-

кусство и его история в XIX в. сделали значительные успехи и они выиграли бы, если художники и историки искусства были “менее людьми школы”, объективно изображающими и описывающими действительность. Это все более и более развивало бы эстетическое чутье людей, облагораживало бы их вкусы» (там же).

Если изящные искусства считаются достоянием “высших особенно развитых и даровитых натур”, то поварское искусство, которому Венюков придавал также большое значение, “имеет в виду доставление наслаждения одному из самых взыскательных чувств, вкусу” (л. 46). Для создания “поварской эстетики”, считал Венюков, требуется огромная сумма знаний физиологических и гигиенических, и она может стать одной из высших отраслей биологических наук. Развитие этой отрасли знания, по его мнению, послужит на пользу людей больше даже чем врачебное искусство. Не останавливаясь на последнем, он вместе с тем отмечал, что “при современном состоянии физиологии и патологии, медицина есть просто эмпиризм”. Венюков отмечал, что врачи практикуют так же, как 2000 лет назад, и так же спорят о тех же вещах, хотя медицинские теории меняются “как поветрия”.

М.И. Венюков глубоко изучал историю науки, считая что она играет большую роль для понимания и развития самой науки. Он относил ее к комплексу наук о человеке – антропологии. Вместе с тем он считал, что частные ее направления, тесно связанные с материнским деревом, относятся к системе самостоятельных наук. Так историю географии (землеведения) он рассматривал в системе географических наук. Ему принадлежат оригинальные труды по истории отечественной и мировой географии, в частности по истории территориальных исследований в Азии. Многие из них были опубликованы в России и за рубежом.

Интересна судьба “особого сочинения” ученого под названием “Краткий очерк истории землеведения новых народов с 1492 по 1884 гг.”, которое было закончено в 1885 г., т.е. в то же время, когда он писал “Приложение к моим воспоминаниям”. Эта рукопись была переслана великому князю Константину Николаевичу председателю Русского географического общества. Но где она находилась, до последнего времени не было известно. Местонахождение рукописи, предназначенной к публикации в России, не знал и сам Венюков. Он подозревал в задержке ее и забвении П.П. Семенова. Поиски ее в архиве РГО и других архивах не увенчались успехом. Лишь только в 2000 г., при повторном просмотре личного архива М.И. Венюкова в Рукописном отделе Российской Государственной библиотеки удалось установить содержание рукописи, посланной в Русское географическое общество в Санкт-Петербург. Рукопись в РГО носит то же название и представляет собой тетрадь (автограф с незначительными исправлениями) объемом 169 листов (картон 4, № 17). Кроме того, в том же рукописном отделе РГБ хранится копировальная книга М.И. Венюкова, состоящая из пяти частей (картон 2, № 4, ед. хр. 1):

1. Титульного листа под названием “Краткий очерк истории земледения у новых народов”, предисловия и оглавления (л. 1а, 493–495); 2. Обзора путешествий открытий и обследования земель за четыре последние века (лл. 16.–183); 3. Очерка географических исследований в Азиатской России (лл. 184–246)¹; 4. Обзора исследований по отдельным частным вопросам земледения у новых народов. 1492–1885 гг. (лл. 247–325) и 5. Алфавитного указателя собственных имен (лл. 316–329). Таким образом мы теперь можем иметь представление о фундаментальном исследовании М.И. Венюкова по истории географии, которое он вел в течение нескольких лет. Оно было проведено впервые русским ученым по истории мировой географии и по такой программе.

Следует отметить, что работа М.И. Венюкова была закончена и отправлена в Русское географическое общество именно в то время, когда Д.Н. Анучин впервые в России в Московском университете начал читать курс лекций по истории земледения, заканчивая его эпохой географических открытий – открытием Америки Колумбом (1492). М.И. Венюков изложил историю земледения с 1492 по 1888 г., т.е. продолжил “Курс лекций по истории земледения...” Д.Н. Анучина². После появления двух таких серьезных работ можно говорить о зарождении истории географии в России как научной дисциплины.

Заканчивая “Обзор человеческих знаний” М.И. Венюкова, основанных на его личных знаниях и опыте предшествующих поколений, можно с твердой уверенностью сказать, что они представляли собой неординарное явление в истории отечественной науки и культуры. Поразителен диапазон его знаний, в особенности естествознания. Знакомство с развитием наук в европейских странах и на Востоке позволило подойти к анализу достижений в развитии наук в глобальном масштабе. Взгляды на науку и мировоззрение М.И. Венюкова в целом являлись, как он говорил сам, “хорошим повторением пройденного”, переосмыслением приобретенных знаний и убеждений ради освобождения от отживших, сомнительных и ложных представлений. Поэтому он страстно отстаивал материалистические идеи о происхождении Вселенной и человека, являлся противником религиозного или какого-либо другого идеалистического объяснения их происхождения. М.И. Венюков, опираясь на достижения естествознания, построил материалистическую картину мира и познания его человеком. Его взгляды во многом воспринимаются сегодня как идеи современного естествоиспытателя, а в его лице отечественная наука имеет выдающегося мыслителя.

¹ Третья часть рукописи была опубликована в журнале “Военный сборник” (1872, № 2; 1887, № 7), а также в книге “Россия и Восток” (СПб, 1877, с. 1–67).

² “Курс лекций по истории земледения...” (1885) Д.Н. Анучина, литографированный в 1885 г. небольшим тиражом был утрачен. В 1998 г. он издан вновь в издательстве МГУ под ред. В.А. Есакова и Н.С. Касимова по машинописному тексту, сохранившемуся в архиве геофака МГУ.

Послесловие

Жизнь и научная деятельность М.И. Венюкова вошла в историю мировой и отечественной науки как пример преданности благородным стремлениям и помыслам, к которым стремится человеческое общество.

Ученый, поставивший задачей изучить “свой дом”, в котором живет человечество, выяснить закономерности развития природы и общества, взаимоотношения между людьми и природой, сделал столько, что этого хватило бы на целый коллектив ученых. Мирозозрение М.И. Венюкова и его вклад в науку можно сравнить с классиками мирового и отечественного естествознания, и высоко оценить его как общественного деятеля. Одаренный врожденным чувством ответственности перед самим собой и людьми, окружавшими его, он с удивительной целеустремленностью и верой в будущее неотступно боролся с проявлениями человеческих пороков, не щадя своих сил и здоровья.

М.И. Венюков стремился к идеалам своих великих предшественников-учителей А.И. Герцена, А. Гумбольдта, Ч. Дарвина и других замечательных естествоиспытателей, имена которых с благодарностью вспоминает человечество. Да и он сам заслуживает этого несмотря на замалчивание и даже забвение его имени и результатов деятельности после трагической кончины. Лишь сравнительно недавно ученые обратились к освещению его жизни и деятельности, оценке его вклада в науку.

Признавая большое значение М.И. Венюкова перед отечественной географией, ради справедливости следовало бы возобновить присуждение премий имени М.И. Венюкова в Русском географическом обществе за выдающиеся работы по исследованию Азии, подобно присуждениям премий Семена Дежнева. Имя М.И. Венюкова можно поставить рядом с именами П.П. Семенова (Тян-Шанского) и Н.М. Пржевальского, память которых увековечена в золотых медалях, присуждаемых Русским географическим обществом.

Необходимо подготовить и издать его наиболее важные труды по истории географии, географии Азии, его воспоминания, которые вошли в золотой фонд мировой и отечественной науки.

Основные даты жизни и деятельности М.И. Венюкова

1832 23 июня (5 июля н.с.)	– Родился М.И. Венюков в с. Никитинское Пронского уезда Рязанской губернии.
1845–1850	– Учеба в Константиновском артиллерийском училище (Дворянский кадетский корпус) в Санкт-Петербурге.
1850–1852	– Служба в батареейной школе (преподаватель) в г. Серпухов.
1853–1857	– Учеба в Николаевской Академии Генерального штаба и в Санкт-Петербургском университете.
1854	– Принимал участие в обороне Санкт-Петербурга, находясь на береговых батареях (война России с англо-французской коалицией 1853–1856 гг.).
1857 19 декабря	– Назначен старшим адъютантом в штаб войск Восточной Сибири к генерал-губернатору Н.Н. Муравьеву.
1857–1859	– Исследовал Приамурье и бассейн р. Уссури, через хр. Сихотэ-Алинь к Тихому океану "...за отличные успехи в науках" произведен в штабс-капитаны (2 апреля 1858 г.).
1859	– Опубликовал работу "Обозрение р. Уссури и земель к востоку от нее до моря" с картой.
1859 23 февраля	– Переведен старшим адъютантом по части Генерального штаба в штаб Отдельного Сибирского корпуса и назначен начальником экспедиции на Иссык-Куль.
1859 7 ноября	– После исследования Заилийского края и оз. Иссык-Куль уволен в "бессрочный" отпуск.
1860–1861	– Опубликовал статьи об исследовании оз. Иссык-Куль, Заилийского края и Причуйской страны (в журналах "Вестник" и "Записки Русского географического общества").
1861 6 сентября	– Зачислен в Севастопольский пехотный полк Кубанского войска командиром батальона.
1862 23 ноября	– За участие в боевых операциях на Северном Кавказе награжден орденом Св. Станислава 2-ой степени с мечами.

- 1863–1864** – Составил "Этнографическую карту северо-западной части Кавказа" и опубликовал ряд статей о географическом описании края.
- 1863–1867** – Служба в Польше: военно-уездным начальником и председателем Люблинской комиссии по крестьянским делам (с февраля 1864 г.).
- 1863 19 сентября** – Произведен в подполковники.
- 1865** – Опубликовал монографию "Физическая география".
- 1867** – Опубликована фундаментальная работа о русских завоеваниях в Азии в журнале А.Н. Герцена "Колокол".
- 1868** – Опубликован сборник статей "Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них" (526 с.).
- 1868** – Опубликована работа "Очерки Японии" (421 с. с картой).
- 1869 13 марта** – Высочайше разрешено на командирование в Китай и Японию на 2 года.
- 1869–1870** – Исследование Японии и Китая (13 марта 1869 – конец 1870).
- 1869 12/24 июня** – Первое сообщение о командировке из Гон-Конга.
- 1870 19 февраля** – Докладная записка начальнику Генерального штаба Ф.Л. Гейдену о сокращении срока экспедиции до "половины лета" 1870 г. и вынужденном прекращении исследований в Китае и Японии.
- 1871** – Возвратился из командировки в Японию и Китай в Санкт-Петербург.
- 1871 14/26 января** – Представил отчет (рапорт) о командировке (с материалами: по Китаю 19 названий, по Японии – 17 названий).
- 1871** – Опубликовал работу "Обозрение Японского архипелага в современном его состоянии" (с картой).
- 1871** – Читал лекции о Японии и Китае в Академии Генерального штаба, в военных училищах и других общественных организациях.
- 1871 6 мая** – Произведен в полковники.
- 1871 1 июня** – Приказом начальника Генерального штаба Ф.Л. Гейдена прикомандирован к Генеральному штабу для описания азиатских границ России ("для письменных занятий").
- 1871–1877** – Служба военным географом в Военно-ученом комитете (ВУК) Генерального штаба.
- 1872–1873** – Опубликование географо-статистических очерков о районах южной азиатской границы России в журнале "Военный сборник" (11 участков).
- 1872 11 ноября** – Представил в ВУК "Карту государственной границы России с Китаем с показанием путей от границы внутри Китайской империи".

- 1873** – Секретарь Русского географического общества.
- 1873, 1876** – Вышли отдельными книгами "Опыт военного обозрения русских границ в Азии" (2 выпуска).
- 1873 январь** – Подготовил два экземпляра рукописной "Этнографической карты Азиатской России" в ВУК и военному министру Д.А. Милютину. Вскоре карта была опубликована (М., 250 верст в англ. дюйме) в 1200 экзп.
- 1874** – Подготовлена рукопись "Материалы для военно-стратегического обозрения английских колоний" и "Материалы для военной географии Арало-Каспийской низменности".
- 1874** – Путешествие по Турции, Болгарии, Кипру и черноморскому побережью. Исследовал течения в проливах Босфор и Дарданеллы.
- 1875 май–август** – Участие в Международном географическом конгрессе в Париже. Посетил Англию и Германию.
- 1876 30 июня** – Уволен с военной службы в отставку в звании генерал-майора ("по домашним обстоятельствам").
- 1877 30 мая** – Обращается к императору Александру II с просьбой о возобновлении военной службы, имея в виду предложение начальника Генерального штаба Ф.Л. Гейдена на зачисление его членом Военно-ученого комитета Генерального штаба и прикомандировании к командующему Кавказской армии.
- 1877 14 июля** – Военный министр Д.А. Милютин по докладу Генерального штаба начертал: "Высочайше разрешено" без утверждения членом ВУК Генерального штаба и направления в Кавказскую армию "с зачислением по полевой пешей артиллерии, прежним чином полковника".
- 1877 август** – Прибыл в Тифлис (Тбилиси), не дождавшись распоряжения из Санкт-Петербурга, покидает штаб Кавказской армии.
- 1877 октябрь** – Возвращается в Санкт-Петербург и нелегально покидает Россию.
- 1877–1901 г.** – Жил в эмиграции в Швейцарии (до 1883 г.) и во Франции (Париж). Активно сотрудничал с русскими и зарубежными учеными. Путешествовал и исследовал страны Западной Европы, Африки, Азии и Латинской Америки. Опубликовал более 100 научных статей и монографий (около сорока на иностранных языках).
- 1901 3/16 июля** – Скончался в Париже. Похоронен на русском кладбище Кокад (Caucade) в Ницце.

Литература о М.И. Венюкове

1. *Будогоский К.* По поводу статьи: “Общий обзор постепенного расширения русских пределов в Азии и способов обороны их”. – Военный сборник, 1872, № 6, с. 124.
2. *Скачков К.А.* Очерки Китая. (Рецензия на книгу Венюкова “Очерки современного Китая”. М., 1875, 134 с.). – “Русский вестник”, 1875, т.115, № 1, с. 1–67; № 2, с. 450–521.
3. *Минаев И.М.* Рецензия на “Краткий очерк английских владений в Азии. Сост. М. Венюков. СПб., 1875. – Журнал Мин. нар. просв., 1876, № 5, с. 157–161.
4. *Воейков А.* Несколько замечаний на статью г. Венюкова “Результаты торговых трактатов Японии и Китая с европейскими государствами”, – “Русский вестник”, 1877, т. 131, № 9, с. 440–446.
5. *Пыпин А.Н.* История русской этнографии. Т. 4. Белоруссия и Сибирь. СПб., 1892, с. 309–311.
6. Знакомые. Альбом М.И. Семевского, издателя-редактора исторического журнала “Русская старина”, 1867–1888. СПб., 1888. XXXII. 401 с. О Венюкове, с. 61, 372–383.
7. *Семенов П.П.* История полувековой деятельности Императорского русского географического общества. 1845–1895 г. Ч. 1–3. СПб., 1896.
8. *Венюков М.И.* (Некролог). – “Исторический вестник”, 1901, т. 85, авг., с. 747–748.
9. Умерший географ (М.И. Венюков. Некролог). – “Неделя”. 1901, № 28, с. 949–950 г.
10. (М.И. Венюков. Некролог). – В кн.: Отчет Русского географического общества за 1901 г., СПб., 1902, с. 11–13.
11. *Venukoff (Michel-Ivanovitch).* (Necrologie); “La Geographie”, 1901, t. 4, Ns 9, p. 216.
12. *M.I. Wenjukoff.* (Nekrolog). – “Geographische Anzeiger” hrsg. Justus Perthes in Gotha. 1901, s. 120.
13. *Generalmajor M.I. Wenjukoff.* (Nekrolog). – Deutsche Rundschau fur Geographie und Statistik”, 1902, Bd. 24, s. 42–43.
14. *Wolkentauer W.* Geographische Nekrologie fur die Jahre 1900 und 1901. – “Geographisches Jahrbuch”, Bd. 24, 1901. М., I. Wenjukoff, s. 395.
15. Библиографический каталог. Профили редакторов и сотрудников. Женева, 1906. (Среди авторов статей газеты “Общее дело” издатель М. Эллидин указал М.И. Венюкова).
16. *Чернопятов В.И.* Русский Некрополь за границей. Вып. 1, М., 1908 (Русские, захороненные на французской Ривьере). О Венюкове М.И. с. 14.
17. *Доролюбов И.В.* и *Яхонетов С.Д.* Библиографический словарь писателей, ученых и художников, уроженцев преимущественно Рязанской губернии. Рязань, 1910.
18. Венюков Михаил Иванович. – Военная энциклопедия, 1911, с. 313.

19. Клевенский М.М. Герцен – издатель и его сотрудники. – “Лит. наследство”, 1941, т. 41–42.
20. Венюков Михаил Иванович. – БСЭ Изд. 2-е. Т. 7. М., 1951, с. 470–471, с портр. Библиогр.
21. Максимов В. Неутомимый исследователь. (К 50-летию со дня смерти М.И. Венюкова). – “Вокруг света”, 1951, № 10, с. 44–50.
22. Степанов А. Путешественник, географ, патриот. К 50-летию со дня смерти известного исследователя Дальнего Востока. – “Дальний Восток”, 1951, № 4, с. 98–104.
23. Степанов А.А. Михаил Иванович Венюков. – “В кн.: Венюков М.И. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1952, с. 5–26.
24. Воробьев В.М. Венюков. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, Дальгиз, 1952 (рецензия). – “География в школе”, 1953, № 5, с. 76–77.
25. Сергеев М.А. М. Венюков. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Дальгиз, 1952 (рецензия). – “Советская этнография”, 1953, № 2. с. 230–235.
26. Есаков В.А. Из переписки М.И. Венюкова с Н.М. Пржевальским. – “Вопросы истории естествознания и техники”, 1956, вып. 1, с. 207–212.
27. Максимов В.А. Из переписки М.И. Венюкова с В.В. Докучаевым. (К 125-летию со дня рождения М.И. Венюкова). – “Вопросы истории естествознания и техники”, 1957, вып. 3, с. 205–208.
28. Токарев С.А. Михаил Иванович Венюков. – В кн.: Отечественные экономико-географы 18–19 вв. М., Учпедгиз, 1957, с. 218–223.
29. Венюков Михаил Иванович. – В кн.: Биографический словарь деятелей естествознания и техники. Т. 1. М., 1958, с. 154.
30. Венюков Михаил Иванович (1832–1901) – В кн.: Знатные рязанцы. Рязань, 1959, с. 110–113.
31. Клевенская В.В. Библиография трудов М.И. Венюкова и литература о нем. – Зап. Отд. рукоп. Госбиблиотеки СССР им. В.И. Ленина, 1960, вып. 23, с. 57–67.
32. Зимица В.Г. Архив М.И. Венюкова. – Записки. Отд. рукоп. Госбиблиотеки СССР им. В.И. Ленина, 1960, вып. 23, с. 26–56.
33. Умурзаков С.У. М.И. Венюков исследователь природы Киргизии. – Тезисы докладов на IX научной конференции Киргиз. госуниверситета, Фрунзе, 1960, с. 28–30.
34. Акашев Ю.Д. М.И. Венюков о переселенческой политике царизма на Дальнем Востоке в 50–60 гг. XIX в. – Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина, 1970, № 35, с. 188–214.
35. Есаков В.А. М.И. Венюков за рубежом остается с Россией: – В сб.: Российские ученые и инженеры в эмиграции. М., 1993. с. 117–126.
36. Есаков В.А. Япония глазами россиянина (М.И. Венюков, 60–70 гг. XIX в.) – Acta Slavica Japonica, t. XII, 2000, Sapporo, Japan, с. 161–171.
37. Есаков В.А. Япония глазами россиянина (М.И. Венюков, 60–70 гг. XIX в.) – Известия Российской академии наук (сер. геогр.), 2000, № 3, с. 100–105.
38. Есаков В.А. Мировоззрение М.И. Венюкова и его взгляды на науку (по новым материалам). – Труды XI съезда Русского географического общества. т. 4, СПб., 2000, с. 209–211.
39. Любина Г.И. Михаил Иванович Венюков в эмиграции. – Природа, 2001, № 2, с. 92–96.
40. Есаков В.А. Михаил Иванович Венюков – ученый, мыслитель, патриот. – Материалы годичной конференции ИИЕТ РАН, М., 2001, с. 359–362.

Библиография трудов М.И. Венюкова¹

1. О температуре подземных слоев. – “Московские ведомости”, 1852, № 137, 13 ноября, с. 1407–1408.
2. Обзорение р. Уссури и земель к востоку от нее до моря. – “Вестник РГО”, 1859, ч. 25, вып. 4, отд. 2, с. 185–242. Приложение: 1) Карта р. Уссури – маршрут Венюкова в 1858 г. 2) Карта Приуссурийского края и низовьев Амура, сост. Венюковым в 1859 г.
3. То же. – “Записки Вост.-Сибир. отд. РГО”, 1859, ч. 23, № 4.
4. Заметки о степных походах в Средней Азии. – “Военный сборник”, 1860, № 12, с. 269–298.
5. Замечания об озере Иссык-Куле и реке Кошкар. – “Вестник РГО”, 1860, ч. 30, вып. 10, отд. 2, с. 21–32.
6. Вопрос о колонизации (окраин). Подпись: М.В. – “Время”, 1861, т. 5, смесь, с. 1–16.
7. Заметки о Кяхте. – “Северная пчела”, 1861, № 97, 3 мая.
8. Краткий обзор внешней торговли через Западную Сибирь в 1851–1860 гг. – “Записки РГО”, 1861, кн. 3, с. 161–186.
9. О Памире и верховьях Аму-Дарьи. – “Записки РГО”, 1861, кн. 2, с. 139–168, с карт. Прил. карта: Болорские горы и верховья Аму-Дарьи.
10. Очерк старых и новых договоров России с Китаем. СПб., 1861. 57 с.
11. Очерки Заилийского края и Причуйской страны. – “Записки РГО”, 1861, кн. 4, с. 79–130.
12. Пространство и населенность наших Азиатских владений. – “Северная пчела”, 1861, № 53, 15 марта.
13. Список астрономических точек в Восточном Туркменистане и Джунгарии. (По данным И.И. Захарова). Подпись: М.В. – “Записки РГО”, 1861, кн. 4, с. 126–130.
14. Суэц и Панама. (О возможности каналов). – “Северная пчела”, 1861, № 169, 1 авг.
15. Болоры и их страна. – “Записки РГО”, 1862, кн. 2, с. 1–25.
16. Карта “Кокандского ханства”. Сост. по современным сведениям М.И. Венюковым. Пояснительная заметка к карте. – “Записки РГО”, 1862, кн. 1, с. 172–179.

¹ При составлении списка работ М.И. Венюкова использованы как собственные библиографические изыскания, так и все имеющиеся опубликованные библиографические справочники и материалы вплоть до архивных источников. Теперь этот список трудов М.И. Венюкова является, если не исчерпывающим, то наиболее полным из всех опубликованных библиографий. В список не вошли рукописные работы Венюкова, указанные им в рукописи “Приложение к моим воспоминаниям” (Париж, 1884–1888), лл. 14–18, а также рукописные работы, находящиеся в архиве М.И. Венюкова в Российской государственной библиотеке (Рукоп. отдел быв. библиот. им. Ленина), в РГВИА и др.

17. Notes on the Lake of Issyk-kul and the river Koshkar. – “Journal of the Royal Geogr. Society of London”, 1862. v. 32, p. 560–565.
18. Этнографическая карта Северо-Западного Кавказа. Сост. М.И. Венюковым в дек. 1862 г. Краткое пояснение к карте. – “Записки РГО”, 1863, кн. 2, с. 87–91.
19. Несколько данных для описания Северо-Западного Кавказа на запад от р. Белой. – “Записки РГО”, 1863, кн. 2, с. 72–86.
20. Очерк пространства между Кубанью и Белой. – “Записки РГО”, 1863, кн. 2, с. 1–71. Прил.: Карта пространства между рр. Кубанью и Белой.
21. Старые и новые договоры России с Китаем. Изд. 2-е. СПб., 1863.
22. Население Северо-Западного Кавказа в три эпохи его колонизации русскими: в 1841, 1860 и 1863 гг. Подпись: М.В. – “Записки РГО”, 1864, кн. 1, с. 1–8, 3 карт.
23. Физическая география. Кн. 1–2. СПб., 1865. Кн. 1. О воде, величине, массе и движениях земли. IV – 83 с. Кн. 2. Об устройстве земной коры. 112 с.
24. Численные данные о поверхности Азиатской России. – “Известия РГО”, 1865, т. 1, кн. 3, отд. 2, с. 41–47.
25. The Russians in Central Asia: their occupation of the Kirghiz steppe and the lives of the Syr-Daria: their political relations with Khiva, Bokhara and Kokan: also descriptions of Chinese Turkestan and Dzungaria. By capt. Valikhanof, M. Veniukof and other russian travellers. Transl. from the russian by John and Robert Michell. London, 1865. XIV. 552 p.
26. The Bolors and their Country. – “Journal of the Royal Geogr. Society of London”, 1866, v. 36, p. 265–279.
27. The Pamir and the sources of the Amu-Daria. – “Journal of the Royal Geogr. Society of London”, 1866, v. 36, p. 248–265.
28. Ведомость о новом административном делении надвислянских губерний. – “Известия РГО”, 1867, т. 3, кн. 4, отд. 2, с. 113–118.
29. Le Comité constituant en Pologne. Varsovie, 1867. (Напечатано за границей и без указания автора по цензурным соображениям).
30. Примечания к будущей истории наших завоеваний в Азии. – “Колокол”, 1867, 1 авг. Статья делится на 4 главы: 1) Восточная Сибирь, 2) Западная Сибирь, 3) Оренбургский край, 4) Кавказ. В примечании А.И. Герцена дана положительная оценка статьи.
31. Об успехах естественно-исторического изучения Азиатской России в связи с географическими открытиями в этой стране за последние 25 лет и о видах на дальнейшую разработку естественной истории Северной Азии. – В кн.: Труды I съезда естествоиспытателей в Санкт-Петербурге. СПб., 1868, с. 49–58.
32. Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них. СПб., 1868, 526 с. (В сборник вошли статьи, ранее напечатанные преимущественно в изданиях РГО).
33. Внешняя торговля Иокोगамы. – “Известия РГО”, 1869, т. 5, кн. 5, отд. 2, с. 209–213.
34. Очерки Японии. СПб., 1869. 4 + 414 + 3 с. с карт.
35. Additional remarks on the Bolar Highland (1867). – “Proceedings of the Royal Geogr. Society of London”, 1869, v. 13, p. 342–351.
36. Заметка о колонизации Мацмая. – “Известия РГО”. 1870, т. 6, кн. 5, отд. 2, с. 160–161.

37. Землетрясение в Иокогаме. Подпись: М.В. – “Известия РГО”, 1870, т. 6, кн. 7, отд. 2, с. 245–246.
38. Современная Япония, ее политическое устройство и управление – “Вестник Европы”, 1870, № 7. с. 252–277. Дополн. к № 34 “Очерки Японии”.
39. Заметка к маршруту от Пекина до Айхуна г. Нахвалыных. – “Записки РГО по общей географии”, 1871, т. 4, с. 459–463.
40. Заметка о населении Чжунгарского пограничного пространства. – “Известия РГО”, 1871, т. 7, кн.7, отд. 2, с. 333–348.
41. Известия из Азии. Подпись: М. В-ков. – “Русский инвалид”, 1871, № 212.
42. Инородцы по отношению к всеобщей воинской повинности. – “Голос”, 1871, № 236, с. 1–2.
43. Карта северо-западной Монголии по современным сведениям сост. в июне 1871 г. М. 1:4.200.000. Пояснительная записка к дорожной карте северо-западной Монголии. – “Известия РГО”, 1871, т. 7, кн.7, отд. 2, с. 360–364 с карт.
44. Лекции о Японию и Китае. – “Русский инвалид”, 1871, № 77, 80, 83, 86.
45. О современном состоянии военных сил и средств Японии и Китая по данным 1869–1870 гг. (Публичные чтения в Академии Генштаба). – “Военный сборник”, 1871, № 8, с. 225–256; № 9, с. 105–138.
46. О чайной торговле с Китаем. – “Известия РГО”, 1871, т. 7, кн. 3, отд. 1, с. 130–138. (Приложение № 2 к журналу засед. отд. статистики 21 янв. 1871 г.).
47. Обзорение Японского архипелага в современном его состоянии (СПб), 1871. Ч. 1. География и статистика Японии. VI; 154 с. Ч. 2. Японцы дома и в обществе. 97 с. Ч. 3. Японцы на чужой почве и иностранцы в Японии. 85 с. Приложения LI с., карта.
48. Очерки Крайнего Востока. – “Вестник Европы”, 1871, № 3, с 156–207; № 8, с 469–512. (Китайская эмиграция. Китайские пираты. Европейцы в Китае. Торговля Китая с Европой и Америкой. Банки и промышленные ассоциации в Китае).
49. (Письмо о Кульджинском крае). – “Голос”, 1871, № 327, с. 1.
50. Современное состояние русско-китайской торговли. – “Голос”, 1871, № 44, с. 4.
51. Состав населения Амурского края. – “Известия РГО”, 1871, т. 7, кн. 8, отд. 2, с. 387–396.
52. Внешняя торговля Японии в 1871 г. – “Известия РГО”, 1872, т. 8, кн. 8, отд. 2, с. 311–312.
53. Войны англичан в Индии за последние 30 лет, с 1842 до 1872 г. – “Русский инвалид”, 1872, № 106.
54. Задарьинская степь в стороне от Буканских гор. – “Известия РГО”, 1872, т. 8, кн.6, отд. 2, с. 245–247.
55. Исследования в долине р. Эмиля. – “Известия РГО”, 1872, т. 8, кн. 3, отд. 2, с. 96–98.
56. Китайские военные учреждения в Тянь-Цзине. – “Русский инвалид”, 1872, № 250.
57. Любопытный путешественник по Азии (грек, прибывший в С.-Петербург из Кульджи). – “Известия РГО”, 1872, т. 8, кн. 6, с. 251–253.
58. Малайский архипелаг А.Р. Уэлласа. (Рецензия на кн.: Уоллес А. Малайский архипелаг. Страна орангутанга и райской птицы. Пер. с англ. СПб., 1872). – “Известия РГО”, 1872, т. 8, № 6, с. 248–250. (Библиогр.).

59. Матприалы для военного обзора современных русских границ в Азии. – “Военный сборник”, 1872, 1873.
- Первый участок. Остров Сахалин. 1872. № 3, с. 5–28.
  - Второй участок. Приморский край. 1872, № 4, с. 215–241.
  - Третий участок. Амур и Уссури. 1872, № 6, с. 253–296.
  - Четвертый участок. Манчжурия. 1872, № 7, с. 5–32.
  - Участок пятый, Забайкалье и Халка. 1872, № 8, с. 193–230.
  - Участок шестой. Урянхайский или Алтае-Саянский. 1872, № 9, с. 5–24.
  - Седьмой участок. Чжунгарский. 1872, № 10, с. 172–205.
  - Одиннадцатый участок. Туркменский. 1872, № 11, с. 5–50.
  - Участок десятый. Аральский и Хивинский. 1872, № 12, с. 199–252.
  - Девятый участок. Нагорно-Туранский. 1873, № 1, с. 5–58.
  - Девятый участок. Тянь-Шаньский. 1873, № 2, с. 193–233.
- Дополнения к обзору участков. 1873, № 3, с. 5–12.
60. Новые сведения об Азии. Подпись: М. В-ков. – “Русский инвалид”, 1872. № 101.
61. Несколько статистических данных по Зеравшанскому округу. “Известия РГО”, 1872, т. 8, кн. 8, с. 301–302.
62. О новом разделении Азиатской России. (Административное разделение). – “Известия РГО”, 1872, т. 8; кн. 8, отд. 2, с. 312–327.
63. Об этнографической карте России. – “Известия РГО”, 1872, т. 8, кн. 7, отд. 1, с. 196–198.
64. Общий обзор постепенного расширения русских пределов в Азии и способов обороны их. – “Военный сборник”, 1872, № 2, с. 195–228.
65. Ост-Индские финансы. – “Русский инвалид”, 1872 № 240.
66. Путешествие в Восточный Туркестан Роберта Шау. – “Известия РГО”, 1872, т. 8, кн. 4, с. 140–143. (Библиогр.).
67. Путешествие Геурда. – “Русский инвалид”, 1872, № 220.
68. Таблица племенного состава Кульджинского округа. – “Известия РГО”, 1872, т. 8, кн. 1, отд. 2, с. 26–28.
69. Шанхайский арсенал. – “Русский инвалид”, 1872, № 271.
70. Экспедиция англичан против лошаев. – “Русский инвалид”, 1872, № 41.
71. Of the island of Sagnalin. – “Journal of the Royal Geogr. Society of London”, 1872, v. 42, p. 373–388, with cart.
72. Доклады и заключительная записка об административном переустройстве Азиатской России (комиссия А.И. Деспот-Зеновича) 1873. Напеч. 25 экз., заключ. записку скрепил Карпов, числившийся делопроизводителем, но написана она не им. (См. автобиографию М.И. Венюкова в кн.: Знакомые. Альбом М.И. Семевского. СПб., 1888, с. 376).
73. Известия из Азии. – “Русский инвалид”, 1873, № 4, 10, 16, 27, 35, 44, 49, 55, 61, 67, 73, 79, 82, 87, 93, 104, 109, 115, 122, 126, 138, 145, 149, 155, 161, 168, 172, 177, 182, 188, 197, 202, 208, 218, 224, 230, 235, 241, 247, 252, 257, 263, 268, 274, 280, 283.
74. Мусульманское восстание в пограничных России частях Китая за последние годы (1870–1872 гг.). – “Известия РГО”, 1873, т. 9, кн. 1, отд. 2, с. 32–36.
75. О нынешнем положении и численности последователей скопчества в России. – “Известия РГО”, 1873, т. 9, кн. 2, отд. 1, с. 42–47.
76. О Хивинском оазисе. (В изложении). – “Известия РГО”, 1873, т. 9, кн. 5, отд. 1, с. 159–160.

77. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. Вып. 1–2. СПб., 1873, 1876.
 – Вып. 1. 1873. IV, 487, 144 с., 2 л. карт. Библиогр. с. 487.
 – Вып. 2. Заключающий в себе обзор южной окраины Арало-Каспийской низменности, дополнения к обзорам прочих участков границы и заключение всего сочинения; 1876, II, 179, II с., 2 л. карт.
 – Приложение: Карта государственной границы России с Китаем и путей от нее внутрь Китайской империи. Пояснительный чертеж к обзору этой границы. – Этнографическая карта Азиатской России.
78. Осмотр старого русла Окса г. Глуховским. Подпись: Секретарь о-ва. – “Известия РГО”, 1873, т. 9, кн., 8, отд. 2, с. 278–280.
79. Современное военно-политическое положение Индии. – “Военный сборник”, 1873, т. 94; № 12, с. 341–362.
80. Состояние здоровья русской армии. – “Известия РГО”, 1873, т. 9, кн. 7, отд. 2, с. 239–243.
81. Этнографическая карта Азиатской России. М.: 250 в. в англ. дюйме. СПб., 1873, 1 л.
82. Khiva. – “Bulletin de la Societe de Geographie de Paris”, 1873, t. 5. p. 348–384.
83. Известия из Азии. – “Русский инвалид”, 1874, № 5, 11, 23, 29, 34, 44, 49, 55, 61, 69, 120, 126, 138, 143, 149, 155, 161, 166, 171, 176, 185, 187, 198, 207, 212, 217, 223, 229, 234, 240, 246, 251, 256, 267, 273, 279, 281, 282.
84. Келат и Кетта. – “Русский инвалид”, 1874, № 262.
85. Краткие статистические сведения о сибирских инородцах по отношению их к всеобщей воинской повинности. СПб., 1874. 19 с.
 (Приложение к вып. I, т. 10. “Известий РГО” за 1874 г.).
86. Речь о кончине Д. Ливингстона на общем собрании Русского геогр. общества 6 февраля 1874 г. – “Известия РГО”, 1874, т. 10, кн. 3, отд. 1, с. 60–63.
87. Несколько вопросов по физической географии Турции и соседних ей морей. – “Известия РГО”, 1874, т. 10, кн. 6, отд. 2, с. 203–215.
88. Отчет Русского географического общества за 1873 г. СПб., 1874, 2+82 с.
 (Приложение к кн. 3, т. 10 “Известий РГО” за 1874 г.).
89. Очерки современного Китая. СПб., 1874. 1+252 с.
90. Переселение в Соединенные Штаты. – “Известия РГО”, 1874, т. 10, кн. 3, отд. 2, с. 113–122.
91. С дороги по Турции (из писем путешественника). Подпись: В. – “Военный сборник, 1874, № 8, с. 365–399, с картой Босфора.
92. Японская экспедиция на Формозу. – “Русский инвалид”, 1874, № 187.
93. Die russisch-asiatische Grenzlande. Aus dem Russ. Übertragen von Krahmer. Mit 3 Übersichtskarten. Leipzig. 1874. 531 s.
94. Die Stromungen im Bosporus und in den Dardanellen. – “Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft in Wien”. 1874. Bd. 17, p. 542–547.
95. То же: “Russische Revue”. 1874, H. 10, s. 396–401.
96. Географический конгресс в Париже. – “Русский инвалид”, 1875, № 138, 143.
97. География и военная статистика Азии на Парижской географической выставке 1875 г. – “Русский инвалид”, 1875, № 261.
98. Дороги из Индии в Китай. – “Русский инвалид”, 1875, № 211.

99. Известия из Азии. – “Русский инвалид”, 1875. № 15, 21, 27, 33, 39, 48, 54, 60, 66, 71, 77, 83, 85, 91, 97, 102, 108, 113, 122, 124, 130, 136, 142, 148, 154, 171, 178, 181, 187, 197, 202, 208, 213, 218, 224, 230, 235, 241, 247, 252, 257, 263, 269, 274, 280, 284.
100. Исследования англичан в бассейне Аму-Дарьи. – “Русский инвалид”, 1875, № 252.
101. Краткие сведения о Кокане (с картою Коканского ханства). – “Русский инвалид”, 1875, № 200.
102. Краткий очерк английских владений в Азии. СПб., 1875, 177 с., с карт.
103. Новейшие английские исследования в Хорасане. – “Русский инвалид”, 1875, № 284.
104. Новейшие русские исследования в Азии. Поездка в Кашгар Рейнтгаля. Путешествие из Кокана в Джытышар Никитина. Географические труды г. Большева в Восточной Сибири. – “Известия РГО”, 1875, т. 11, кн. 5, отд. 2, с. 342–347.
105. Новые китайские и монгольские карты. – “Известия РГО”, 1875, т. 11, кн. 6, отд. 2, с. 444–447.
106. О путях из Закавказья в Азиатскую Турцию, 1875. (Литогр. в 20 экз.).
107. Об организации статистических работ в Индии и о главных их результатах. – “Известия РГО”, 1875, т. 11, кн. 4, отд. 1, с. 106–108, 111–113.
108. Обзор важнейших событий в Азии за 1874 г. Подпись: М.В. – “Русский инвалид”, 1875, № 3.
109. Отзыв о путешествии по Монголии и Северному Тибету Н.М. Пржевальского. – В кн.: Отчет Русского географического общества за 1874 г. СПб., 1875. Приложение I, с. 97–106.
110. Отношение английской военной печати к Роулинсону. Подпись: М.В. – “Русский инвалид”, 1875, № 252.
111. Песня о Севастополе (1855). Сообщ. М.И. Венюков – “Русская старина”, 1875, т. 12, № 2, с. 442–444.
112. Рецензия на кн.: Пржевальский Н.М. Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в Восточной Нагорной Азии. – “Военный сборник”, 1875, № 2, с. 128–139. (Библиогр.).
113. Русские путешественники в Азии за последние 20 лет. – “Русский инвалид”, 1875, № 80.
114. Туземные государства в Индостане (По данным парламентских отчетов о состоянии Индии). – “Военный сборник”, 1875, № 3, с. 1–10. (Библиогр.).
115. Читрал и Бадакшан. – “Русский инвалид”, 1875, № 4.
116. Выставка геодезических и топографических работ, произведенных в 1875 г. в Азиатской России. Подпись: М.В. – “Известия РГО”, 1876, т. 12, кн. 1, отд. 2, с. 135–140.
117. Известия из Азии. – “Русский инвалид”, 1876, № 3, 8, 14, 20, 26, 31, 41, 46, 52, 58, 64, 69, 75, 78, 89, 95, 101, 112.
118. Кашгарские войска. – “Русский инвалид”, 1876, № 201.
119. Краткий взгляд на проекты русско-азиатских железных дорог. – “Русский инвалид”, 1876, № 85.
120. Мелкие государства по верховьям Окса. – “Русский инвалид”, 1876, № 69.
121. О вооруженных силах Японии и Китая. – “Военный сборник”, 1876, № 5, с. 78–106. (Текст лекций, читанных для молодых офицеров в С.-Петербург и Кронштадте).

122. О вооруженных силах Японии, Китая и Индии. – “Русский инвалид”, 1876, № 47.
123. (Об изучении арийских племен. Доклад). – “Известия РГО”, 1876, т. 12, кн. 3, отд. 1, с. 118–121.
124. Обзор важнейших событий в Азии за 1875 год. – “Русский инвалид”, 1876, № 7.
125. Путешествие на Памир Гордона. Несколько глав из книги “The Roof of the World”. Перевод М.И. Венюкова. СПб., 1877. 37 с.
(Приложение к кн. 6, т. 12 “Известий РГО”, за 1876 г.).
126. Путь из города Аксу, через Яркент в Ладак. – “Известия РГО”, 1876, т. 12, кн. 2, отд. 2, с. 222–228.
127. Современная Бирма. – “Известия РГО”, 1876, т. 12, кн. 6, отд. 2, с. 511–514.
128. Современное состояние военных учреждений в Японии. – “Русский инвалид”, 1876. № 223.
129. Современные статистические данные о народном образовании на Западе. – “Известия РГО”, 1876, т. 12, кн. 5, отд. 2, с. 415–426; кн. 6, отд. 2, с. 498–500.
130. Тучи на Востоке. Путешествие и приключения на персидско-туркменской границе Валентина Бэкера. – “Русский инвалид”, 1876, № 106.
131. Англичане в Гималае и севернее его. – “Русский инвалид”, 1877, № 71.
132. Англичане в Тибете. – “Русский инвалид”, 1877, № 45.
133. Армия сипаев. (По английским официальным источникам). – “Военный сборник”, 1877, № 9, с. 110–119.
134. Известия из Азии. – “Русский инвалид”, 1877, № 62, 123, 162, 173, 204.
135. Известия из Юго-западной Азии. – “Русский инвалид”, 1877, № 59.
136. Известия с Крайнего Востока. – “Русский инвалид”, 1877, № 50.
137. Карта Кавказского края, составленная по новейшим (?) сведениям шт.-кап. Кондратьевым. (Изд. картогр. заведения Ильина. СПб., 1877. Заметка). – “Известия Кавказ. отд. РГО”, 1877–1878, т. 5, с. 74–77.
138. Научные новости о Востоке. – “Русский инвалид”, 1877, № 172.
139. Научные новости об Азии. – “Русский инвалид”, 1877, № 62, 129.
140. Новая карта Востока. – “Русский инвалид”, 1877, № 114.
141. Новые английские исследования в Иране. – “Русский инвалид”, 1877, № 28.
142. (О географическом распространении курдов. Доклад). – “Известия РГО”, 1877, т. 13, кн. 4, отд. 1, с. 100.
143. О курдах и курдистанском вопросе. – В кн.: Страны и народы. Сборник политических, исторических, этнографических, географических и проч. сведений. СПб., 1877 (“Собеседник в книгах”. Т. 1, № 2), с. 3–23.
144. Очерк географических исследований в Азиатской России. – “Военный сборник”, 1877, № 7, с. 37–81.
145. Очерк международных вопросов в Азии. – “Русский вестник”, 1877, т. 128, № 4, с. 511–559; т. 129, № 6, с. 473–503.
146. Поступательное движение России в Северной и Восточной Азии. – “Русский вестник”, 1877, т. 127, № 1, с. 214–266.
147. Поступательное движение России в Средней Азии. – В кн.: Сборник государственных знаний. Т. 3. СПб., 1877, с. 58–106.
148. Россия и Англия в Персии. – “Русский вестник”, 1877, т. 131, № 10, с. 447–471.

149. Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. СПб., 1877, 206 с. (Сб. ранее опубликованных работ).
150. Сведения о современном Белуджистане. – “Русский инвалид”, 1877, № 108.
151. (Состояние географии русской Азии до Ермака. Изложение сообщения). – “Известия РГО”, 1877, т. 13, кн. 4, отд. 1, с. 97–98.
152. К истории заселения западного Кавказа 1861–1963 гг. Материалы и заметки. – “Русская старина”, 1878, т. 22, № 6, с. 249–270.
153. Очерк политической этнографии стран, лежащих между Россией и Индией. – В кн.: Сборник государственных знаний. Т. 5. СПб., 1878, с. 141–163.
154. Библиографическая заметка. Аму и Узбой. (Брошюра неизвестного автора. Самара, 1879). – “Русская старина”, 1879, № 8, с. 753–754.
155. Воспоминания о заселении Амура в 1857–1858 гг. – “Русская старина”, 1879, ч. 24, № 1, с. 81–112; № 2, с. 267–304.
156. Aperçu historique des decouvertes geographiques dans la Russie d’Asie. – “Revue de Geographie”, 1879, Juillet, p. 57–64. 199–205; 1880, Mars, p. 197–201.
157. Исторические очерки России со времени Крымской войны до заключения Берлинского договора 1855–1878 г. Т. 1–4. Прага-Лейпциг, 1878–1880.
  - Т. 1. Общий взгляд на эпоху; перемены в составе государства; международное положение России. Вып. 1, 1879.
  - Т. 2. Вещественные силы России и их развитие. Вып. 2, 1879.
  - Т. 3. Умственное и нравственное развитие русского общества. Вып. 1, 1879.
  - Т. 4. Перемены в государственном устройстве и управлении. Вып. 1. Прогресс. 1880. Вып. 2. Реакция и борьба. 1880.
158. Исторические очерки России со времени Крымской войны до заключения Берлинского договора. Изд. 2-е. Т. 1. Лейпциг, 1880.
159. Земля и люди Афганистана. – “Голос”, 1880, № 61, с. 1–2.
160. Кавказские воспоминания (1861–1863 г.). – “Русский архив”, 1880, кн. 1, с. 400–448.
161. Поземельные приобретения и уступки России за последние тридцать лет. 1850–1880, – “Русская мысль”, 1880, кн. 4, с. 124–141.
162. De l’irrigation des steppes. – “Revue de Geographie”, 1880.
163. Itineraire dans le Turkestan Afgan par le colonel Grodekoff. – Bulletin de la Soc. de Geographic de Paris”, 1880, t. 20, p. 124–141.
164. О теплоте и замерзании воды в озерах. – “Известия РГО”, 1881, т. 17, кн. 1, отд. 2, с. 59–71.
165. О физико-географических условиях расселения русского народа. – “Русская мысль”, 1881, кн. 1, с. 32–70.
166. Список русских путешественников по Азии со времени занятия Амура и Семиречья, 1854–1880. М., 1881. 24 с. [Состоит из двух частей: ч. 1 – представлена в 1875 г. Геогр. конгрессу в Париже (1875 г.), ч. 2 – представлена Междунар. Геогр. конгрессу в Венеции (1881)].
167. Les partfes non explorees de l’Europe et de l’Asie (1881). – “Revue Scientifique”, 1881, t. 2. № 4, p. 111–115.

---

¹ В “Новостях”, по данным Венюкова, опубликовано 10 статей (Воспоминания, т. 3, с. 103).

168. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский. Воспоминание. – “Русская старина”, 1882, т. 33. № 2, с. 523–526.
169. Die littoral de la Siberie Orientale. – “Revue de Geographie”, 1882 (с карт.).
170. Из воспоминаний бывшего кадета. Подпись: Востоков. – “Русская мысль”, 1883, кн. 1, с. 135–190. (Принадлежность статьи Венюкову устан. по кн. “Знакомые”. Альбом М.И. Семевского).
171. Китайский военный флот. – “Восточное обозрение”, 1883, № 22, с. 3.
172. Одно из степных владений (Сенегамбия). – “Русская мысль”, 1883, кн. 6, с. 137–160.
173. De l’etat actuel de la Turcmenie. – “Revue de Geographie”, 1883 (с карт.).
174. Resultats scientifiques des voyages du colonel Prejevalsky et particulièrement du troisieme voyage dirige au Thibet et aux sources du fleuve Jaune. – “Comptes Rendus Acad. des Sciences”, 1883, t. 96, p. 1872–1873.
175. Научные труды русских в Париже. – Новости¹, 1884, № 45.
176. Вырождение человечества. – Новости, 1884, № 89.
177. Туземные племена в пределах влияния России и Англии в Азии. – “Русская мысль”, 1885, кн. 5. с. 18–23.
178. De l’etat actuel des etudes sur le magnetisme terrestre en Russie. – “Compte rendu de la Association Francaise pour l’Avancement des Sciences”, 1885, t. 2, p. 657–660.
179. Sur la limite septentrionale de la mousson sud-ouest de l’Ocean Indien. – “Comptes Rendus Acad. des Sciences”, 1885, t. 101, p. 1518–1519.
180. Sur les resultats recueillis par M. Sokoloff, concernant la formation des dunes. – “Comptes Rendus Acad. des Sciences”, 1885, t. 100, p. 472–474.
181. Воспоминания 1850–1856 гг. (о службе в артиллерии). – “Русская старина”, 1886, т. 51, № 7, с. 81–104.
182. Sur la vitesse de dessechement des lacs dans les climats sees. – “Comptes Rendus Acad. des Sciences”, 1886, t. 103, p. 1045.
183. Sur les rapports qui existent entre les caracteres geologiques, topographiques et chimiques du sol et la vegetation qui le couvre, dans la Russie Centrale. – “Comptes Rendus Acad. des Sciences”, 1886, t. 102, p. 332–333.
184. О вырождении рода человеческого. – “Русская мысль”, 1887, кн. 9, с. 50–65.
185. Прогулка в Алжир и Тунис. – “Русская мысль”, 1887, кн. 7, с. 35–59.
186. Considerations sur la carte geologique du Lac Baikal et de ses environs. – “Comptes Rendus Acad. des Sciences”, 1887, t. 104, p. 139.
187. Du soulèvement des cotes sud-ouest de la Finlande. – “Comptes Rendus Acad. des Sciences”, 1887, t. 104, p. 1064–1065.
188. Sur le tremblement de terre du 9 juin 1887 dans l’Asie Centrale. – “Comptes Rendus Acad. des Sciences”, 1887, t. 105, p. 180–181.
189. Панамский канал. – “Русская мысль”, 1888, кн. 1, с. 127–152.
190. Письмо из Парижа. – “Русская мысль”, 1888, кн. 2, с. 234–236.
191. Базальты Монголии. – Записки СПб Минералогического общества, 1889. ч. 25, с. 228–295.
192. О высыхании озер в Азии. – В кн.: VIII съезд русских естествоиспытателей и врачей. СПб., 1890. Общий отдел, с. 77–80.
193. Поездка на Крайний Восток. – “Русская мысль”, 1890, кн. 6, с. 1–23.
194. Русские в Парижской академии наук в 1881–1888 гг. – “Русская старина”, 1890, т. 65, № 1. с. 243–246.

195. De l'accroissement du delta de la Neva. – "Compte Rendu des Seances de la Societe de Geographie", 1890, p. 75–77.
196. De la formation du delta de la Neva d'apres les dernieres recherches. – "Comptes Rendus Acad. des Sciences", 1891, t. 110, p. 484–486.
197. Les profondeurs de la Mer Noire. – "Comptes Rendus Acad. des Sciences", 1890, t. 111, p. 930–932.
198. Resultats numeriques des recherches de Sterneck et de Stieltjes. – "Compte Rendu des Seances de la Societe de Geographie", 1888, p. 11–12,
199. Воспоминания 1852–1854 гг. В Петербурге. – "Русская старина", 1891, т. 69, № 1, с. 127–144.
200. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский и его могила в Париже. – "Русская старина", 1891, т. 72, № 11, с. 475–476.
201. Из Афин. – "Русская мысль", 1891, кн.5, с.166–181; кн. 6, с. 73–85.
202. Новейшие наблюдения над нравами обезьян. – "Наблюдатель", 1891, № 12, дек., с. 74–88.
203. По восточному берегу Африки. – "Русская мысль", 1891, кн. 10, с. 21–36, кн.11, с. 30–43.
204. De l'etat actuel des travaux geodesiques et topographiques en Russie. – "Comptes Rendus Acad. des Sciences", 1891, t. 113, p. 844–846.
205. De la mesure du 52-e parallels en Europe. – Comptes Rendus Acad. des Sciences", 1891, t. 112, p. 512–515.
206. В стране бандитов. Две поездки в Корсику. – "Книжки недели", 1892, № 10, с. 1–24; № 11, с. 98–122.
207. Голодовки и способы их предупреждения. – "Наблюдатель", 1892, № 1, янв., с. 53–65.
208. Колумбовская всемирная выставка в Чикаго. – "Наблюдатель", 1892, № 9, сент., с. 293–309.
209. Научные новости. – "Наблюдатель", 1892, № 6, июнь, с. 265–274.
210. Русские во "Французском институте" в 1892 г. – "Русская старина", 1892, т. 73, № 3, с. 808.
211. Четырехсотлетие открытия Америки. – "Наблюдатель", 1892, № 3, с. 270–285.
212. Иллинонс и Чикаго. – "Наблюдатель", 1893, № 5, май, с.255–273.
213. Ирландия в 1893 году. – "Наблюдатель", 1893, № 9, сент., с. 27–100.
214. Современная Тунисия. – "Русская мысль", 1893, кн. 4, с. 1–19; кн. 5, с. 1–10.
215. De la mesure du parallele 47°30' N en Russie. – "Comptes Rendus Acad. des Sciences". 1893, t. 116, p. 719–720.
216. Des observations magnetiques recemment faites en Russie. – "Coraptes Rendus Acad. des Sciences", 1893, t. 117, p. 382–383.
217. Заметки о современном Египте. (Август 1894). – "Русская мысль", 1894, кн. 11, с. 122–139.
218. Индийский океан. (Его настоящее и вероятное будущее). – "Русская мысль", 1894, кн. 6, с. 1–20.
219. Современный Эль-Махреб. (Очерки Марокко) – "Русская мысль", 1894, кн. 1, с. 14–26.
220. Dirmieres recherches geologiques dans l'Altai. "Comptes Rendus Acad. des Sciences", 1894, t. 119, p. 705.
221. Mouvements de rotation observes dans une ascension aerostatique. – "Comptes Rendus Acad. des Sciences", 1894, t. 119, p, 706.

222. Observations thermometriques sur le sommet de l'Ararat. – *Comptes Rendus Acad. des Sciences*”, 1894, t. 119, p. 579.
223. Sur une ascension aerostatique effectuee en Russie. – “*Comptes Rendus Acad. des Sciences*”, 1894, t. 119, p. 579–580.
224. Из воспоминаний М.И. Венюкова. Кн. 1–3. Амстердам, 1895–1901.
– Кн. 1. 1832–1867. 1895. 419 с.
– Кн. 2 1867–1876. 1896. 285 с.
– Кн. 3. 1877–1884. 1901. 161 с.
225. Страна без прошедшего и без будущего. Триполи. – “*Книжки недели*”, 1895, № 1, с. 70–90.
226. L'île de Kildine et ses particularites hidrologiques. – “*Comptes Rendus Acad. des Sciences*”, 1895, t. 120, p. 1376–1377.
227. Sur le nivellement de precision recemment fait en Russie. – “*Comptes Rendus Acad. des Sciences*”, 1895, t. 120, p. 181–182.
228. Sur les travaux geodesiques dans le bassin de l'Amour. – “*Comptes Rendus Acad. des Sciences*”, 1895, t. 120, p. 769–770.
229. Прогулка на Балеарские острова. – “*Русская мысль*”, 1896, кн. 3, с. 21–32.
230. Северный полюс и путешествие к нему Нансена. – “*Северный вестник*”, 1896, № 3, с. 263–272.
231. Современный Мадагаскар. – “*Русская мысль*”, 1896, кн. 6, с. 104–122.
232. Recherches geoiogiques dans le Caucase central. – “*Comptes Reudus Acad. des Sciences*”, 1896, t. 123, p. 909–911.
233. Recherches hydrsgraphiques de M. Spndler dans le lac Peypous. – “*Comptes Rendus Acad. des Sciences*”, 1896, t. 122, p. 1078–1232.
234. Sur les attractions locales observees en diverses parties de l'Europe orientale. – “*Comptes Rendes Acad. des Sciences*”, 1896, t. 123, p. 40–42.
235. Sur les resultants des recherches du charbon mineral recemment faites en Siberie. – “*Comptes Rendus Acad. des Sciences*”, 1896, t. 123, p. 518–520.
236. Аннамская община. – “*Русская мысль*”, 1897, кн. 3, с. 60–66.
237. Образцовый исследователь холодных стран Мартын Конуэй. – “*Русская мысль*”, 1897, кн. 6, с. 14–21.
238. Последние полярные путешествия 1896. – “*Северный вестник*”, 1897, № 5, с. 43–48.
239. Прогулка по Сицилии. – “*Русская мысль*”, 1897, кн. 12, с. 113–141.
240. Sur les attractions locales observees dans la Fergana. – “*Comptes Rendus Acad. des Sciences*”, 1897, t. 124, p. 815–1816.
241. Sur l'etat actuel des travaux geodesiques au Turkestan russe. – “*Comptes Rendus Acad. des Sciences*”, 1897, t. 125, p. 81–82.
242. Sur les resultats d'observations mteorologiques faites en Miandchourie et dans les pays limitrophes. – “*Comptes Rendus Acad. des Sciences*”. 1897, t. 124. p. 1402–1404.
243. Левинсон-Лессинг о геологии Кавказа. – “*Кавказ*”, 1898, № 130, с. 1–2.
244. Тунис и Мальта в 1898 г. – “*Русская мысль*”, 1898, кн. 4, с. 21–35.
245. По берегам Норвегии. – “*Русская мысль*”, 1898, кн. 11, с. 23–45.
246. (Les resultats des travaux geodesiques russes en Mandchourie). – “*Comptes Rendus Acad. des Sciences*”, 1898, t. 127, p. 502–503.
247. Sur des nouvelles sources de petrole au Caucase. – “*Comptes Rendus Acad. des Sciences*”, 1898, t. 126. p. 1740.

248. Железнодорожные экскурсии по горам. – “Русская мысль”, 1899. кн. 8, с. 82–87.
249. Сардиния весной 1899 г. – “Русская мысль”, 1899, кн. 6, с. 34–41.
250. Туркестанские вопросы – “Русская мысль”, 1899, кн. 9, с. 138–151.
251. Памяти А.А. Тилло. – Новое время, 16 янв. 1900 г.
252. Иностранцы об Индии. – “Русская мысль”, 1900, кн. 6, с. 103–111.
253. Туземцы и иностранцы об английской Индии.– “Русская мысль”, 1900, кн. 2, с. 95–102.
254. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. (Вступит. статья А.А. Степанова, с. 5–26). Хабаровск, 1952, 303 с. То же, Хабаровск, 1970.

Михаил Иванович Венюков

**ПРИЛОЖЕНИЯ
К МОИМ
ВОСПОМИНАНИЯМ¹**

Писаны в 1884–88 годах в Париже²

---

¹ Рукописный отдел Института русской литературы РАН. (Пушкинский дом). СПб., Р. 1, оп. 4, № 29, 47.

² Пунктуация и орфография автора в основном сохранена.

Приложения к моим воспоминаниям

Лишние годы жизни

Байрон был прав, говоря, что порядочному человеку не следует жить более тридцати пяти лет. Антропология подтверждает это мнение, ибо с 35 лет мозг не только перестает расти, но и начинает атрофироваться. Кто в 35 лет не достиг целей жизни, или, по крайней мере, не стал прочно на путях к ним, тот смело может считать себя лишним человеком на свете. Он ничего путного, т.е. достойного памяти, не совершит и будет идти в задних рядах человечества, ибо молодые поколения, свежие и сильные, сумеют обойтись и без него. Исключения редки. Поэтому уже в 1867 году, т.е. с оставления Польши, я должен бы был признать себя лишним, но изучение Азии, с надеждою когда-нибудь самостоятельно работать в ней или для нее, увлекли меня, и я еще десять лет горячился в этом направлении, когда-то мне очень сочувственном. Цель оказалась недостижимой, и уже в 1877 году я отказался от нее, хотя и скрепя сердце и не без некоторых надежд. Теперь такие надежды были бы смешны, и потому, кончив свои “Воспоминания”, я не могу считать остающегося мне существования иначе, как лишним. Возобновлю же еще раз неоднократно деланную прежде попытку вести летопись своей жизни, точнее, событий, которые привлекали мое внимание и вызывали на умственную работу (за недостатком практической).

1884 год

1 июля – Когда были запрещены “Отечественные Записки”, в прошлом мае, то редактор Салтыков был арестован, а потом сослан в свою родную Тверскую губернию с обязательством не только жить там, но и купить имение. Эдак, дескать, будет крепче, думало правительство: а то уйдет за границу и, пожалуй, оснует там новый “Колокол”... Но это не все. Высшее духовное начальство – по словам “Киевлянина” – сделало распоряжение об изъятии из библиотек всех духовно-учебных заведений “Отечественных Записок” за целые 20 лет (1864–84).

Любопытно, что русское правительство назначает для ссылки не только собственную территорию, но и заграничные государства,

вроде того, как в 1867 г. было с гр. Шуваловым, произнесшим в петербургском земском собрании речь о кабаках и о заветной их связи с царской казной. Теперь “Евангелический Воскресный Листок” сообщает, что “религиозное братство”, во главе которого стоят Пашков и граф Корф, закрыто по распоряжению правительства, и дальнейшее издание распространяемых им брошюр запрещено. Пашков, непожелавший принять на себя обязательство воздерживаться отныне от пропаганды своих религиозных убеждений, должен выехать из России в двухнедельный срок. Точно так же высылается из России гр. Корф. Изданные братством книги и брошюры будут сожжены. — Это, конечно, потому, что пашковцы очень размножились в последнее время даже в высших слоях общества. К ним принадлежат например граф Бобринский (бывший министр путей сообщения), княгиня Голицына, генералыша Черткова и др., как о том можно узнать из статьи Пругавина в № 5 “Русской Мысли” за 1884 год.

Но гонений на свободу религиозной мысли мало дало Победоносцеву, Толстому и К⁰. Вот “Эхо” сообщает, что в приготовительный курс военно-медицинской академии вводится преподавание закона божьего. С другой стороны, ради дисциплинирования студентов и для затруднения беднейших из них вводится форменная для них одежда. Вопрос об этом обмундировании университетской молодежи казался министру народного просвещения столь важным, что он вносил особый проект закона (!) в государственный совет; но дело (?) направлено оттуда в комитет министров, где и должно рассматриваться в одном из ближайших заседаний...

10-го прошлого июня товарищ министра внутренних дел Дурново, «принимая в соображение, что газета “Восточное Обозрение”, несмотря на объявленное ей 27 октября 1882 г. предостережение, вновь начала сообщать ложные известия о действиях и распоряжениях сибирских властей, с очевидною целью ослабить у населения авторитет администрации и возбудить недоверие к ее деятельности, определил: объявить ей второе предостережение в лице издателя-редактора Николая Ядринцева”... А на что уже смиренная газетка, издаваемая человеком, который сам до мозга костей чиновник, нападающий разве на волостных писарей и вообще на мелкую бюрократическую сволочь!

Недавно я написал в “Новостях” статью о русских геодезистах, где похвалил Стебницкого и Тилло. Это, по обыкновению, возбудило зависть у штабных их товарищей, и один из них прислал мне уже второе письмо по этому вопросу. Завистливый полячок, Коверский, впрочем, обставляет свои нарекания разными извинениями и делает мне только один единственный упрек, зачем я дал своей заметке титул “о русских геодезистах” вообще. Мало этого, он как человек не глупый, хотя и ослепляемый завистью, он сам же прибавляет, что эта претензия — вздор, пустяки... Так зачем же было писать о ней два письма? и почему в первом особенно много нападок на Тилло, кото-

рый, конечно, есть самый рабочий из русских геодезистов? – Ох, Генеральный штаб! Нет такой низости, на которую бы ты не был способен, лишь бы уронить выдающегося товарища...

В Нижнем Новгороде были порядком избиты жида, конечно, за постоянные наглые плутни, но в частности еще за то, что одна жидовка утащила с улицы христианскую девочку, которую нашли в ее квартире с полным подолом конфет, которыми воровка ее заманила. Губернатор Баранов, бывший моряк-либерал, сотрудник “Голоса”, нападавший на поповки и спасенный от исключения из службы лишь благодаря своему участию в концертах Аничкова Дворца, отличился свирепостью чисто николаевского градоправителя: без следствия и суда жестоко перепорол нескольких русских и еще в печатном приказе похвалился, что и впредь будет действовать столь же “энергично”. Русские журналы упражняются теперь на эту тему об этих “легальных” и “нелегальных” побоищах, беря сторону то паразитов и энергического защитника их, то поедаемого организма. Никто, однако, не решается свести дело к его коренным причинам, потому что жида в настоящее время – сила. Любопытно, что их бьют не только в России, но в Австрии, Германии и даже во Франции, как было, например, три дня тому назад в Алжире: должно быть хороши!

В Кишиневе соорудили обелиск в память Пушкина и надо было торжественно его открыть; но оказалось нельзя. Власти местных губернатора и генерал-губернатора было недостаточно для разрешения такого важного государственного дела; нужно было ходить по инстанциям до министра, в Петербург, и добро бы еще по телеграфу, а то на бумаге. Доклады, рапорты, отношения, предписания и прочее: прошло целых три недели, прежде чем кишиневцам позволили любоваться на сооруженный ими памятник.

4-го июля. – Вчера в “*Journal des Debats*” были напечатаны сведения из России о ходе проекта университетского устава в государственном совете. Оказывается, что большинство, путем поправок, так переделало проект Толстого–Делянова, что он вышел, либеральнее головнинского закона 1863 года. Правительству оставлено только право выбирать ректора из двух кандидатов, предлагаемых университетским советом; факультеты же самостоятельные прежнего относительно выбора профессоров. Даже такой реакционер, как Победоносцев – сам бывший профессор – стал против Деляного и Толстого.

Александр III все бежит от своих подданных в море, в Данию и в Германию. Теперь уехал с женой на яхте будто бы кататься в шхеры, а в действительности – по слухам в Копенгаген или в Данциг.

18 июля – Холера делает свое дело в Тулоне и Марселе, будучи занесена туда из Тонкина, этой могилы массы французов, отправляемых туда ради поддержания “владычества Франции” (на самом же деле – корыстных афер братцев Ферри и их родственников, вроде Гавье-Шоффюра, и парламентских, биржевых и других их приятелей)

и возвращающихся оттуда — если возвращаются, больными и анемичными. Есть холера и в Париже, но тут о ней принято за правило молчать. Газеты пробовали было приводить случай смерти от холеры в городе, с именами и адресами умерших, но потом спохватились и сочли за лучшее успокаивать публику, чтобы она не разбежалась и тем не нанесла ущерба торговле. Была, дескать, ошибка в характеризовании болезни (отрицать которую, однако, же невозможно). Притом до 14 июля был особый интерес удерживать и даже привлекать вновь провинциалов и иностранцев, чтобы придать оживление национальному празднеству; а потом приходилось уже врать из-за нежелания сознаться в прежнем вранье. — Я сам был болен если не холерой, то холериной, т.е. поносом, с потерей аппетита, жаждой и пр.

Национальный праздник ознаменовался интернациональным скандалом. Проходившие по rue de Rivoli гимнасты и пр. заметили в окнах Hotel Continental немецкие флаги, заставили их снять и один разорвали, а другой сожгли у подножия статуи Страсбурга, на place de la Concorde. Зато один немец на той же площади объявил, что он плюет на французское знамя: насилу спасся. Была по этому случаю дипломатическая переписка.

В России не обходятся без динамита: “Le Temps” дала вчера, а другие газеты дополняют и подтверждают следующую депешу о динамитном заговоре в Варшаве: “Краков, 17 июля. Польские журналы дают следующие подробности об открытии замысла против царя, долженствовавшего осуществиться во время прибытия его, в четверг, в Варшаву. Во время заседания мирового суда в камеру вошел жандармский полковник и все время держался позади публики; когда заседание кончилось, он последовал за судьей Бардовским до его квартиры и, с револьвером в руках, арестовал его. Бардовский хотел кончить самоубийством, но это ему не удалось. В его квартире нашли и также арестовали одну молодую русскую женщину. У нее найдено столько динамита, что им можно было взорвать целый квартал. Цель заговора была взорвать дворец, где остановится царь. В то же время арестовали двух служивших у Бардовского, одного журналиста, Поправского, одного купца, Кона, восемь студентов и несколько служащих на заводе Лильпопа и Рау. Динамит был привезен из-за границы по пропускному виду, данному одним крупным русским чиновником”.

Большев мне прислал отчет Регеля о путешествии в Шугнан; я сообщил рукопись секретарю Парижского географического общества Монуару, который вызвался перевести ее и напечатать. Но теперь я жалею, что оказал новую услугу этой личности, которая не затрудняется делать мне каверзы. Нужно с Парижским географическим обществом поступать так, как Норденшельд, т.е. не давать ничего, а то эти господа зазнаются. Кстати о Норденшельде. Когда шведский король “пожаловал” ему какой-то орден, он вернул его

назад. Вскоре после этого Норденшельд явился во дворец со шкурою белого медведя для королевского кабинета. – “Принимаю, сказал Оскар: я не так горд, как ты, Норденшельд”.

22 июля – Еще заговор в России! На этот раз речь идет уже о попытке убить Александра III на пути его в Финляндию. Разумеется, травимый таким образом зверь по возможности кусается. Он добился у Бисмарка того, что русским, живущим в Берлине, дается таможенною полицею лишь определенный срок на жительство, с условием притом, чтобы они объясняли, зачем живут? Немцы в России, конечно, подобному условию не подлежат, да и в Германии – одни русские. Попробовал бы Бисмарк навязать подобные условия англичанам!

24 июля. В иностранных газетах продолжают появляться сведения о заговоре в Варшаве; только едва ли многое не сочиняется. Вот например, сенсационные, но слишком уклончиво изложенные известия Вены от сегодняшнего утра: “По депеше из Варшавы, обнародуемой газетой “Tagblatt”, следствие над Бардовским доказало, будто бы, “что заговор имел целью не только убийство Александра III и его царственных гостей (Вильгельма и Франца-Иосифа), но и возбуждение восстания в целой Польше. Власти, будто бы, имеют на этот счет важные документы”. Все будто бы.

25 июля. Сегодня в “Le Temps” есть известия (постоянно австрийские) о том, как открыт был заговор Бардовского. Целый роман, где главными действовавшими лицами являются петербургские барышня и студент, из которых последнему будто бы поручено революционным комитетом убить отца любимой им девушки, но который предпочел кончить самоубийством, оставить два письма и пр. Все это походит на сказку. Английский “Times”, по сведениям из Парижа (!), говорит, что открытие варшавского заговора вызвало большое изумление в парижских нигилистах, которые отрекаются от всякого участия в нем и даже отзываются полным незнанием.

26 июля. – Из Варшавы пишут в берлинскую “Национальную газету”, что арестовано уже более ста человек, замешанных в заговоре против царя, недавно открытый. Между ними есть болгары и сербы, а также два офицера гренадерского Прусского полка, капитан Тишевский и поручик Кондратов. Последние, чтобы избежать преследований, лишили себя жизни. Из числа арестованных сорок шесть человек, впрочем, уже выпущены на свободу, в числе их прокурор Чичерин.

31 июля. Так как речь идет о свидании в Варшаве или в Скерневицах Александра III с Вильгельмом и Францем-Иосифом, то из Петербурга стараются успокоить их да и общественное мнение всей Европы насчет безопасности в Польше. Именно петербургские депеши Times’a и Standard’a заявляют, что слухи о варварском заговоре – чистая выдумка. Правда, было несколько арестов в Варшаве; но ни оружия, ни динамита найдено не было.

В Берлине изгнание русских, не имеющих дозволения от полиции, продолжается, но русское посольство за них не вступается.

1 августа. Изгнание русских из Берлина продолжается, и по уверению берлинского корреспондента газеты “Le Temps”, оно не имеет связи с варшавским заговором. Напротив, мера эта будет продолжена систематически, в течение многих месяцев. “Gazette de Francfort” упрекает за это прусское правительство, говоря, что ему стыдно в такой мере слушаться внушений из Петербурга, что вот Австрия не беспокоит русских, живущих в Вене, и пр.

Извещают, что нигилист Гартман лишил себя жизни 20 июля, в Лондоне, от истощения средств к жизни. После него ничего не осталось, кроме толстых серебряных часов, которые имеют историческое прошлое. Именно, когда он, в 1879 г., под Москвою, работал над миною, которая должна была взорвать царский поезд, то ни у него, ни у Перовской, с ним жившей в домике, соседнем железной дороге, не было денег, и часы были заложены за 8 рублей. Вследствии этого Гартман ошибся во времени взрыва, и Александр II спасся.

Мне и смешно, и скучно, что эта летопись на первых порах больше всего посвящена русским заговорам и заговорщикам: но чем же больше интересоваться русскому, живущему вне России? Вся эта глухая борьба не есть ли единственное выдающееся явление современной русской жизни? Бедные мы, уроженцы России! Утешительного со своей родины не имеем ничего.

Были крестьянские волнения в Черниговской губернии, которые усмирены строгостями: ген.-губ. Дрентельн перепорол триста мужиков.

4 августа. – Вчера Sa Majeste le Hasard отличился, дав мне сразу два предостережения, из которых одно могло иметь очень печальный исход для меня лично. Днем я был в Версали и оттуда возвращался по конно-железной дороге. Не успели мы отъехать с полверсты, как наверху омнибуса поднялся шум, стали сгонять оттуда пьяного и наконец, когда он уже спускался по лесенке, его столкнули. Несчастный полетел головою вниз и ударился черепом о рельсы. Я невольно вскрикнул: около ушибленного (по счастью не убитого) собралась кучка прохожих, завязалась было брань между каким-то гуманистом-свидетелем и тем негодяем, который толкнул пьяного; но кондуктор приказал кучеру ехать дальше, и конца драмы я не видал. Ясно только, что виновных, при таком ходе дела найти было невозможно; ясно следовательно, что в самом центре цивилизации можно распоряжаться жизнью человека безнаказанно: умеи только концы хоронить в воду. Sa Majeste le Hasard относится к этим случаям снисходительно... – Вечером я все еще подумывал о несчастном раненом, как чуть было не отправился к предкам сам. При проходе моем за занавесь, который в передней у меня скрывает ящики с книгами, занавесь этот вспыхнул от свечки и быстро запылал. Продолжись пожар, вместо 15–20 секунд, минуту, мне не было бы выхода из

квартиры, кроме окон, из которых нужно было бы прыгать с двухсаженной высоты: все имущество, конечно, сгорело бы. К счастью, я успел схватить кувшин воды и очень удачно выплеснул ее на горевшее место... Могло быть и неудачно... Ночью, под влиянием обоих казусов, плохо спалось, и теперь я нервно расстроен.

Прочитал в газетах известие о разделении восточной Сибири на два генерал-губернаторства: амурское и иркутское. Таким образом проект нашей комиссии, работавшей в 1873–74 годах, наконец осуществился сполна... да ровно через 10 лет, как подобает при господстве бюрократии. Но, лучше поздно, чем никогда. Только жаль, что Забайкалье не разделили надвое: Кяхта будет теперь зависеть от Хабаровки, хотя Иркутск под боком. — Генерал-губернатором на Амуре назначен начальник 13 пехотной дивизии, Корф, бывший когда-то начальником штаба у Альбединского, в Риге. На Амуре он, разумеется, не бывал; гражданские доблести успел выказать только раз в жизни, при вырывании в Крыму зараженных филлоксерой виноградных лоз; но на что же какому-нибудь Амуру лучшего правителя? Главное, чтобы последний нравился в Петербурге, по той или другой причине... О, Русь!

7 августа. Павловский, т.е. самодурный, характер царствования Александра III высказывается все больше и больше. На днях уволен от командования конногвардейским полком князь Барятинский, с лишением звания флигель-адъютанта. Почему? — А потому, что явился на придворный бал не в красном, а в белом мундире, и на замечание, что “это не форма”, позволил себе сказать, что “думал, что он, князь Барятинский, приглашался во двор ради его самого, а не ради его мундира”. Это показалось в высшей степени дерзким, опасным для государства, и племянника знаменитого фельдмаршала вытурили из рядов царской гвардии. — Любопытно, что он теперь сделает: выйдет ли в отставку или станет в армейском мундире дослуживаться “прощения” и “возвращения царских милостей”? В России такие аристократы возможны, хотя они были родичи покорителя Кавказа и того Барятинского, который участвовал в низвержении Петра III. Не всем быть Строгановыми и Кочубеями, которые в 1850-х годах, получив от пьяного Александра II, на смотру, название дураков, не пожелали оставаться на службе, несмотря даже на последовавшее затем извинение императора.

В Саратове открыли тайную типографию какого-то “Богданова, бывшего ссыльного в Сибири”: не бывшего ли писаря-поэта в Военно-Ученом Комитете, сосланного когда-то за “политическую” деятельность, по доносу другого писаря, Савченки?

Здесь теперь Дм. Ровинский; что-то зайдет ли? Сомневаюсь. Либерализм сенаторов не может простирается так далеко. Разве допустит мой визит к себе, как-то можно заключить потому, что брат его писал мне, что он будет в Париже тогда-то и остановится в Луврской гостинице. Но такого визита он от меня не дождетя.

16 августа. Екатеринославская газета “Днепр” обнародовала алфавитный список авторов, произведения которых, на основании высочайшего повеления от 5 января 1884, не должны быть допускаемы к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях. Столичные газеты, именно “Новое Время”, только теперь перепечатаывают этот индекс, служащий отличною маркою умственного и нравственного развития современного русского правительства. Вот эти писатели: Агасис, Альминский, Арнольд, Бажин, И. Баллин, Беджгот, Бехер, Благовещенский, Бибииков, Бюхнер, Ватсон, Верморель, “Вятская Незабудка” (альманах), Гексли, Дебэ, де Роберти, Денисьев, Добролюбов, Жозан, Ю.Г. Жуковский, Засодимский, Златовратский, Золя (“Западня” и “Нана”), Искандер, Кетлэ, Кларус, Козаковский, Коллин, Ласаль, Левитов, Леббол, Лекки, Луи-Блан, Льюис, Лесков, Летнев, Лютостанский, Лэйель, Л-в, Мишлэ, Миртов (т.е. Лавров), Мержеевский, Маркс, Михайлов, Михайловский, Милль, Мошешот, Мордовцев (“Полит. движ. русск. народа”), Ф. Нефедов, Писарев, Помяловский, Прудон, Португалов (“Знам. движ. в еврействе”), Прыжов, Приклонский, П.Л. (“Мысли о социал.-науке будущего”), Пфейфер, Рошфор, Решетников, Реклю, Серен, Слепцов, Ад. Смит, Спенсер, Суворин, Сеченов, Сюдр, Флеровский, Фокт, Фуку, Цебрикова, Цилинерман (“Мир до сотворения человека”), Чернышевский (“О причин. пад. Рима”), Швейцер, Шелгунов, Шурр, Шапов и Юсман. Высочайшим повелением 5 июля изъяты из обращения в общественных читальнях и библиотеках 125 сочинений разных авторов, русских и иностранных, и следующие журналы: Современник, Русское Слово, Знание, Слово, Русская Мысль, Отечественные Записки, Дело и Устои. От содержателей библиотек отобраны подписки о невыдаче для чтения этих изданий.

Русские газеты в то же время извещают, что вел. кн. Константин Николаевич опять отправился на житье в Крым; стало быть, мир, заключенный с ним прошлою весною Александром III, не повел ни к чему. Journal de Saint-Petersbourg, со своей стороны, сообщает для сведения Европы, что “следствие, произведенное в Варшаве против революционного общества, там открытого, повело к аресту тридцати двух лиц, из которых 3 православных, 21 католик и 7 жидов; но при обысках их ни динамита, ни склада оружия не найдено, а только забраны революционные брошюры, прокламации и соблазнительные (?) сочинения”.

22 августа. Сегодня официально заявлен разрыв Китая с Францией по поводу Тонкина. Надо заметить, что французы в этом деле ведут себя как разбойники и негодяи; я бы желал, чтобы их вздули, если бы это не было слишком на руку Бисмарку, который их и толкает на разные отдаленные предприятия, лишь бы они бездействовали в Европе. За этим им на берлинском конгрессе и дозволено было захватить Тунис, что кроме хлопот и издержек по завоеванию, доставило им лишнего врага в итальянцах.

28 августа. Целые три недели я лечился, да и теперь совсем здоров. Завалы печени тревожат меня почти так же, как десять лет тому назад. Только вместо Карлсбада угрожало Виши, куда, разумеется, здешний эскулап, Лелонг, и хотел меня спровадить, на руки к коллеге и предварительно обсосав в нужной степени здесь.

Но все его лекарства, числом пять, — из которых иногда приходилось принимать по 3 и даже 4 за раз, не совсем доканали меня, и простое питье молока понемногу восстановило порядок пищеварения и отделения желчи. В Виши, следовательно, не поеду, но зато думаю уехать на всю зиму в Италию, чтобы среди развлечений искусством и отчасти природой, заняться составлением истории географии. Неприятно только будет, если Ровинский вздумает тоже приехать туда зимовать вместо какой-то Горицы, где он был назначен. Трудно сказать, от чего мы разошлись или, по крайней мере, постепенно расходимся, а факт несомненен, и мне было бы тяжело видеть его около себя всякий день. Впрочем, что будет, то будет, а вот здесь надоедает своими визитами другой россиянин и старый сослуживец, Соколов. Этот, положим, просто нищий, который приходит выпросить пять франков (за книгу, которую я ему возвращаю, чтобы он мог продать кому другому); но ведь эти господа имеют одно скверное свойство: откажи им, и они немедленно сочинят клевету и пустят по свету. Вот от подобных-то клевет и нужно на время удалиться из Парижа.

На прошлой неделе здесь, в Медоне, был опыт полета аэростата, управляемого рулем идвигаемого электричеством, помощью винта. Французы, разумеется, возликовали и стали хвастаться; но оказывается что у нас, в России, такой же аэростат тоже делается и будет скоро готов, превосходя при этом, по силе полета, французский. *Les beaux esprits se rencontrent*, и в этом причина трудности определить, кто был настоящим изобретателем или открывателем того или другого научного факта. Это — история Декарта и Снеллия, Адамса и Леверье и т.п. Впрочем, французский аэростат летал, а наш еще нет.

11 сентября. — Наконец поездка Александра III в Варшаву состоялась, а на днях состоится и свидание его с двумя соседними императорами. Сколько полицейских предшествовало и сопровождает это “царственное шествие”, — обидно читать в газетах. Пятьсот полицейских привезены из Москвы и Петербурга, чтобы усилить варшавскую полицию и без того многочисленную; в вагоны конно-железной дороги в Варшаве назначены жандармы, по одному в каждый: лавки на Краковском Предместье и Новом Свете заперты; подвалы в домах осмотрены три раза... Просто позор! И ничего! Виновики не краснеют ни от своей трусости, ни от сознания, что их все ненавидят. Мало того, они нагло бросают общественному мнению перчатку в лицо: так, в день приезда Александра III в Варшаву, официальный “Варшавский Дневник” обнаружил, на передовом месте,

высочайшую конфирмацию, по которой полковник 18-го драгунского полка барон Ренис, подполковники того же полка Самарский и пехотный Соматов разжалованы и сосланы на веки в Сибирь за принадлежность к тайному обществу.

Доживу ли я до конца этого подлого режима? Сомневаюсь. Скерпевицкое свидание, если не будет началом нового священного союза, то наверное началом усиления полицейского террора во всех трех империях. Да в придачу Бисмарк придумает еще какую-нибудь подлость во вред России: не даром же он поднялся из своего гнезда в Варцин.

Любопытно немецкое патриотическое единство, созданное прусскими штывками. Наследный германский принц вздумал было делать инспекторские смотры баварским войскам, но должен был откататься от окончания этой миссии, потому что баварцы составили заговор против этого пруссака.

17 сентября. Сегодня я соблазнился тронуть мой денежный запас и целых 2/3 его употребил на покупку панамских облигаций, в числе 10, что должно увеличить мой годовой доход на 200 франков. Зачем я это сделал? – и сам не знаю. Истраченные на покупку 3.266 ф. 50 с., раздробляя их по 200 фр. могло достать на 16 лет: неужели я проживу столько? А если нет, то не дико ли было уменьшать свой наличный капитал в пользу... наследников, которых нет? Это по-плюшкински, да и в придачу, самые эти строки как бы говорят: “русский человек задним умом...”

Русские газеты обнародовали, в последние дни, новый университетский устав, составленный Толстым и отнявший у университетов всякую самостоятельность, всякое самоуправление. Катков торжествует, образованное большинство должно бы плакать, но не смеет, а органа у него нет. Любопытна в особенности история этого устава: он провалился в государственном совете таким большинством, что за него подали голоса лишь составители его, Толстой и Делянов; тем не менее Александр III утвердил его, а не выработанный большинством совета. Предварительно он собирал на частное совещание тех же Делянова и Толстого да еще Победоносцева и, под рукою, Каткова.

Осадное положение или полицейский террор продолжены еще на три года в губерниях Петербургской, Московской, Харьковской, Полтавской, Черниговской, Киевской, Волынской, Подольской, Херсонской и Бессарабской, в уездах Симферопольском, Евпаторийском, Ялтинском, Феодосийском, Перекопском и в г. Бердянске, Таврической, городах: Саратове с уездом, Ростове-на-Дону и Мариуполе Екатеринославской губернии, а также в градоначальствах одесском, таганрогском, керченском и в николаевском губернаторствах; другими словами, безответственному произволу полиции отданы на жертву весь юг России и пять университетских городов с их губерниями... и ничего, русские “общество и народ” терпят... Правду

говаривал Н.Н. Муравьев-Амурский, что каждая нация имеет то правительство, какого заслуживает.

Упрямый осел Посьет, по-видимому, восторжествует над здравым смыслом и даже над высочайшим повелением 1879 года относительно проведения железной дороги в Сибирь из Москвы не через Нижний и Казань, а через Самару, Уфу и Челябину. Проект его основан на бессовестно подтасованных цифрах, где особенно дорого оценены мосты через Оку, Волгу, Вятку и Каму. Как будто уральские туннели будут стоить дешевле?! Екатеринбургско-тюменская линия будет впадать в Сибирскую у Челябины. Такова злоба этого глупого чужеземца на среднюю Россию и особенно на Казань, которой представители хлопотали в 1870-х годах о проводе железной дороги через их город не у него Посьета, а у министра финансов Рейтерна. Теперь, чего доброго, зайдет речь об железной дороге в Архангельск, которую в 1872 г. Посьет обещал архангельцам, еще не быв министром, а только дядькою в. кн. Алексея Александровича. Депутация из Архангельска с ходатайством об этом уже прибыла в Петербург, конечно, не без наущения Посьета.

Третьего дня и вчера, т.е. 15 и 16 сентября, происходило свидание трех императоров в Скерневицах, причем Бисмарк, Кальпони и Гирс совещались и даже, кажется, остались для совещаний на лишний день по отъезде императоров. О чем шли такие долгие речи? Разумеется о стеснении либерализма и об укреплении монархии. Реакция теперь торжествует; а к чему она способна, можно судить хоть по Бельгии, все же стране просвещенной. В середине истекшего лета там образовалось клерикальное министерство, и первым его делом было отдать школы попам, а министерство народного просвещения совсем упразднить. Откровенно!

5 октября. В Киевском университете были беспорядки. Английская газета "Standard" передает о них следующие сведения. Во время университетского праздника до тысячи студентов и столько же посторонних лиц сошлись на бульваре, около судебных мест и напали на лиц, пришедших смотреть на церемонию. Они даже атаковали солдат и полицейских и обезоружили некоторых из них (?!). Жандармам, вооруженным револьверами, они помешали употреблять последние в дело (!!!). Вечером подверглось их нападению жилище ректора, у которого были побиты стекла и переломана мебель, а один встретившийся профессор был поколочен. Ректор спасся от этой же участи только тем, что спрятался в погребу. Две сотни казаков явились на усмирение бунтовавших и была дана настоящая баталия, в которой многие "нападавшие" имели много тяжело раненых. Двести студентов и полтора ста лиц посторонних были арестованы в течение следовавшей за тем ночи; утром народ хотел освободить их из тюрьмы, но солдаты начали стрелять, и толпы рассеялись.

Standard как орган консервативный умалчивает о причинах волнения, а между тем они очень просты; студенты желали воспроти-

виться введению нового университетского устава, который университеты, храмы свободной науки, обращает в казармы просвещения, точнее помрачения. Забавно, что ради оправдания начальников, употреблявших полицию, жандармов и даже стрелявшую пехоту, консервативный английский орган, а за ним и французская буржуазно-либеральная газета “Le Temps”, выставляют везде безоружных студентов атакующими: видно, что, стоя на ложной почве нельзя не лгать до конца, хотя бы лож становилась уже нелепою и смешною. Университет в Киеве закрыт.

С 26 сентября по 5 октября я был в Виши, чтобы попить минеральных вод на месте. В самом деле, они там оказались несколько действеннее против завалов печени, чем были здесь; но я не думаю, что тут главное дело было в них, а не в непрерывных прогулках на чистом воздухе. Теперь пищеварение поправилось, желтый цвет кожи и головная боль прошли: но надолго ли? и при каких условиях выздоровление будет продолжаться? Если верить пользовавшему меня в Виши доктору Куаньяру, то для полного восстановления сил нужно 1. продолжать без конца употребление вод и дома, 2 – через год опять приехать в Виши – старая плутня, слишком уже сшитая белыми нитками.

К изложенному только на основании Standard’a сведения об киевском студенческом движении следует прибавить со слов только что прочитанных русских газет, что студенты сначала хотели протестовать против нового университетского устава в актовом зале, т.е. внутри здания, причем для полицейского вмешательства не было бы повода, но ректор решил, что в зал будут проникать только немногие, избранные студенты, по билетам. Это взорвало молодежь, и последовала описанная “история”.

В том же Киеве теперь собор южнорусских архиереев для обсуждения мер против перехода православных крестьян в штунду, т.е. в рационалистический раскол, без попов, таинств и пр. Новое вероучение грозит сильно карману попов: вот они и спохватились. Сам Победоносцев изволил пожаловать на собор: видно поповские дела плохие. Ну, разумеется, последуют грубые политические меры, за ними бунты, ссылки и пр., как всегда бывает у нас в подобных случаях.

15 октября. – На днях я получил известие о кончине матери. Ей было 84 года, но от старости ли она умерла, от болезни или от чего другого, – брат Сергей не счел нужным написать. Да и все его письмо состоит из сообщения о том, что он де один присутствовал при кончине, закрыл умирающей глаза и пр., да еще и с жалобой, что на похороны должен был занять 100 рублей, которые придется платить ему одному. Разумеется, после этого я тотчас послал от себя 50 рублей и, конечно, не счел нужным напоминать, что если он один нес расходы, то ведь и имение, вероятно, досталось ему одному. Он же сам и написал на конверте письма: “от помещика С.И.В...” О, день-

ги! – По счастью, я, во всяком случае, участвовать в разделе не хочу, как не хотел участвовать в разделе отцовской земли. Любопытно, что смерть матери последовала 2 сентября, а писал ко мне Сергей лишь 22: целые три недели обдумывал, что и как написать? Да вероятно и не написал бы вовсе, если не долг во 100 р., часть которого захотелось переложить на меня.

А, впрочем: бедный он человек и несчастные все остальные братья! Жаль их порицать. Судьба их была определена самим их рождением, от бедных отца и матери и воспитанием, которое их ничему не научило: ни теоретической науке, ни практическому делу. Их, как и меня, готовили в дворяне-бездельники, и из всех нас одиннадцати (считая четырех умерших в детстве) только трем удалось примкнуть к образованным сферам, да и то Виктор и Софья изнемогли, и кончили первый сумасшествием, вторая – чахоткой... Печальная судьба семей вырождающихся!

19 октября. – Вот содержание последних, мною прочитанных в газетах известий из России. Во 1-х, депеша в “Temps” из Петербурга, от 12 октября. Список 14 осужденных нигилистов: дворянка Мария Николаевна Фигнер, 30 лет; дочь священника Любовь Васильевна Чемоданова, 24 лет; сын священника Аполлон Иринархович Номулавский, 25 лет; Дмитрий Яковлевич Суровцев, сын купца, 30 лет; дворянка А.С. Расмоидлева, 28 лет; сын купца Владимир Иванович Ишников, 26 лет; сын доктора Василий Григорьевич Иванов, 25 лет; Людмила Алексеевна Волькенштейн, 25 лет; подполковник Михаил Юльевич Ашенбреннер, 40 л.; артиллерии штабс-капитан Николай Денисович Похитонов, 26 лет; поручик Николай Михайлович Рогачев, 27 лет; флота лейтенант Александр Павлович Стромберг, 30 лет; мичман Иван Павлович Тювачев, 23 лет, и мичман Александр Пахомович Тихонович, 27 лет. Два морские лейтенанта были друзьями и соучастниками казненного уже лейтенанта Суханова. Все были обвинены по § 249 военно-уголовных законов, за принадлежность к террористической партии Народной Воли, на смертную казнь.

Другая депеша относится к университетскому движению в Москве. Недовольные новым университетским уставом студенты собрались сначала в самом университете для составления протеста; но были разогнаны полицией, причем один арестован. Вечером они столпились на Страстном бульваре, против квартиры Каткова, которому желали устроить кошачий концерт; но тоже были разогнаны полицией и войсками. При этом арестовано: 78 студентов московского университета, 5 – петровской земледельческой академии и несколько – университета петербургского. На бульваре найдены афиши, приглашавшие студентов протестовать против закрытия Киевского университета.

Также любопытны сведения о том, как Александр III думает “улучшить нравственность” своих подданных, по крайней мере в Пе-

тербурге. Градоначальнику приказано не допускать на Невский Проспект публичных женщин, запретить доступ им в бани, и в меблированные комнаты: а начальники войск должны обязать офицеров не появляться с такими женщинами в публичных местах. Дядюшке императора, в.к. Константину Николаевичу, предложено жить с женою вместе, а не врознь, как они живут уже многие годы. Одна богатая старая дева из высшего света (уж не Антонина ли Блудова?) основала общество исправления молодых развратниц и подарила ему большое имение под Москвой. Захваченные ночные красавицы должны будут “приучаться к труду, утверждаться в добродетели и, наконец, в виде награды, выходить замуж”. За кого? – этого глубоко сентиментальная старая дева из большого света не объясняет. Кто же возьмет за себя женщину из такого “приюта”, т.е. из тюрьмы.

Из посланных мною в последнее время в “Новости” трех статей ни одна еще не напечатана. Уж не наложен ли на мои писания запрет свыше? Если так, то нужно будет принять некоторые меры.

На днях начал я историю путешествий у новых народов. Работа может потребовать год или два времени, след. будет цельное и приятное занятие; но доведу ли я сочинение до конца?

Вечер. Газета “Le Temps” передает депешу, по которой из 14 осужденных на казнь, перечисленных выше, казнены семеро: пять офицеров и две женщины, Фигнер и Волькенштейн; остальные, значит, “сохранены” для каторги. Казнь сделана не публично, а в Петропавловской крепости, но зато при ней имели удовольствие присутствовать министры внутренних дел и юстиции.

Другая депеша в “Le Temps” касается среднеазиатских дел “уверяет, что русское правительство поздравило нового вице-короля Индии, лорда Дефферина с назначением на эту должность, а английское поручило ему, пользуясь такою любезностью петербургского кабинета к его особе, – заключить с ним конвенцию о границах северного Афганистана, разумеется, выгодную для одной Англии. Какова будет новая граница России в Средней Азии, я узнаю из только что полученного письма Лессара, члена разграничительной комиссии. Основанием для ее проведения будет горчаковское соглашение 1872 года, то есть Маймене, Баих, Кундуз, Бадакшан останутся за афганцами, а России достанутся одни голые степи... Бедная! какую печальную участь готовят тебе твои же собственные дипломаты! Все бесплодное – тебе, все годное для жизни – врагам, которые, конечно, и воспользуются этим, чтобы постоянно тревожить твои пределы волнениями средне-азиатских кочевников и вообще мусульман. И хотя бы при этом наши дипломаты выговорили формальное обграничение Афганистана и с юго-востока от Индии, а то нет: они и пикнуть об этом не смеют.

23 октября. Я забыл занести на эти страницы казус, сообщенный мне из Петербурга. Сын военного министра, Вахновский, экзаменовался в Академию Генерального штаба и срезался. Вместо то-

го, чтобы просто отказать ему в приеме, как всем другим невыдержавшим экзамена, начальник академии, экс-либерал Драгомиров, поспешил отправить к Вахновскому-отцу, находившемуся в то время в Бресте, телеграмму такого рода: “ваш сын не выдержал экзамена: что прикажите с ним делать”. – И на эту подлость отец-министр, вместо выговора подчиненному за несоблюдение закона и приказа откомандировать сына в полк, отвечал: “оставить последнего в классе на два года”, хотя это запрещено уставом академии, даже для тех, которые уже приняты в нее, т.е. сдали приемные экзамены исправно и потом прослушали один курс. Военная публика была долго в волнении по этому случаю.

Гражданская или вообще грамотная русская публика, в свою очередь, задета за живое многочисленными притеснениями журналов. На первом плане, разумеется, стоит история “Голоса”.

Газете этой в прошлом году дано было третье предостережение с приостановкою на год. Когда годовой срок подошел, Краевский выпустил номер, чтобы не утратить право на издание, ибо закон гласит, что периодические публикации прекращаются сами собою, если они не выходили в течение года. Но этот выход одного номера не спас газету от запрещения навсегда, хотя весь состоял из перепечаток из Правительственного Вестника и других казенных изданий. Краевскому объявлено, что он не имеет права издавать какую-либо газету без исходотайствования нового разрешения, которое да не может быть ему дано иначе, как под условием, чтобы газета была подцензурой. Так как буква закона, да и смысл были на стороне Краевского, то он подал жалобу в сенат на произвол мин. внутренних дел. Что из этого процесса выйдет, – неизвестно; вероятно, ему не дадут хода, а между тем Толстой свирепствует и против других независимых и либеральных журналов и запретить, напр. “Страну”, которой издателем состоит Полонский.

В Шлиссельбурге казнен Минаков, который когда-то убил одного шпиона в Одессе. Уже за это он был осужден на смерть, но тогда начальство, вероятно, соvestилось казнить истребителей подлецов и потому назначило Минакова во каторгу. Он ушел с Карийских приисков и вернулся в европейскую Россию, даже в Петербург, где жил под чужим именем; однако опять был арестован при одной из полицейских облав и, быв узан, посажен в Шлиссельбурге. Тут он решился уморить себя голодом и некоторое время отвергал всякую пищу. Комendant, желавший “сохранить преступника для кровавой казни”, приказал кормить его насильно, но тогда Минаков поколотил кормившего его силою лекаря. Возник новый процесс, и Минакова осудили сначала выпороть плетью за побег, а потом повесить, что и было исполнено... “И нам толкуют о необходимости цивилизовать какое-то Конго!” – замечает по этому поводу “Impedendance Belge”.

Печать в России теперь в таком загоне, что собственно русские газеты почти не стоит читать: так они бессодержательны. Какая-то

труха, сечка из соломы и навозу, или куча доносов и кляуз, усердно распространяемых Катковым и Суворовыми. Мое имя, по-видимому, попало в index, либо из трех статей, посланных в “Новости”, ни одна доселе не напечатана, хотя касаются они предметов вовсе не политических, именно заседаний британской ассоциации ученых в Монреале и книг астронома Фая и ботаника Декандоля... Тем лучше! Игра, значит, становится открытой. Только отсюда недалеко до переезда в Швейцарию, потому что на теперешнее французское правительство рассчитывать нельзя. Оно так подло и продажно, что, пожалуй, выдаст меня всероссийскому... А забавно! На днях в Cercle Saint-Simon Вырубов говорил, мне, что “ему не позволяют приехать в Россию за то, что он сказал речь над гробом Тургенева при отъезде его из Парижа и там упомянул о Герцене”.

Кстати о Вырубове. Он был представлен мне Leger’ом и в пять минут разговора успел сообщить мне, что он – “одна из первых шпак” в Париже, что терпеть не может бонапартистов и что потому, видя в Cercle Saint-Simon Роланда Бонапарта “подает в отставку” из членов этого клуба; что притом “клуб этот – ничтожество, не занимающееся ни картами, ни политикой”, хотя последнее запрещено уставом, а первое делает честь клубу. Я не изъявил желания продолжать знакомство с такою “шпагою”, да, вероятно, и в клубе об его “отставке” не пожалеют.

28 октября. Сегодня “Le Temps”, “Le Journal des Debats” и другие газеты напечатали отчеты о вчерашнем годовом собрании Топографического Общества в Сорбонне, где мне была дана золотая медаль. Лессепс и я разыграли вчера роль кукушки и петуха. Именно он уверял публично, что “Общество счастливо, что может сегодня заплатить долг уважаемому (eminent) географу и топографу русскому, другу науки и Франции, которой он доставляет возможность с каждым днем все лучше узнавать половину Европы и половину Азии”. Я отвечал благодарностью и намеком, что “охотно служу сближению двух стран, которые обе люблю и которых нет надобности называть”. Публика обоим нам хлопала. На собрании шла речь о расширении преподавания географии во Франции и о том, чтобы в университетах были созданы три основные кафедры: геодезия с топографией, земной физики и географии в связи с историей; пока таких кафедр во Франции нет, а в Сорбонне читается какой-то необязательный курс географии каким-то Химлеем. Секретарь Топографического общества, Драпейрон, ввиду этого проектировал основать особую Географическую школу в Париже, где бы готовились, с одной стороны, ученые путешественники и учителя географии, а с другой – сведущие торговые агенты; но проект этот встречает оппозицию разных ведомств и лиц. Начальник военно-топографической части, Перье, готов, например, содействовать созданию географического института, но под условием, чтобы он состоял при военном министерстве, т.е. под начальством его, Перье. Секретарь

Географического общества, Монуар, прямо противодействует Драйперону из зависти, несмотря на то, что Президент Общества, Лессепс, высказывается за школу. Химлей боится, что с основанием школы закроют его кафедру в Сорбонне и т.д. и т.д. Так как я партизан Драпейрона, то Монуар дуется на меня.

Работа моя по истории географии у новых народов подвигается, и чтобы не развлекаться другими письменными занятиями, кажется, нелишним будет прекратить ведение этой летописи, слишком отрывочной, бессистемной и притом вовсе неисчерпывающей содержания личной жизни, не говоря уже про события, которые прямо не касаются меня, хотя и интересуют.

1886 год

Так я и сделал. Между тем, М.И. Семевский попросил меня поставить ему мой “научно-литературный формуляр”, т.е. список моих работ. Я послал ему следующую роспись, за полноту которой и сам не ручаюсь и в которой притом намеренно были пропущены сочинения, напечатанные за границей по-русски. Здесь эти пропуски пополнены. (Далее приводится список работ, лл. 14–18)¹.

Список этот, как я уже сказал, неполон; и не только потому, что о некоторых работах я забыл, не имея их текста пред собою, но и потому, что про некоторые умолчал намеренно. К числу последних принадлежат напр. мои философские этюды о связи географии с историей, которыми я лечился от нравственного сотрясения 1860–1861 годов, в Ставрополе и в лагерных палатках за Лабою и Белой. В них, как я вижу теперь, есть немало дельных замечок, есть даже руководящая мысль, но нет научного плана. С последней точки зрения едва ли не выше их следовало бы поставить корпусную тетрадь аналитической геометрии, которую я написал, находясь в лазарете или в пустые часы в классах, или в роте, в 1846 году, по программе, превосходившей корпусную; но это была простая компеция из двух-трех учебников, только отличавшаяся от них сжатостью изложения, какой уже впоследствии мне не давалось достигнуть ни в одном моем сочинении. Видно, что в 16–17 лет голова была свежа и сообразительна. К этому математическому упражнению можно присоединить несколько поэтических или, собственно лишь стихотворных, напр. переводы на русский язык Марсельезы (дов. удачный) и сатиру “Реформированные Россияне”, написанную мною в 1886 году, под влиянием желчного раздражения на соотечественников. Наконец я отметил “Исторические Очерки” как сочинение неоконченное, но это неточно: недостающие в печати эпилог и вторая половина 3-го тома имеются в рукописи; только печатать их при жизни неудобно,

¹ М.И. Веников приводит список своих работ с 1852 по 1888 г., в том числе и рукописи. Все опубликованные статьи вошли в библиографию работ Веникова.

чтобы не отравить последнюю постоянными опасениями личных счетов и неприятностей.

Теперь, чтобы закончить этот перечень моих умственных работ, я должен упомянуть: 1. о лекциях, слушанных в С.П.Б. университете, военной академии, Женевском университете, Сорбонне, Музее, Gollege de France, Горной и Антропологической школах в Париже; 2. о деловой переписке, в штабе сибирского корпуса и в Польше особенно; 3. о частной переписке довольно объемистой, хотя большею частью истребленной. Все это порядком истощило мой мозг.

1888 год

8 января. Париж. – Пуста до отвращения, бессодержательна моя современная жизнь. Тщетно я делал в последние годы большие поездки в северную Африку (1895), в южную Америку (1886), на Панаму (1887), – рассеяться удавалось лишь на короткое время; да и то утешение покупалось слишком дорогою ценою: большими издержками и морскою болезнью. Ясно, что пора рассчитаться с жизнью, как с вещью ненужною, пора перейти из органического мира в минеральный. Во ожидании подлежащего момента можно бы, конечно, продолжать “Мои воспоминания” или хоть “Летопись”, благо нашлись тетрадки той же бумаги, на которой они писаны, но не стоит труда. Такая пошлость и, большей частью, такая грязь, что вспоминать о миновавших и минующих событиях значит даром раздражать нервы. Особенно отечественные “провинциальные кумушки” и “столичные соглашения” стали мне противны за последние годы. Двух из них – и еще студентов! – Котляревского и Корелина, я поймал, в прошлом 1887 году, у себя в передней шпионствовавшими; и как они пустились бежать... Третьего, генер. шт. полковника Костенку, в 1886 г. запретил принимать, потому что он соглашения свое простер до чтения моих писем, лежавших на столе: и когда я поймал его в этом шпионском деле, то он поспешил заметить: “какой у вас прекрасный почерк!”¹. От четвертого, Ровинского, которого десятки лет считал человеком честным, должен был уехать из Монтре не простясь, потому что не только мне, заезжему, но и жившим там русским он представлялся “наблюдателем”... “Живет в гостинице, где почта и телеграф, как раз у железнодорожной станции, где можно видеть всех приезжающих и отъезжающих, но для завтрака и обеда шляется по разным другим гостиницам”, – так отзывался о нем случайно встреченный в Монтре

¹ За это я проучил его, рассказав, как в 1862 г. граф Евдокимов предлагал мне место начальника штаба в одном из отрядов. – “Это место по праву принадлежит офицерам генерального штаба, а я строевой, мне лучше командовать батальоном”. – Все так, почтеннейший, отвечал граф, да мне нужны хорошие сведения о местности и неприятеле; вы в собирании их искусны, а офицеры генерального штаба больше любят собирать сведения друг о друге... (т.е. шпионить и сплетничать). – Вследствии этого разговора я и получил 2 сводно-стрелковый батальон.

молодой человек, которого я когда-то знал в Женевском университете, и прибавил: здесь все его считают за “наблюдателя”, поэтому иные не ходят в казино, где он пристраивается по угольным часам, будто бы читая “Новое Время”. Лично я в его соглядатайских наклонностях имел случай убедиться в бытность его в Париже, когда он жил в комнате рядом с моею и все подслушивал и подсматривал: что я делаю?... Трех других шпионов, на этот раз официальных, Куна, Грюна и Лёзевица, я должен был опубликовать в газетах, и двое первых, в ответ на мое обвинение, признались в своем ремесле, даже письменно¹ похвалились им: “Мы де убежденные слуги отечества” ... Подло, гнусно и, что всего хуже, чуть не повально! Даже так называемые “лучшие” россияне так и лезут либо в соглядатаи, либо в нравоучители-прокуроры. Чтобы положить конец их нашествиям в мои владения, я должен был написать на входной двери приглашение к посетителям из русских: не беспокоить меня вопросами о мне самом и моих делах; но и это не помогло, потому что напр. редактор “Новостей”, Попович, делав мне первый визит, объявил прямо, что “до него мое предостережение не относится и что он смело предлагает мне вопрос: чем я занимаюсь?” ... – А Костенко, несмотря еще и на мое устное приглашение не делать допросов, нагло выпытывал: “думаю ли я вернуться в Россию или остаться навсегда за границей?” ... – Да что русские, большею частью лишенные нравственного такта или дурно воспитанные, болтающие зря, что придет в голову, – а многоумные и кичащиеся светским лоском “законодатели общежития” французы, – что они такое? – Плуты, хвастуны, шпионы, нахалы, эксплуататоры, все, что хотите в этом роде, от бывшего президента республики Гревви с его зятем Вильсоном до последнего извозчика, не хотящего платить Вам сдачу, под предлогом неимения мелочи, от первых министров, вроде Фори и Рувье, до последнего гарсона в кофейных, от герцогов и князей, вроде Брольи и Мюрата, до простых эписье. Особенно отвратительно в них теперешнее ухаживание за русскими, которые будто бы должны, ценою крови и огромных расходов, помочь им – противникам 1812, 1854, 1863 и 1878 гг. – отнять у немцев Лотарингию и Эльзас. Кичаться они республикой, да еще демократической, и поют при всяком удобном и даже неудобном случае: “Боже царя храни”², ухаживают за нами и в то же время высокомерничают с нами,

---

¹ Гектографированный их манифест был рассылаем всюду за подписью архишпиона Заграфа: “Одобрено для распространения в России и за границей”. Экземпляр есть и у меня. Манифест этот имеет вид письма к издателю женевского “Общего Дела” Ельпидину, где и этот индивидуум обвиняется в шпионстве, на что приводятся фактические доказательства... Хороши соотечественники!

² “Боже царя храни!” исполнялось хорами музыки не только в официальных случаях. напр. в 1875 г. на общем собрании Географического конгресса, в присутствии президента республики – Мак-Магона причем еще всю публику заставили стоять; но более обиходных обстоятельствах, напр. на собрании ученого клуба Cercle Saint-Simon, и даже в казусах, вовсе недостойных царского величия, напр. на представлениях в цирке, повторявшихся изо дня в день.

как с полуварварами; высокомерничают и не брезгают нашими грешками, когда их можно приобрести, даже нечестными способами, как напр. сделал со мною профессор в College de France, Леже, получив с La Grande Encyclopedie гонорар за мою статью о Байкале и даже подписав ее своим именем; корчут приятелей и распускают на стороне подлые слухи, как секретарь географического общества, Монуар, который выставил меня тайным военно-политическим агентом и тем повел к чтению моих писем в “черном кабинете” парижского республиканского почтамта, даже к покраже наиболее интересных из них...¹ Из этих писем он, впрочем, узнал, что я давно разглядел в нем “приобретателя” и потому, разумеется, презираю его.

Да! В сторону внешнюю жизнь, хотя бы и происходящую в так называемом центре цивилизованного мира, среди шума текущих событий. Попробую ввязаться за свой внутренний мир, разумеется, не для выпренных психологических разглагольствований а la Пирогов или даже симпатичный, несмотря на болезненные фантазии, Л. Толстой, и не с тем, чтобы сентиментально или тщеславно “раскрывать свою душу” а la Руссо, а чтобы ответить самому себе: к чему, к каким положительным выводам привели меня 56 лет существования? И как ни странна форма изложения научно-философских убеждений “по пунктам” – точно в уставе о военных упражнениях, – прибегну к ней, ибо она не допускает неясностей, экивоков, софизмов, вообще лжи перед совестью.

---

1. Вселенная беспредельна.

Как ни проста эта мысль, но ее приходится еще повторять. Ведь не далее 1884 года астроном Вольф, на лекции в Сорбонне, говорил, что “вселенная имеет пределы”. Ему как бы не приходило в голову спросить себя: а за ними что?

2. Вселенная сплошь занята материей или веществом, то разреженным и легким как эфир, то сгущенным, как тела твердые.

Нигде нет и не может быть ни малейшего участка пустоты, и не потому, что “природа не любит ее”, как думали древние, а потому, что расширение газов до бесконечности, если есть место, есть общий закон: всякая пустота была бы немедленно наполнена ими. И если на небе местами (напр. в Южном Кресте) встречаются совершенно черные пятна (угольные мешки), т.е. пространства, по-види-

---

¹ Монуар воображал, что я, став членом Парижского географического общества, подарю ему свою библиотеку, которой бы он распорядился по-своему, но обманулся в этой надежде и потому мстит мне разными каверзами, между прочим и распространением слуха, что я – тайный военный агент. Украденное письмо, к нач. аз.ч. гл. штаба, содержало извещение о том, что весною 1888, при вступлении на германский престол миролюбивого императора Фридриха III, французское правительство посылало в Берлин генерала Бильо предложить немцам за уступку Меца, нейтралитет Франции во время германорусской войны. В это время французы готовы были даже заключить с немцами таможенный союз, но за это требовали уже и Эльзаса... Бельгийский король тут сводничал из-за денег на Конго.

мому, пустые, то это лишь потому, что в этих направлениях нет звезд или других светящихся тел, но эфир есть.

3. Материя неистребима и потому вечна.

Эта простая мысль, так хорошо высказанная основателем современной химии, Лавуазье, а задолго до него многими греками, выводит из себя глупцов, которые полагают, что естественнее признать, что “природа создана богом из ничего”. На что бы, кажется, одну бесконечность непостижимую нашим умом, т.е. вековечный и беспредельный мир, объяснять другою бесконечностью, творцом его? – а есть люди – и еще огромное большинство, – которые без такой гипотезы обходиться не могут. Так она сильно привита их мозгам воспитателем пресловутой схоластической теорией причинности и многовековою наследственностью. Льюис хорошо изложил слабые стороны теории, ставящей, вместо материи с ее физическими свойствами, как конечную причину, нематериального бога (см. его анализ учения Канта), но спиритуалистам нейдет, и среди них есть даже такие умные люди, как Кювье, Пастер и т.д. – Китайцы едва ли не одни издавна отделались от идеи о божь-творце, хотя и сохранили множество мистических предрассудков.

4. Вековечно и движение вещества, естественное следствие притяжения и химического родства частиц его.

Если бы в природе существовало только две материальные частицы, то они взаимно притягивались бы и двигались на встречу одна другой по прямой линии. Имей одна из них собственное движение в сторону, произошло бы вращательное движение ее около другой по одной из кривых второго порядка, которое бы и продолжалось бесконечно. Но раз есть третье тяжелое тело, – ни прямолинейное, ни правильно-криволинейное движение невозможно: возникает неразрешимая “проблема о трех телах”, которой неразрешимость-то и соответствует бесконечности самых разнородных частичных движений, особенно если взять в соображение, что в природе есть не три только частицы, а бесчисленное множество. Наиболее замечательными из этих разнообразных движений являются, для нашего ума и для изучения физики вращательное и дрожательное (волнообразное и др.). Первое мы наблюдаем в спиральных туманностях, открытых лордом Россом, в мелких сфероидальных Бутингах и во всех планетных системах; второе лучше всего изучено в свете и звуке, но вероятно, составляет сущность явлений электрических, магнитных, быть может, даже некоторых физиологических, напр. передачи впечатлений и рефлекса по нерву.

5. Сумма всех частных движений, совершающихся в природе, есть величина постоянная не уменьшающаяся, не возрастающая.

Это и служит причиной так называемого закона сохранения энергии. Движение может стать незаметным в одном месте, но зато непременно обнаружится в другом, хотя бы отличном от прежнего вида (напр. в виде теплоты и света при ударе огнива о камень, ох-

лаждении тела, на которое льют быстро испаряющиеся эфир и т.п.). Вообще, запас движущей силы, нужной, чтобы произвести данное явление, абсолютно равен количеству движения, которое обнаруживается во время этого явления. Вся механика основана на этом законе, да и не одна она, а, можно сказать, все бытие, не исключая и органической жизни.

6. Взаимное притяжение и химическое сродство суть основные свойства материи, ими объясняются все явления в природе, не исключая и нервных.

Иногда пробуют Ньютону закону о взаимном притяжении тел, сближающем их, противопоставить гипотезу о внешнем давлении на тело, также сближающем их и происходящем от среды (упругого эфира), в которой сближение совершается. Делают это для того, чтобы заменить в уме неясное представление о сущности притяжения чисто механическою идеею. Но едва ли это так. Во 1-х, для объяснения внешнего давления опять потребуются гипотеза о сущности производящей его силы, а во 2-х, мы видим, что притяжение свойственно каждой частице вещества, без различия, будет ли она окружена средой или нет; наконец, в 3-х пропорционально массам (т.е. объемам, при однородности притягивающихся веществ), а не поверхностям. Химическое родство есть только один из видов притяжения, обуславливаемый относительными весами частиц разных веществ и главное их формою. Тут – широкое поле для будущих исследований по частичной физике, химии и кристаллографии, исследований едва начатых и притом не всегда идущих по единственно верной дороге наблюдений, опытов и подчинения их математическому анализу.

7. Мы не можем сказать, при настоящем состоянии химии, суть ли так называемые химические элементы (кислород, сера, железо и пр. числом до 70) действительно простые, неизменные по существу и различные по природе тела, или только видоизменения одного и того же вещества: вероятнее – первое.

В недавнее время Крукс касался этого старинного вопроса, конечно, увлекаемый мыслию установить единство природы, точнее, ее химического состава. Есть, однако, множество вероятностей, что химические элементы, хоть и не все, суть действительно различные вещества, а не то, чтобы метаморфозы одного основного элемента, обуславливаемые математическою формою частиц и степенью сгущения их. Алхимики думали именно то, что готов допустить Крукс, т.е. что золото и сера – одно и то же, но никогда ни им, ни кому другому не удавалось обратить не только серу в золото, но и никель в кобальт, на родственность которых, доходящую почти до тождества, ссылается Крукс.

8. Всем химическим элементам и многим сложным веществам в твердом состоянии свойственны определенные, постоянные кристаллические формы. В жидком и газообразном состояниях атомы,

вероятнее всего, имеют округленные формы, шарообразные, эллипсоидальные и т.п.

Законы образования этих форм в связи с физическими свойствами вещества, однако, еще не найдены; также и многочисленные явления диморфизма и изоморфизма не объяснены по существу. Вообще, связь химических качеств тел, их математических форм и физических свойств еще не установлена с научною точностью. Попытка Менделеева установить естественные группы элементов с определенными физическими свойствами, очень важна (она уже и нашла оправдание в открытии галлия); но впереди химикам, физикам и кристаллографам тут еще много работы. Когда она совершится, химия станет математической наукой, как механика, оптика и астрономия, а успехи ее поведут к объяснению формирования всех сложных веществ как минеральных, так, конечно, и органических.

Приписывать жидким атомам или частицам округленную форму заставляет не только гидростатика, но и отличительное качество жидкостей – подвижность, ни при какой другой форме частиц не достижимая. Что в парообразном состоянии частицы тел шаровидны, доказывают оптические явления в атмосфере (круги около солнца и луны и т.п.); они же подтверждают и шарообразную форму водяных капель, без которой теория радуги не сходилась бы с действительностью. Осадки паров на холодных поверхностях слагаются из частиц круглых.

9. Расширение тел при нагревании есть следствие увеличения размахов каждой частицы от передачи телу избытка теплородной энергии (т.е. дрожательного движения) извне, от тела уже горячего.

Первоначальный источник тепла есть обыкновенно горение или другой химический процесс, при котором два соединяющихся или разъединяющихся вещества приходят в частичное движение, передаваемое окружающей средой телам соседним, иногда весьма отдаленным (напр. солнце–земля). Иногда впрочем, теплота возбуждается без химического процесса, трением или ударом одного тела о другое: во всяком случае, чтобы произвести теплоту, где ее не было, нужно привести движение частиц материи. В этом основа механической теории теплоты, причем, естественно, соблюдается закон механики относительно равенства действия противодействию.

10. Звук, теплота и свет суть явления механически сходные и соответствуют волнообразным движениям воздуха, эфира и вообще вещества, в котором они обнаруживаются. Отсюда выходит, что можно установить параллелизм между понятиями высоты тона (пронзительности, звука), высоты температуры и яркости света. И та, и другая соответствуют высоте волны, тогда как тембр звука и цвет луча зависят от длины волны. Великое открытие Френеля, его способ определения длины световых волн, к сожалению, еще не приложен к изучению волн звуковых и теплородных, особенно последних, ибо размеры волн звуковых нам известны из наблюдений

иного рода, а о размерах теплородных мы ничего не знаем, кроме того, что они крупнее световых, потому что при разложении солнечных тепло-световых лучей призмою теплородные волны лежат у красного конца спектра и даже вне его, вообще же в этом спектре длина волны увеличивается от фиолетового конца к красному, согласно с измерениями Френеля.

11. О свойствах частичных движений, происходящих при явлениях электрических, магнитных и нервных, мы ничего не знаем; вероятно, что они поступательно-вращательные, по спиралям.

В цилиндрической Гейслеровой трубке частицы разреженного газа, при прохождении сквозь него, вдоль трубки, электрического тока вертятся именно по винтовой спирали, что легко наблюдать.

Кроме того, сходство магнитов со спиралевидными соленоидами приводит к мысли, что и в них господствует частичное движение по спирали, вокруг оси магнита. Жаль, что со времени Ампера этот вопрос мало разрабатывался, хотя электрическими и магнитными явлениями занимались такие сильные умы, как Гаусс, Фарадей, Томсон, Максвелл и пр. – Нервные токи слишком похожи на электрические, чтобы в них не видеть распространения сотрясений вдоль нервных волокон по спиралям же: но это – одна догадка.

12. Несмотря на кажущуюся рознь между движениями световыми, теплородными и магнитно-электрическими, они могут переходить одно в другое. Это так называемая теория единства физических сил, установленная и распространенная особенно в сочинениях Грове и Секки.

Как именно поступательное движение или вращательное движение переходит в волнообразное, механика еще не научила порядком, но факт раскаления добела, до свечения различных тел электрическим током известен всем. И наблюдения Фарадея над светом, возбуждаемых в кристаллах, подверженных действию электромагнитов, не забыты еще. Да и вообще, ныне нет уже споров, что теплота, свет, электричество и магнетизм – в сущности одно и то же: частичные движения разных форм, способные переходить из одной в другую. Только притяжение с его следствием, упругостью тел стоит в стороне от группы четыре названных “физических сил”, хотя падение тел одно на другое и трение способны производить не только теплоту и свет, но и электричество. Нервные сопряжения и соответственные им ощущения и рефлексы (акты психические) возбуждаются всякого рода влияниями: ударом, давлением, трением, звуковыми волнами, теплотою, светом и электричеством; магниты оказывают влияние на нервных больных, перенося паралич с одной стороны тела на другую.

13. Почти вне области физико-химических процессов, т.е. разного рода движений, стоят явления сознания; однако и они, изучаемые разумно, т.е. начиная с простейших, начинают представляться, не гипотетически, а научно, актами движения материи. Ничем другим они, конечно, и не могут быть.

Не только в животных, но и во многих растениях совершаются как рефлекторные, так и прямо произвольные движения (в спорах, водорослях, в листьях мухоловок и пр.); а это явление и суть главное отличие психической, сознательной жизни от простого, минерального существования относительно постепенного развития психических способностей животных вместе с усовершенствованием организма, собрано теперь множество доказательств: см. особенно книгу Романеса. Очень толковое определение места человека в ряду других животных можно найти в книгах многих дарвинистов: Гексли, Бюхнера, Фохта. Вся парижская антропологическая школа работает для постановки человека на надлежащее место в природе, а не вне ее, в одной шеренге с обезьянами и инфузориями, а не напротив их в виде командира, хотя, благодаря развитию центральных органов нервной системы, человек и может повелевать земной природою, разумеется, изучив законы, ею управляющие. Важнейший из них: постепенность всякого развития, без катастроф и скачков: дарвинова теория эволюции и трансформизма.

14. Органическая жизнь есть совокупность физиологических, т.е. физико-химических, процессов, составляющих необходимое следствие организации и поддержания обмена веществ в организме. Она не имеет какой-либо идеальной, внеземной цели, а есть результат сгруппирования известных веществ в простую форму клеточки, постепенно осложнившуюся и усовершенствовавшуюся под влиянием борьбы за существование и благоприятных географических и других условий.

Определение жизни издавна ломало голову философам, которым непременно нужно нечто головоломное для выставления себя мудрецами: даже многие физиологи заражены этой магией. Это все следы религии, метафизики и схоластики, до которых положительной науке нет дела. Органическая жизнь тем отличается от минерального существования, что: 1. основной тип организма есть клеточка, разрастающаяся, хотя и за счет внешней среды, но изнутри, через поглощение пищи, тогда как минеральная особь, кристалл, если растет, то извне; 2. химические элементы, входящие в состав клеточки, суть главным образом: углерод, водород, кислород и другие немногие металлоиды, тогда как в кристаллах главную роль играют металлы; 3. в кристалле, по его сформировании, нет внутренних, частичных движений, он мертв; а в клеточке совершается непрерывный обмен вещества, прилив одних, удаление других, формирование новых веществ и притом в виде разнородных тканей, а не однородной минеральной массы; как только этот обмен, это движение частиц прекращается, живое вещество становится мертвым; 4. жизнь клеточки, а затем и более сложного организма, который из нее разовьется, требует, как необходимого условия, присутствие жидкой воды и воздуха, кристаллы образуются при отвердении минеральных масс, обыкновенных без присутствия воздуха, а часто и

воды; 5. кристалл ограничен плоскостями, клеточка – кривыми поверхностями; 6. в кристалле нет ядра, клеточка всегда таковое имеет, и оно служит средоточием жизненных процессов.

Заметка об отсутствии цели у органической жизни требует пояснения. Сделать ее следовало потому, что все метафизики, богословы и моралисты лезут из кожи, чтобы доказать необходимость таковой...необходимость, разумеется, для их теории человеческого бытия, земного и загробного, с богом, чертом, раем и адом, с моральными сентенциями и законами, с судьями и палачами, с церковью, попами, полицией и пр. Они так нелогичны, что не замечают нелепостей своих учений, которые все основаны на преследовании именно такой-то цели жизни, особенно человеческой. Им, как не натуралистам, напр., и в голову не приходит, что если есть рай и ад для человека, то почему же его не полагается для обезьян, кошек, ящериц и всех прочих существ, одаренных произвольностью движений? Они никак не думают о противоречиях, возникающих из гипотезы бога, всемогущего и всеблагого, но допускающего зло, вероятно, чтобы потом мстить за него, бога, без которого: 1. у человека волос с головы не спадет и который 2. будто бы, представил человеку свободную волю, т.е. сделал его ответственным за малейшее действие... В естественноисторическом смысле слова: цель жизни если и могут быть употреблены, то в одном значении: все живое целью своей деятельности имеет поддержание индивидуума и породы на земле, а не где инде. Если для этой цели животные, и в том числе люди, соединяются иногда в общества (муравейники, рои, стаи, стада, государства), то неизбежно возникают условия общежития, мораль, ограничивающая природный эгоизм неделимых, но все же до такой степени условная, что понятий добра и зла, правого и неправого по существу еще никто порядком не определил и что действие, признаваемое в одних обстоятельствах, нередко признается злым в других. Спиритуалисты, как противники естествознания, не хотят признать той простой истины, что моральные начала гражданской жизни суть не более, как результаты внушений, получаемых с детства и становящихся наследственными, первоначальным же источником имели устранение и регуляризацию столкновений между неделимыми. Моралисты не желают признаться, что если бы человек был на земле один, без друзей и противников, то не было бы преступлений, даже самих понятий о добре и зле, а затем и всей морали, с судьями, палачами, нравователями, попами, церковью, раем и адом. Они так ограничены, вследствие привязанности к началам, дошедшим по преданию от веков варварства, что наполовину верят нелепости, сказанной Гегелем, будто "преступник не только подлежит наказанию, но и имеет право его требовать".

Ну вот и основы философии, т.е. понимания природы неорганической и живой, даже мыслящей. Конечно, я многое пропустил, но и с этим запасом основных законов и понятий можно пуститься в крат-

кое обозрение главных результатов науки, по всем ее отраслям, имеющим точную диалектическую основу, т.е. математику, наблюдение и контрольный опыт. Пойду теперь в эти отдельные сферы приложения основных законов природы: это будет хорошим “повторением пройденного”, пересмотром приобретенных знаний и убеждений, ради отброса сомнительных и ложных и ради систематической укладки в мозгу остальных. Начну с математики.

15. Положения, доказательства и выводы чистой математики в огромном большинстве случаев непогрешимы, т.е. истинны абсолютно; но есть немало и “сделок с совестью” или решений, приближительно и даже лишь вероятных.

Уже в арифметике излагаются теории извлечения приближительных квадратных и кубических корней, непрерывных дробей и т.п.; в геометрии преподается теория пределов, в алгебре вводятся для облегчения вычислений, с утратой их точности, логарифмы, ряды и т.д. Высшая математическая, то есть дифференциальное и интегральное исчисление, особенно в приложениях к исследованию явлений природы – почти сплошь ограничивается искажением приближенных решений, даже нередко доказывает невозможность точных. Теория вероятностей, хотя и излагается математически, но конечно, не может претендовать на точность выводов: она может даже и иногда вводить в заблуждения, так что применять ее к решению научных вопросов нужно с большой осторожностью.

С тех пор, как Декарт ввел приложение алгебры к геометрии, а Лейбниц, Ферма и Ньютон основали анализ бесконечно малых величин, математика утратила много очевидности, ясности, которая пленяет ум при чтении древних геометров и отчасти самого Ньютона. И это не потому только, что она ныне занята решением таких сложных задач, которые были недоступны древним математикам, а потому что она предпочитает исключительно алгебраический путь выкладок геометрически начертательному. Теория функций, теория чисел и много других отделов высшего анализа имеют запах схоластики, и, например доказательство, помощью исчисления, что прямая линия есть кратчайшее расстояние между двумя точками, просто смешно, и именно потому, что оно выставляется чуть ли не венцом математического знания. (См. *Lecons d'Analyse, par Sturm*, где эта теория заканчивает книгу).

Тем не менее, математика есть необходимейшая из всех наук для каждого, кто? 1. хочет приучить свой ум к строгой логике, ради охранения себя от дурачения разными софистами, 2. желает изучать законы природы и их приложения к жизни. Какую печальную картину представляют в диалектическом отношении люди, незнакомые с математикой и даже не любящие ее, напр. юристы и филологи! Они иногда бывают от природы очень умны, но почти постоянно впадают в софизмы, преувеличения, искажения истины, именно потому, что не приучены переводить свои понятия в формулы, гово-

речь языком цифр, хотя бы в пределах теории вероятностей, если, по недостатку данных, нельзя употребить точного анализа. Они, да и иные педагоги, забывают, что приучение мозга с детства судить осмотрительно, взвешивая каждый факт или вывод из суждения как нечто выражимое числами и подлежащее контрольной выкладке, есть единственное средство избежать крупных логических ошибок в зрелом возрасте. Пустословие, софистика, я полагаю, станут совсем невозможны, когда люди, по совету Спинозы, станут каждый вопрос, — да не на словах, а на деле, — разбирать и решать как математическую задачу и, в случае недостатка, для решения нужного числа точных данных, откровенно сознаваться, что они пока не знают дела, что задача до времени им даже вовсе не разрешима. У математиков таких вопросов, как известно, немало, и они нисколько не краснеют за признание невозможности найти квадратуру круга или геометрически разделить угол на три равные части, напротив, в сознании этой невозможности их сила. И если бы все другие науки умели указать, что в каждой из них не может иметь точного решения, — какой бы огромный выигрыш был для нашего ума, нередко втуне вертящегося около подобных проблем и через то лишаящегося своей ясности вступающего на ложный путь.

16. За чистою математикою, в порядке всеобъемлемости и точности следует механика. Ее основы и должны быть изучаемы с возможно раннего возраста, конечно, в самом общедоступном виде, особенно же при начале изучения физики. Для людей, желающих посвятить себя изучению природы, всего важнее узнать теорию частных движений, особенно колебательных и вращательных.

К сожалению, это последнее условие, при современной системе преподавания, почти вовсе не соблюдается. Изучают простые и даже очень сложные машины, а механика материальных точек в пренебрежении и излагается едва в нескольких общих фразах или же переносится на самый конец курса, как самая высшая отрасль знания. Только из акустики и оптики молодой человек узнает, в чем состоят сотрясательные и волнообразные движения, да и то подчинить их вычислению обыкновенно не умеет (и многие учителя тоже). — Кроме молекулярных движений, неизбежных между тяготеющими друг к другу частицами произвольных форм, механика должна также бы взяться серьезно за изучение того влияния, которое оказывают на частичное притяжение (*ergo* и на химическое сродство) разнообразные геометрические формы мельчайших подразделений материи: этим было бы положено научное основание кристаллографии, а может быть, и наук о сущности химических явлений.

Затем, весьма важно внушить начинающему изучение механики закон живых сил или передачи работ так, чтобы в молодом уме прочно утвердилось убеждение, что сила никогда не утрачивается, а только более или менее раздробляется при производстве действия, и что задача практической механики в том и состоит, чтобы при этом

раздроблении употребить наибольшую часть силы на работу полезную, а все препятствия по возможности ослабить. Самый нематематический ум тогда поймет общую теорию машин, и практическая механика не будет наводить ужаса на учеников, как нередко бывает теперь. Имея руководящую нить в голове или в руках, легко будет понимать сущность каждого механизма, а не останавливаться в тупом удивлении перед какими-нибудь часами или локомотивом. Разумеется, при этом начальном изучении механики нужно избегать употребления большого числа отвлеченных формул и выкладок, да в них нет надобности, ибо они легко заменяются разными наглядными опытами, убедительными для всех, хотя теоретически и не обобщающими положений науки, а только подтверждающими их. Два, три поколения молодежи, обученной механике подобным образом, — и всякая сбивчивость понятий о действии сил, о причинах явлений исчезает, всякие таинственные силы, невесомые начала, внеземные влияния станут общепризнанными нелепостями; мистицизм искоренится, и люди получают привычку везде доискиваться до причин реальных, простых, подчиняющихся вычислению, перед которыми, следовательно, незачем останавливаться в тупом удивлении, недостойном существа мыслящего.

17. Особенно важно приложение теоретической механики к основной отрасли естествознания, физике, и притом ко всем отделам ее.

Явления статики и динамики твердых, жидких и газообразных тел, а также многие явления притяжения (тяготения, земной тяжести, сцепления, капиллярности и упругости) ныне все подведены под механические законы; также оптика и акустика — вполне математические науки, но в изучении электричества и магнетизма введена не математика, а математическая схоластика, которая также бесполезно и бесплодно играет формулами, как краснбай-адвокат словами. Конечно, это происходит от того, что мы не знаем, из наблюдений и опыта, свойства частичных движений, производящих электрические и магнитные явления, и следовательно не можем составить основных формул, выражающих эти движения; но тут то и важно было бы не вводить вовсе математику в дело, чтобы не затемнить его более прежнего. Современная бестолковщина в изучении электрических и магнитных явлений идет с появления, в 1841 году, Гауссовой теории магнетизма, где он ввел в научный оборот слово “потенциал”; с тех пор, и особенно в последние годы, все, самые посредственные физики завелись своими потенциалами, не особенно заботясь о том, какое реальное значение это слово может иметь в том или другом случае. Отсюда нередкое непонимание самими авторитетными профессорами (напр. Маскаром, College de France), того, что они излагают слушателям, даже тех формул, которые они пишут в аудиториях на досках. Вместо того чтобы заняться придумыванием такого простого ответа с электричеством, как Френелев со светом, они путаются сами и сбивают других сложными выкладками

для определения деятельности очень сложных машин. Может быть, электрическая техника от этого и выигрывает (хотя я не знаю – в чем); но теория электричества, продолжает стоять на той точке, на которой ее оставили Ампер, Эрстед и Фарадей. Про магнетизм можно сказать почти то же самое. Едва ли не важнейшим приобретением в этой области знания было открытие (пока еще не вполне доказанное, и, главное, необъясненное) связи между некоторыми явлениями земного магнетизма и солнечными пятнами, но и ему, пожалуй, грозит то же пренебрежение, почти забвение, которое постигло Фарадеевы опыты возбуждения света помощью магнетизма в пластинках, опыт МериSomмервиль над намагничиванием иголок солнечными лучами и пр. Все серьезное преуспеяние магнитных и электрических теорий – впереди и, я думаю, вне потенциальной схоластики.

Теоретическое изучение теплородных явлений, напротив, в течение последних 40–50 лет сделало успехи, именно благодаря установлению механического эквивалента теплоты Джоулем, Мейрном и другими, да попытке Клазиуса создать теплородную теорию частичных движений – в газах. Теперь мы имеем целую новую отрасль механики – термодинамику, которая, хотя и принадлежит к числу наук новорожденных, но говорит языком взрослых, не схоластическим и уже довольно общепонятным (лучшее доказательство ее дельности). Что особенно важно в этом научном успехе, это открывающаяся возможность слить термодинамику, т.е. отдел физики, с термохимией, старающегося, в лице Бертелло и его школы, химические явления измерять количеством теплоты, во время их возникающей или поглощаемой: “химия может скоро стать отделом механики, как стала им совершеннейшая из прикладных математических наук, – астрономия. Самая теория теплородных явлений, очевидно, должна приложить к волнам тепла законы, установленные для волн света и поискать, напр., нет ли в природе явлений тепловой поляризации, дифракции, быть может даже, двойного преломления: тогда, вероятно, установится одно общее учение о теплосветовых сотрясениях, а это будет важный шаг в физике. Он проложит механике дорогу в область химии”.

18. Химия, несмотря на приобретение огромного числа новых фактов, немного ушла теоретически вперед со смерти Берцелиуса, хотя многие современные ее деятели и уверяют в противном. Ее главные успехи состоят в создании термохимии, в установлении кое-какой классификации органических веществ и в открытии Менделеевского закона связи между физическими и химическими свойствами тела, два последние приобретения еще спорны.

Химики совершенно пренебрегают изучением кристаллизации вещества, которое, однако же, вернее всего привело бы их к пониманию сущности химических соединений. Кристаллические формы частиц, двух соединяющихся веществ, очевидно, должны много зна-

читать в вопросе о количестве силы, нужной для устройства нового вещества или двух или трех данных. Некоторые подробности, относящиеся к последнему вопросу, излагаются или в термохимии, но отсюда еще далеко до построения химической механики. В органической химии существует одна капитальная ошибка: считать органическими вещества, извлеченные из живых тел, но получавшие уже кристаллическую форму (мочевина, стеарин, сахар и пр., и пр.); отсюда крайняя трудность создать физиологическую химию или, точнее, химическую часть физиологии, ибо в живых организмах ни какие кристаллизованные вещества не находятся и не реагируют одно на другое, а между тем свойствами химических реакций, происходящих в желудке, печени, почках, волосных сосудах, легких, корнях, листьях и пр. только и может быть выяснен процесс жизни. Ни какие попытки приготовления в лабораториях живого органического материала, хотя бы пресловутой протоплазмы, никогда не удадутся, пока химики будут заботиться о наполнении своих банок и склянок кристаллизованными и будто бы органическими веществами, которые притом они жарят и варят при температурах, исключающих возможность органической жизни. Да и не одно искусственное создание живой, неустойчивой по химической природе материи из мертвой, застывшей в кристалле, а самое объективное изучение процессов, совершающихся в растениях и животных, не будет возможно, пока химики не пойдут по дороге, отличающейся от нынешней.

В минеральной химии ныне отвергают Берцелиусову теорию солей, т.е. создание в солях оснований с кислотами, но вместо этого изящного учения не придумать ничего, и теория неорганических соединений стала неясною. (Я назвал теорию солей Берцелиусовой, хотя она принадлежала не ему одному: но тем более жаль, что новые химики забраковали учение своих предшественников, между которыми было много отличных умов). Теперешние химические формулы минеральных веществ не говорят уму ничего: их нужно долбить, почти как латинские слова или китайские иероглифы, которых происхождение не понятно. Предвидеть реакцию при смешении двух веществ нельзя, а прежде было можно.

Эти последние замечания, конечно, подлежат оспориванию; они и оспариваются, напр. в свode современных химических учений, сделанном Сапорти и Фриделем. Но пора химикам водворить бесспорную систему в этом отделе своей науки, который посвящен минеральной природе. Иначе они надолго останутся при одном анализе, не имея руководящих идей для синтеза, который должен быть венцом знания, его целью. Да и самый анализ немного уйдет без руководящих теоретических идей: он останется чем-то вроде пробирного искусства. (Об анализе органических веществ я и не говорю: это — просто кухонная стряпня, так что значительная часть его выводов, т.е. формул, сомнительна, а состава многих тел, чрезвычайно важных для органической жизни, напр. белковины, он и вовсе не знает,

хотя возится с разложениями многие десятки лет). Качественному анализу, в последние 30 лет, много помогает метод Гунзена и Кирхгофа (спектральный анализ), но он не применим к веществам органическим, да и в области минеральной химии не всегда может быть вполне успешным.

Механика, физика и химия, из которых две последние рано или поздно должны стать частями первой, суть основные отрасли естествознания, каждая из них охватывает всю природу, поэтому без изучения их нельзя и думать об основательном знании отдельных естественных наук, от минералогии и астрономии до физиологии и антропологии. Это, к сожалению, не всегда сознается на практике, и напр. в наших естественно-научных факультетах механика вовсе не преподается. Зачем, мол, она при изучении эмбриологии или ботаники? Отсюда – небрежность натуралистов к изучению явлений, которые иначе не могут быть познаны и осмыслены, как при посредстве механики, напр. формирование кристаллов, движения животных и мн. др. Какой важный успех сделала бы теория жизненных отправления, если бы физиологи умели определять величину механической работы сердца, ее зависимость от количества и качества принятой и переваренной пищи (т.е. от химической работы внутренностей), от размера мускульных движений, столь различного у людей и животных разных классов (работы химико-механической), и наконец, от веса мозга и целого организма? И морфология, растительная и животная перестала бы быть чем-то полусмысленным, если бы ботаники и зоологи умели вычислять, напр. насколько та или другая кость должна измениться в форме и размерах, когда с переменой условий животного, отправления управляющих его мускулов изменятся? Но особенно важно знание механики при изучении природы неорганической: она, впрочем, и сделала тут огромные успехи. Половина астрономии, т.е. науки об устройстве неба, так уже и называется небесной механикой.

19. Великие труды математиков, от Коперника, Кеплера и Ньютона, до Лапласа, Гаусса и Леверье, сделали астрономию не только самой точною, но и самую привлекательною из всех отраслей естествознания. Можно сказать, что она одна стоит на безусловно верной дороге к неустанному преуспеянию и к точному решению своих задач; можно сказать, что в ней одной уже учащегося не опутывают софизмами и другими диалектическими ошибками, хотя и вынуждены еще иногда прибегать к гипотезам.

Разумею, конечно, ту часть астрономии, которая имеет дело с одними расстояниями, объемами и массами, т.е. собственно небесную механику. Такие великие открытия, как теоретическое отыскание планеты Нептун Адамсом и Леверье, приводят мыслящего человека в радостный трепет. И теория возмущений луны или юпитеровых спутников есть торжество человеческого ума. Но в последнее столетие не один этот отдел астрономии сделал важные успехи: на-

чиная с У. Гершеля, и познание физической, а с Кирхгофа даже химической природы небесных тел развернулось в богатую содержанием точную по рисунку и живую по краскам картину. Чтение таких сочинений, как Секки о звездах, Юнга о солнце, Вильмоена о кометах, Мушеза о небесной фотографии доставляет положительное удовольствие и расширяет область мышления до той всеобъемлющности, которая должна быть конечною целью познавательной способности людей. Про современного астронома, более чем про какого другого естествоиспытателя и вообще человека, можно сказать то, что сказал Баратынский о Гёте:

Крылатою мыслью он мир облетел,
В одном беспредельном нашел ей предел.

От того я так люблю астрономию, слежу за ее успехами и глубоко сожалею, что обстоятельства жизни не позволили стать мне астрономом по профессии. Только частичная физика интересует меня не менее, она, которая должна нам объяснить механику самых малых тел, как астрономия объяснила механику самых больших.

20. Учение о фигуре нашей планеты, ее массе, плотности, вероятном распределении равно-плотных слоев, сделавшее в последнее время такие значительные успехи, приводит нас с неба на землю и открывает, не менее астрономии привлекательную область географии, математической и физической. Как человек, немало занимавшийся этою отраслью знаний, я боюсь впасть в небеспристрастное преувеличение, но скажу, что именно география есть самый полезный предмет для широкого, энциклопедического развития ума: она непосредственно прилегает ко всем прочим отделам естествознания, от астрономии до антропологии. Эта связь теперь понята всеми, и географы смело, да притом по праву, берутся за истолкование основных явлений истории человечества. Есть такие (Петри), которые не прочь искать в ней основы для теории нравственности.

Последнее, разумеется, слишком, хотя, конечно, социальный строй людей обуславливается географическими условиями, а социология и мораль нередко переходят одна в другую. Но и без этого разумное, многостороннее изучение нашего жилища во вселенной имеет огромную важность для теоретического развития ума и для разумного устройства практической жизни людей. Это понято ныне не только фалангой учеников Гумбольдта и Риттера, но и самыми тупоголовыми моралистами, проповедниками “свободной воли” человека и соответственных расправ за “преступления” и вообще за то или другое направление деятельности. Кроме того, физическая география связывает и обобщает, в чисто объективном смысле, результаты геологии, топографии, гидрологии, климатологии и географии организмов. Никогда ботаник не возвысится до широких, космических взглядов на растительный мир, если он не знаком с основаниями физического земледения. Никогда астроном-космограф не будет иметь прочной почвы под собою, если он не изучит историю об-

разования нашей планеты, хотя она во многих частях еще не чужда гипотезе. Специальное изучение геологии доступно не всякому, оно требует отличного знакомства с минералогией, палеонтологией и пр., а физическая география, излагающая в общих чертах результаты геологических исследований, есть общепонятный источник здравых понятий о земле, ее происхождении и строении. Физика теоретическая находит столько приложений в сфере географической, что именно благодаря им укрепляет свои законы в умах. И антропология, а за нею так называемая всемирная, т.е. человеческая история, становятся на прочную почву, когда развитие человечества, в главных чертах его, ставятся в зависимость от географических условий. В Германии Ратцель уже создал особую отрасль знаний под названием антропогеографии, и это едва через 25 лет после кончины А. Гумбольдта и К. Риттера: так идеи последних оказались плодотворными.

К сожалению, не все еще отделы физической географии подчинены прямому контролю математики. Есть положения, выдаваемые за истину, и все-таки недоказанные математически (напр., закон Бэра о высоте речных берегов), другие извлечены из фактов посредством несколько смелых индукций, сближений, сопоставлений (напр., связь между изоклиническими и изотермическими линиями, зависимость явлений земного магнетизма от солнечных лучей, и т.п.). Важно, впрочем, в этих случаях то, что физико-географы и не настаивают на абсолютности своих теорий, предоставляя времени заменить существующие лучшими: это верный признак зрелости науки.

21. Последнего качества иногда недостает геологии. Именно, отказавшись от исключительного господства непутизма Вернера и плутонизма Хюттона, она все еще не создала вполне бесспорной теории образования Земли, и в частности ее твердой коры.

Очень верная в основе, но недовольно развитая современная мысль о складках в твердой земной коре вследствие ее остывания, конечно, не может перестроить всю систему геологических знаний. Нельзя же отнять у вулканизма его доли – и очень большой – участия в строении неровностей земной коры. И происхождение горных цепей вследствие одного искривления и разлома осадочных пластов, при боковом давлении на них, есть гипотеза, не вполне выдерживающая критику, потому что во всяком, сколько-нибудь значительном горном кряже есть кристаллическая ось, вышедшая из-под осадочных пород и даже обыкновенно возвышающаяся над ними. А что сказать об Оверни, Флегрейских полях, Исландии, Канарских и Сандвичевых островах, где вулканические породы являются сплошными массами, образующими не только остов, но и всю толщу этих земель? Причина колебаний геологов, конечно, заключается более всего в том, что между ними совсем нет математиков, которые бы умели вычислять величины сил, действовавших и действующих при созидании земной коры. Очевидно, что одно большое вулканиче-

ское извержение в несколько дней выносит на поверхность земли гораздо большую массу вещества, чем их может отложить, на ровном пространстве, озеро или море в течение многих лет, даже столетий. Если бы геологические теории, по давнишней привычке, не были гипотезами не опертыми на механические счисления, они не были бы так скоропреходящими, и всякой дельной мысли нашлось свое бесспорное, ей подобающее в науке место. Хюттон и Вернер, Бух и Лайель с их продолжателями, до Мора, Фуса, Добрэ и Фуке не отворачивались бы понапрасну один от другого. Приложение математики едва началось по отношению к землетрясениям, в сочинениях Мильна Эдварса Фуке и некоторых других.

Современная теория осадочных образований, точнее их история, сполна основана на гипотетическом положении об одновременности существования сходных фаун и флор, характеризующих осадочные формации. Дюмон справедливо заметил, что на одни палеонтологические данные, при определении относительной древности пластов полагаться не следует: ведь мы видим же ныне совершенно различные флоры и фауны полярных и тропических стран живущими одновременно: то же должно было иметь место и в прежние геологические периоды, особенно для морских животных, т.е. тех именно, которых особенно изучают палеонтологи и геологи. Единственно верными соображениями о древности осадочных формаций были бы те, которые основаны на внимательном выслеживании механического напластования, но этого современные геологи не долюбивают. “Зачем делать длинные поездки для отыскания естественных разрезов почвы или производить дорогостоящие разрезы искусственные? – раковины дают наилучшие аттестаты древности того или другого наблюдаемого пласта...” – Тут, очевидно, заблуждение.

22. Это, впрочем, не отнимает большой теоретической важности у палеонтологии. Она действительно может и должна помогать определению возраста осадочных формаций в данной стране сравнительно небольшого размера, имеющей хорошо установленные естественные границы. Но кроме того, она пополняет пробелы в рядах живущих ныне существ, которыми занимаются зоология и ботаника, а еще того важнее – она устанавливает параллель между историческим и эмбриологическим развитием животных, чем окончательно подтверждает теорию постепенного развития организмов из простых в сложные, более совершенные. В “творении” разнообразных живых существ, созданной Моисеем и поддержанной Кювье, не встречается более надобности.

Немного, кажется, прошло времени с открытия У. Смитом сходства ископаемых, находимых на всем протяжении одних и тех же пластов, хотя бы далеко друг от друга. Еще менее лет миновало со смерти Кювье, который стал умело приискивать для вымерших животных места на зоологической лестнице среди живущих, а между тем какие огромные и прочные успехи сделала палеонтология, а за

нею все естествознание! Ни одна наука, кроме химии и статистики, тоже рожденных лишь с небольшим сто лет, не сделала таких гигантских шагов, особенно в последние 40–50 лет. Только нужно заметить, что она не имеет одной теоретической цели, а несколько, и потому философски не есть самостоятельная наука. С одной стороны, она есть дополнение к органической морфологии (зоологии и ботаники), с другой, она составляет важный отдел в геологии (истории образования земли) и, наконец, с третьей, она помогает уяснить законы эмбриологического развития существ. Тут она особенно привлекательна, и я живо помню удовольствие, которое мне доставляли параллельные курсы эмбриологии и палеонтологии, читанные в 1877–78 годах в Женевском университете К. Фохтом, именно ради установления параллели развития организмов в пространстве и времени.

23. Обыкновенно гидрологию не признают самостоятельную наукою, а лишь отделом физической географии. Но это несправедливо, ибо у нее, как и у стоящих рядом с ней геологии и климатологии, есть свой предмет, свои теоретические цели и свои методы для достижения их.

Конечно, вода есть лишь одно из множества веществ, находящихся на земле; по объему она, без сомнения, уступает место кварцевым и углекислым образованиям в твердой земной коре, и вообще есть не более, как оболочка этой коры, да и то не сплошная. Но эта оболочка слишком важна по своему влиянию на строение суши, на климаты и на развитие органической жизни, чтобы не быть предметом специальных исследований. В последнее время такие исследования очень многочисленны и плодотворны, особенно по отношению к глубинам океана (Уайвиль, Томсон, Карпентер, Мильн-Эдвард, Пуше и пр.); не забыты и воды подземные (Добрэ), дельты рек (Кредпер), большие озера (Форель для Швейцарии, русские ученые для русских озер). Едва ли не самым важным для истории земли фактом оказывается дознание низкой температуры морского дна на всех больших глубинах, без различия широт. Это показывает, что геологически недалеко время, когда океаны замерзнут не у одних полюсов, а на всем протяжении. Тогда будет конец теперешнему органическому миру на Земле. Расширение пояса полярных льдов в северо-атлантическом океане, сопровождаемое постепенным охлаждением климата Исландии, есть факт исторический, служащий в подтверждении этого вывода. Можно бы даже попытаться вычислить время, нужное на замерзание всех теперешних морей, имея в виду, что температура морской воды на глубине 4–5000 метров равна 0°, зная количество воды в океанах и принимая в расчет остывание Исландии ну хоть на 1 °C в тысячу лет. Но это было бы рано в наше время: оставим вычисление нашим потомкам в XX столетии, которые будут иметь больше нас надежных данных. Тогда можно будет оценить и гипотезу Фая о большой плотности земной коры

под морем, чем под материками, вследствие прикосновения морского дна с холодной водою. Периодические измерения морских глубин вблизи берегов дадут наилучшее понятие о скорости нарастания материков, то есть другой коэффициент для определения возраста земли, в дополнение к первому, извлеченному из закона остывания морей. Только в этом отношении собрано еще очень мало фактов строго научных.

24. Успехи климатологии были в последние 70–75 лет еще быстрее успехов геологии и гидрологии: они доставили нам много важных общих выводов и обещают еще более впереди, когда период метеорологических наблюдений обоймет целое столетие или более.

Климатология научно родилась в 1817 году, когда Гумбольдт построил карту изотермических линий. Уже в сочинении Кемптца о метеорологии она стала отдельной наукой, преследующей изучение законов климатических явлений; но ни Кемптц, ни Дове еще не могли указывать наилучших путей кораблям, плавающим под парусами, т.е. движимых силою ветра, не могли предсказать вероятных изменений погоды. Это все – приобретение последних 30–35 лет. Теперь уже из Нью-Йорка дня за два или даже за три предсказывают по телеграфу приближение бурь к западным берегам Европы, и на 60% удачно, это показывает, что причинная связь между метеорологическими явлениями обоих прибрежий Атлантического океана уже установлена на научных основаниях. Образованное общество привыкло к картам погоды, публикуемым многими журналами и учеными обществами, понимает значение наносимых на них изобар и даже умеет само делать из взгляда на них вероятные выводы относительно ближайших перемен в погоде: успех огромный и наглядно доказывающий связь науки с пракческою жизнью даже в такой сфере, которая полвека тому назад казалась вполне недоступною для предвидений. Такие сочинения, как Воейкова и Ганна, делают честь нашему времени и заставляют предполагать, что уже в начале XX столетия телеграф будет безошибочно извещать людей, каждое утро, какая погода ожидает их в течение дня. Жаль только, что не везде сеть метеорологических станций так часта, как в Соединенных штатах, Англии, Франции и в некоторых других частях западной Европы, да и ожидать скорого ее распространения на все материки и моря трудно. Но очень может быть, что найдется математик, который создаст для явлений теплоты и воздушного давления такие же формулы, как Гаусс дал для магнетизма: тогда, зная действительные температуру и высоту барометра в каких-нибудь 8–10 точках земли, можно будет чертить изотермы и изобары для всего земного шара а priori. Это будет торжеством науки, почти равным торжеству теории тяготения при открытии Нептуна. Только теперешние климатологи для построения таких формул едва ли достаточно сильны в математике, да и едва ли имеют все опытные данные для вывода коэффициентов в возможных формулах: дело это очень сложно, требует времени.

О явлениях грозowych, электрических, о прочной теории циклонов и т.п. климатология пока дает спорные выводы или не дает никаких: тут наблюдателям и теоретикам еще много работы. Желательно было бы, чтобы их не сбивали такие упрямые “авторитеты”, как Фай.

25. Климатология ныне выделилась из метеорологии, которая еще в 1830-х годах, напр. у Кемптца, обнимала все явления, совершающиеся в атмосфере; но за метеорологией еще осталось немало разнородных явлений, принадлежащих к области земной физики. Все оптические, электрические и магнитные явления обыкновенно относятся сюда, хотя многие из них суть прямые следствия климатических. Изучение многих из них заслуживает большого внимания.

И, во 1-х, в сфере атмосферной оптики изучение закона ослабления солнечного света (и теплоты) при прохождении его через воздух. Все существующие исследования об этом предмете дали результаты сомнительные, а между тем степень напряжения света очень важна для жизни растений и, быть может животных. Во 2-х, некоторые явления атмосферной оптики могут давать нам объяснения того, что совершается в высших слоях воздуха, непосредственно недоступных для наблюдения: знай мы их хорошо, не появилось бы, конечно, нелепой гипотезы о связи красноватых облаков 1883 г., виденных в Европе, с вулканическим извержением в Кракатоа. В 3-х, световые и теплородные явления в атмосфере имеют заметную связь с магнитными, но в чем она состоит, какими основными законами физики объясняется, — мы почти не знаем. В 4-х, северное сияние, явление магнитно-световое, до сих пор научно не объяснено, а между тем, по справедливому замечанию Гумбольдта, это есть единственный случай, когда давно остывшая земля становится самосветящейся. Самая сущность земного магнетизма, несмотря на отвлеченную теорию Гаусса о его распределении на земной поверхности, остается загадкой, и магнитные карты, суть дело более практического импиризма, чем наука. Словом, в метеорологии на каждой странице есть важные пробелы, и в нашем столетии они едва ли будут пополнены.

26. В сочинениях по физической географии за климатологией обыкновенно следует география организмов, растительных и животных. Это на вид логично, ибо органическая жизнь сильно зависит от климата, но, собственно говоря, переход от изучения минеральной природы к исследованию жизни должен бы совершаться не тут, ибо не одним климатом обуславливается развитие форм животных и даже растительных, а множеством других влияний, из которых для растений самое важное — состав почвы, а для животных — свойство и обилие пищи. Чтобы разумно изучать географию организмов, нужно знать законы физиологии и морфологии их, а эти законы еще мало изучены.

В географии ботанической собственно научным началом можно считать одно, именно, что каждая порода растений требует извест-

ного minimum'a и известного maximum'a теплоты во время развития; при том сумма теплоты, получаемой во время распускания семени, роста, цветения и созревания плода, должна быть также равна определенному числу градусов термометра. Это так называемый закон Декандоля. Все остальное в географии растений есть вывод из наблюдений неосмысленных, результат чистого эмпиризма. Известно напр., что пальмы водятся в жарких странах, а березы и пихты – в холодных; но почему пальме нужно больше тепла, чем пихте для достижения одинакового роста? – этого еще никто не объяснил. Влияние химического состава почвы понятнее; однако и оно не объясняет нам ни морфологии растений, ни даже скачков – иногда столь поразительных – в распределении их. Не установлена научная связь между средой, в которой растение живет, и свойствами его ткани и самыми наружными очертаниями, так что мы лишь эмпирически знаем, что манглевые деревья растут над водою, ивы – около воды, а саксаул – в песчаных степях. Почему сочные арбузы и дыни, плоды кактусов и т.п. успевают вырастать в сухом климате степей, а сухие желуди нет? – Этого еще ни один ботаник не объяснил. О географии животных и говорить нечего: в ней, кажется несомненно установлена лишь одна истина, именно, что животные водные, живут в воде, а сухопутные – на суше, что птицы и насекомые самых разнородных семейств живут главным образом в воздухе и летают, а рыбы, хоть тоже иногда летают, но больше плавают на воде. Едва ли не самый важный вывод из зоогеографических исследований состоит в том, что типы зверей Старого света имеют родственных, хотя и тождественных, представителей в Новом; но и тут факт остается необъясненным, равно как и тот, что юго-восточная Азия есть страна больших млекопитающих, хищных и толстокожих, а последняя Австралия – страна двуутробок.

Вообще, нужно подождать, чтобы морфология установила точные законы развития растительных и животных форм в зависимости от среды, где они развиваются: тогда – но и только тогда – явится и научная география организмов. Необходимо будет при этом делать справки и в палеонтологии относительно времени и места первого появления родоначальников теперешних растений и животных, и в сравнительной анатомии о переменах в строении организмов от изменения внешних условий, к которым они должны были приспособляться. Для всего этого потребуется очень много времени.

Теперешние же науки о распределении организмов ненаучны и оставляют много места фантазии авторов. Для доказательства стоит сравнить географии растений Декандоля, Гризбаха и Друдэ: все три автора сведущи и добросовестны, но нелегко согласить их взгляды на науку и приемы для ее обработки.

Изучение форм, которые свойственны разным земным телам, долгое время носило название естественной истории, ныне стало входить в употребление слово морфология минерального, расти-

тельного и животного царств, что, пожалуй, точнее выражает понятие о совокупности минералогии, описательной ботаники и зоологии, но что суживает идею, заключающуюся в словах: естественная история. Морфология есть сухое описание форм, хотя бы сопровождаемое теорией о переходе их из одной в другую; естественная история изучает бытие этих форм, взаимные отношения неделимых, их связи, процессы, которые в них совершаются для поддержания этого бытия и для усовершенствования самых форм, т.е. для наилучшего приспособления их к среде. Очевидно, что область ее шире, чем область морфологии, но тем не менее основная идея последней лежит в основе классификации форм, т.е. систематического их изучения. До физиологии растений и животных классификаторам их почти нет дела; они ограничиваются одной анатомией; изучение же самой жизни организмов они возлагают на науки биологические. Очевидно, что во всем этом совершается процесс обособления разных отраслей естествознания, процесс выгодный для успехов специальных наук и логически неизбежный, но он несколько вредит космическому взгляду на природу, как на нечто целое, управляемое одними и теми же и притом немногими законами. Это невыгодное последствие специализации наук, впрочем, устранится само собой, когда каждая из них непосредственно примкнет к основным отраслям естествознания: химии, физике и механике, особенно к последней. Тогда явится одна наука о природе – прикладная механика, дающая ряд формул, которыми объясняются не только кристаллизация минералов, но и движение частиц мозга во время мышления. Только достижение этого идеала далеко, может быть, так далеко, что род человеческий выродится прежде, чем добьется математически доказанного единства природы. Пока приходится различные части естественной истории рассматривать как науки самостоятельные, отдельные.

27. Первой из них по логическому порядку, т.е. по простоте иссле­дуемых задач, конечно, нужно признать минералогию. Она сделала уже много для изучения форм, существующих в неорганическом мире, но она еще не объяснила ни происхождения этих форм, ни их комбинирования.

Установленная Вейсом и Гаюи классификация минеральных кристаллов была сначала выводом из наблюдений, теперь, благодаря Гадолину, мы знаем, что кристаллические системы Вейса и Гаюи суть единственно возможные с точки зрения механики. Это хорошо: но это не объясняет, почему сера кристаллизуется в одни формы, а свинец в другие, и почему сернистый свинец приобретает опять особую кристаллическую форму? Почему кристаллы киновари не составляют геометрически сложной формы из кристаллов ртути и серы? Почему кристаллы химических сложных тел часто имеют очень простые формы, наприм. хлористый натрий-куба? – Почему кристаллы разного состава квасцов тождественны, хотя металличе-

ские основы этих солей различны? Далее, если же отнести эти вопросы к химии и частичной физике, т.е. почему одни и те же по химическому составу минералы, напр. авгит и роговая обманка, исландский шпат и мрамор, имеют совсем различные не только кристаллические формы, но и другие физические свойства, твердость, огнеупорность, плотность, цвет и т.п.? – Минерологи, вообще, пренебрегают этими теоретическими вопросами, они довольны, если удастся в кабинете измерить гониометром углы кристалла, а в лаборатории химически разложить его. Синтез же минералов интересует их едва ли не менее, чем торговцев драгоценными камнями. От того они почти ничего не знают о происхождении минералов и приписывают их образование то огню, то воде. Правда, в последнее время микроскопический анализ тонких минеральных пластинок внес много света в изучение минерального царства, но скорее тут выиграла петрография, чем минералогия собственно. И научной, строго выдержанной системы минералов доселе нет.

28. Учение о минеральном составе горных пород и почв, т.е. именно петрография, много подвинулось вперед со времен Вернера и даже Леопольда Буха и Розе; но в нем все еще много темных сторон.

Особенно слабо изучено образование так называемых метаморфических пород, которые для одних произошли из осадочных помощью сильного нагревания, а для других изменили свой химический состав и внешнее строение вследствие проникновения в их толщи воды, содержащей растворы минеральных солей. Это все плоды соперничества нептунистов с плутонистами. Наружные слои почвы, о происхождении которых споров меньше, изучены в последнее время довольно основательно ради нужд земледелия: однако в целой Европе не найдется страны, которая бы имела хорошую почвенную карту. Геологические карты, пожалуй, точнее почвенных и петрографических, хотя, конечно, и они оставляют желать многого. Мне кажется даже, что затеянная на конгрессе в Болонье (1881) и ныне по-немногу исполняемая геологическая карта Европы лет через сто будет возбуждать немало улыбок у тогдашних геологов: ведь нынешние не трудятся даже объяснять раскраску карт профилями, которые бы показывали действительное, а не теоретическое напластование пород. О предварительных нивелировках стран с геологической целью нет помину, разве в одной Швейцарии.

29. Морфология не минеральных, а органических тел, т.е. ботаника и зоология с сравнительной анатомией, конечно, сделала огромные успехи не только со времени Аристотеля и Диоскорида, но и со времени Линнея, даже Кювье; но ее классификации, особенно растений, очень несовершенны.

Слабость классификаций, без сомнения, произошла от того, что органическую природу люди начали изучать с наиболее сложных существ, – человека или розы, – и потому скоро запутались в разнообразии

разии форм, беспрерывно уклоняющихся одна от другой, по-видимому безо всякой причины. Чтобы разумно изучать типы растений и животных, нужно ознакомиться сначала с самыми простыми организмами и потом внимательно следить, как они осложняются под влиянием развивающихся в них самих – потребностей и сноровок для удовлетворения их, а в окружающей среде – средств для этого удовлетворения. Этого доселе не сделано, хотя еще натур. философ Окенч пробовал описывать животных, начиная с инфузорий. Правда, в некоторые учебники зоологии и ботаники введена теперь система описания пород, начиная с низших и кончая высшими, но постепенность осложнения организмов от действия внешних и внутренних причин не выслежена и неизбежность ее не объяснена. Едва-едва начато рациональное изучение позвоночных животных, благодаря толчкам, полученным зоологами от палеонтологии и эмбриологии, о беспозвоночных доселе можно сказать, что мы правильной цепи их форм установить не успели; то же можно сказать и о всех растениях, хотя обыкновенно грибы считаются существами низшими, чем осины или березы. Особенно забавно видеть представителей зоологии и ботаники, состязавшимися о мелких грибах и водорослях, из которых иные одарены произвольностью движений: что с ними делать, куда отнести? Генель не затруднился, ради прекращения скандала, создать особое царство проститов, ни растений, ни животных; но последователей у него нет, и органическая морфология все не выходит из некоторого хаоса.

30. Морфология животных много выиграет из успехов эмбриологии, этой сокращенной во времени и пространстве истории развития животных типов.

По общему свойству всех новых наук, возникшая не далее XVIII или даже XIX столетия, эмбриология развилась очень быстро и ныне поглащает деятельность самых передовых натуралистов. Следя шаг за шагом, час за часом, видоизменения оплодотворенного семени яйчика, имеющего стать большим и сложным организмом, она беспрестанно обращает нас к сравнениям формы растущего зародыша с установившимися типами самостоятельных, взрослых животных. К сожалению, трудно следить это возрастание зародыша из дня в день, а тем более из часа в час, да притом еще эмбриологи несколько разбросались, делая наблюдения над зародышами всех классов животных, резко отличных по основному типу, вместо того, чтобы прилежно заняться историей развития одного-двух классов, напр. млекопитающих или жесткокрылых насекомых, как наиболее распространенных, и следовательно, всегда доступных. Фактов собрано много, но связать их в одно целое трудно, хотя Бальфур и сделал ответ. Без сомнения, эмбриология приведет нас не только к созданию правильной генетической лестницы животного царства, но и их установлению параллельных ветвей этой лестницы. Всякий будет понимать, что волку нет надобности, в зародышневом состоянии,

пройти через форму муравья, или гусю... через форму..., что если волк и муравей имеют общего предка, то лишь в виде монеры или амебы, а все остальные их праотцы, постепенно видоизменялись, шли отдельными путями и, удаляясь по виду от монеры, приближались мало-помалу к волку или муравью, но никогда к обоим вместе. И как скачки при эмбриологическом развитии невозможны, то мы в состоянии будем, следя шаг за шагом это развитие, восстановить хронологию появления на земле разных организмов данного класса животных едва ли не вернее, чем то может сделать палеонтология, для которой многие типы исчезли безвозвратно, так что пополнить промежутки между найденными она не может. Эмбриология человека и приматов для нас особенно важна в так называемом философском смысле, ибо лучше всех прочих отраслей естествознания показывает, что человек только последняя по времени форма млекопитающихся, за которой могут последовать и другие, еще более совершенные, т.е. приспособленные к жизни на земле и успешной борьбе за существование. Со временем эмбриология из чисто наблюдательной науки может сделаться и опытной, напр. попробовать останавливать развитие зародышей на таких степенях, что дети высшего животного будут родиться и жить в виде соседних низших типов (искусственный атавизм, сходный по результатам с теперешним естественным), производящим напр. микроцефалов; и наоборот, она же укажет, какие средства нужно употреблять, чтобы разумно улучшать породы, переводить низшие формы в более совершенные (как теперь улучшают собак, лошадей и т.п.).

31. Впрочем, вопрос о разумных питании и содержании организма в наиболее благоприятной для развития обстановке есть уже вопрос физиологии, до такой степени связанной с эмбриологией, что одну нельзя изучать без другой, хотя эмбриология есть наука более описательная, морфологическая, а физиология – сполна биологическая, занимающаяся физико-химическими процессами, и следовательно неограничивающаяся одними наблюдениями, но прибегающая и к опытам (напр. вивисекциям, отравлениям, усыплениям и т.п.).

Физиология делает быстрые успехи по всем отделам своим; она сделала бы их еще больше, если бы между двигателями ее не господствовали иногда схоластические предубеждения, так называемые теории жизни. От них несвободны очень сильные умы: Карус, Клод Бернар, Пастер и т.д. Это все влияние средних веков и религиозных учений: люди боятся зайти слишком далеко, напр. до необходимости признания самодеятельности органической материи и самопроизвольного зарождения организмов¹, т.е. до отрицания творческой де-

---

¹ Выражение самопроизвольность (spontaneite) тут не совсем точно; следовало бы говорить естественная необходимость, вследствие данных физико-химических свойств частиц возникающего вещества, а потом и существа: о самопроизвольности тут, собственно говоря, нет и речи.

тельности бога, которому, при современном состоянии естествознания, только и остается во владение, что темная область формирования белковины (протоплазмы) и клеточки. Иные придумывают цели для бытия и тоже сбиваются с настоящего пути изучения органической жизни. Еще иные смущаются вопросами не об сформировании протоплазмы и клеточки, а о самосближениях, замечаемых в организмах, особенно же о психической деятельности. Им почти дела нет, что химический синтез мало-помалу приобретает “творческую” силу и что притом простое, никого с толку не сбивающее притяжение частиц нисколько не проще для объяснения по существу, чем нервные рефлексы. Физиологам-идеалистам все хочется сразу поймать за хвост “тайну жизни”, хотя сами они знают, что жизнь есть совокупность очень многих и сложных физико-химических процессов и что нельзя понять их общий результат, не поняв с совершенной точностью каждый процесс в отдельности.

Физиология растений менее оттеснена в своих успехах метафизическими теориями, конечно, потому, что в растениях не предполагается “души”, поэтому фитофизиология и объясняет жизнь деревьев и трав полнее, чем зоофизиология – бытие млекопитающих или даже инфузорий. И несмотря на то, что ею занимаются сравнительно немногие, она имеет такие сочинения, как Сакса и Ван-Тигема, которым подобных нет еще в зоофизиологической литературе, как она ни обширна. Из отдельных отраслей животной биологии лучше других, конечно, разработана теория питания, но и то далеко несовершенно, может быть потому, что физиологи редко бывают хорошими химиками. Теория столь простого явления, как дыхание, все еще не установлена окончательно. Учение о кровообращении и об обмене в животных тканях отживших частей свежими есть пока ряд отрывочных наблюдений и гипотез, при составлении которых законы механики и химии почти оставлены в стороне. Несмотря на множество лабораторных трудов, мы все еще не знаем порядком состава крови (см. Вюрца), особенно в зависимости от рода пищи и от деятельности животного. Теория мускульных сокращений имеет только вид науки, а на самом деле не только ничего не объясняет, но даже не излагает бесспорным образом фактов. А уже о нервной системе с ее деятельностью и говорить нечего: несмотря на огромную массу трудов, сделанных в течение трех последних веков, прочных выводов почти нет. Ни один физиолог не в состоянии сказать, почему одни нервы способны только передавать световые сотрясения, а другие – только знакомить нас с химической природой тел, и притом одни с их вкусом, а другие с их запахом. На все подобные вопросы физиологи имеют дурную привычку отвечать: “это есть следствие разделения труда между нервами, дифференциации отправления”. Как будто это что-нибудь объясняет!

Но самая несовершенная часть биологии есть, конечно, теория явлений психических. Впечатление, ощущение, рефлекс, аффект и

т.д. все суть слова условные, за которыми не всегда скрывается реальный смысл, а которые составляют лишь уловку для прикрытия незнания сущности дела. Конечно, физиологи нашего времени признают, почти все, что весь процесс познания состоит из ряда мозговых движений – как то формулировал еще Гоббсез, – но каковы эти движения и в каких частях мозга совершаются? – мы ничего не знаем. Теория локализации способностей, т.е. Галлева френология, в правоверной физиологии не принята, как поверхностная гипотеза, но она ничем дельным не заменена, исключая разве помещением “способности произносить членораздельные звуки” в одной из передних частей полушарий, на основании одного случайного наблюдения Брока... Антрополог Ломброзо, конечно, начал классифицировать черепа преступников по характеру преступления между этими двумя вещами (конфигурацией мозга и свойством преступных деяний); но это учение пока не ушло далеко. И теория выражения психических актов внешними, мускульными движениями едва начала делать первые шаги. Об отличии психически высших организмов от низших пока мы знаем лишь то, что животное с большим относительным количеством мозга умнее тех, у которых мозга, особенно в полушариях, мало, и что люди с высоким и широким лбом умнее узко- и низколобых.

32. Психофизиология, однако, сделала в последнее время важные успехи, благодаря изучению деятельности животных менее сложных, чем человек. По этой дороге она, конечно, уйдет далеко и быстро.

Самый последовательный из дарвинистов, Геккель, прямо заявил, что для создания строго научной психофизиологии нужно начинать с наблюдений над клеточкой. Он даже написал брошюру об этой “психологии клеточки”, но, конечно, впал в ряд догадок, хотя и вероятных, однако не подтвержденных общепризнанными наблюдениями и не проверенных опытом. На этом поприще нужно еще много работать, чтобы дойти до научных выводов. Пока важны и те разрозненные, т.е. неудобобобщаемые факты, которые изложены в сочинениях Луббока, Бюхнера, Романеса и пр. Постепенно пополняя их и сопоставляя один с другим, мы едва ли не скорее создадим цельную психологию вообще, чем наблюдая слишком сложную, запутанную жизнь одного человеческого рода. Их легче анализировать, чем душевные движения человека, особливо цивилизованного, т.е. почти утратившего естественность, искренность, полную отчетливость психофизиологических актов. Так как многие из высших позвоночных животных отличаются специальными склонностями, легко заметными, и как эти склонности, конечно, соответствуют предпочтительному развитию определенных частей мозга, то френология, сравнительная и даже человеческая, может выиграть от изучения анатомии мозга у этих животных. Парижская антропологическая школа и начала уже разрабатывать эту часть физиологии.

В Париже же больше всего занимаются и другой стороной психофизиологии, гипнотизмом, но должно признаться, что строго научных, даже просто общепризнанных выводов в этом направлении пока не достигли, кроме разве того, что мысль может передаваться от одного лица к другому без выражения ее словами или мимикой, а по одной индукции или внушению. Это уже важно, ибо приравнять нервные сотрясения к электрическим, но пока условия и законы нервной индукции не обследованы совсем.

В Германии из области психо-физиологической начат разработкой вопрос о прекрасном, о чувстве изящного, о соответствии изящных комбинаций звуков, цветов и линий с некоторыми геометрическими началами, но пока эти начинания Гельмгольца и его школы тоже очень мало заинтересовали публику и даже ученых. Наконец итальянские физиологи-криминалисты кое-что сделали в области психологии людей по природе склонных к исключительным проявлениям психической энергии, но опять все это только зачатки знания.

33. Успехи опытной психофизиологии во всей сфере животного царства, от монер до приматов, должны рано или поздно привести нас к построению разумной антропологии, т.е. науке о человеке, его связи с остальной природой, его прошедших и настоящих судьбах и о вероятной будущности всего рода человеческого и отдельных племен людских.

Попытка осмыслить судьбы человека по столь широкой программе сделана Бюхнером в его книге “Человек по указаниям науки”. Но если два первых отдела этого сочинения довольно верно излагают современное состояние научной антропологии, то последний, отвечающий на вопрос: “куда мы идем?” – поверхностен и не чужд предубеждений. Я понимаю под словом антропология науку, которая не только исследует человека в палеонтологическом, зоологическом и этнографическом отношениях, но еще объясняет нам сущность всей истории и статистики, промышленной, общественной, научно-литературной и даже художественной. Знать человека, для верной его оценки, нужно не в одном зоологическом смысле, но и как существодвигаемое такими умственными, нравственными и эстетическими интересами, которых вовсе нет у прочих животных или есть очень мало. Материалов для создания такой науки есть много; но никто еще не отважился – и не мог серьезно отважиться свести их в одно диалектически стройное целое. Можно, кажется, даже сказать, что создание такой многообъемлющей науки есть дело довольно далекого будущего, венец нашего знания, которого лишь основные черты ныне намечаются в парижской антропологической школе. Анатомия, физиология, этнография, история экономического и общественного развития, изучение болезней, свойственных людям – все это прекрасно, все есть в школе; но в ней нет еще истории развития наук, истории заблуждений, религии, поэзии,

изящных искусств, наконец, истории недугов чисто психических, которые, однако, принимали и принимают такие ужасающие размеры. В будущем антропология должна дать точные объяснения влияний среды на все, что совершает человек, высокомерно называемый существом свободным, а на самом деле являющийся постоянно рабом внешних обстоятельств, хотя и мечтающий о достижении идеальных свободы, равенства и братства, а с ними и счастья.

Здесь можно поставить точку к изложению тех выводов и соображений, которые мысль извлекает из естествознания, т.е. из науки положительной, объективной, всегда имевшей и доселе имеющей для меня неотразимую привлекательность. Но все ли это, что создано деятельностью человеческого мозга и мышц с тех пор, как Номо стал *sapiens*, а не *ferus*? – Ясно, что нет. И хотя другие отрасли знания были для меня всегда более предметом дилетантского любопытства, чем серьезного изучения, но я не могу здесь пройти их молчанием, потому что многими я сильно интересовался, а для иных даже работал на литературном поприще. Притом *homo sum et humanum me alienum puto*. Начну мои заметки о состоянии этих отраслей знания (по Л. Толстому – полунаук) с тех, которые непосредственно примыкают к антропологии и даже частями входят в состав ее.

34. История и статистика не без основания считаются тождественными по предмету занятий (история – движущаяся статистика: статистика – приостановившаяся история). Я изложил мой взгляд на их построение во введении к моим “Историческим очеркам России со времени Крымской войны до берлинского договора”; здесь приходится сказать лишь немногое.

История в том виде, как она доселе излагается в лучших трудах по этой отрасли знаний, не есть наука, а только материал для многих, пожалуй, для всех наук, имеющих каждая свой теоретический интерес, свою определенную цель. Ее, поэтому, следует раздробить на отдельные главы, начиная с обзора формирования территории, занимаемой каждой нацией, и кончая обзором успехов научных, нравственных и эстетических. Когда история каждого народа будет таким образом изучена, тогда можно будет подвести общие итоги и создать разумную историю всего рода человеческого. Выводы такой науки, если они получены правильно, должны будут быть тождественны с данными статистики, как тождественны выводы палеонтологии и эмбриологии... Требование, очевидно, идеальное, едва ли осуществимое, особенно ввиду недостатка точных сведений о прожитых человечеством временах. Пока же, и вероятно надолго впредь, – предстоит довольствоваться разными произвольными обобщениями да звонкими фразами, построенными представителями разных школ для разумения, будто бы, судеб рода человеческого, а на самом деле, чтобы прикрыть бедность точных, научных выводов из истории, или подтачивать мнения читателей и учащихся в данном направлении, односто-

роннем и, стало быть, ненаучном. Чтение самых лучших исторических сочинений, а я их читал много, теперь приводит к одному выводу: “что ни историк, то и наука”, – то есть метода, система, а следовательно и строй организма ее, действие ее на ум и чувство. Общих приемов для изложения истории нет. Статистика наукообразна, но не может объяснить явлений, которые возникли под влиянием долгого времени, потому что период, на изучение которого она опирается, очень еще не велик: каких-нибудь 90–100 лет. Важнее всего, для обозначения будущих успехов статистики то, что она опирается на математику: теория средних величин и теория вероятностей, в приложении к некоторым явлениям человеческой жизни, принесли уже практические плоды, и остается желать, чтобы они охватили возможно большее число сфер этой жизни.

35. Особенно благотворительно будет приложение статистической методы ко всем явлениям хозяйственного быта людей и их обществ, то есть к области пресловутой политической экономии, ныне, как известно, составляющей теорию сосредоточения богатств в немногих руках или, попросту, опустошения тощих карманов толстыми.

Реакция против хищнической политической экономии школы Ж.Б. Сея возникла уже давно; но пока она привела лишь к разным социалистическим и коммунистическим учениям, в которых личность человека приносится в жертву интересам класса людей, личная свобода обезличивающемуся равенству, которое, в заключение всего, абсолютно недостижимо. Даже наиболее сильные аналитические умы новой экономической школы, напр. Карл Маркс и Шефле, умеющие отлично доказывать воровское происхождение капитала, не умеют намечать путей для достижения более честного экономического строя общества вне кровавых расправ бедняков с богачами или вмешательства правительственных властей (государственный социализм Лассалья и Бисмарка). При этом они еще забывают, что во всей живой природе существует закон борьбы за существование, по которому сильный неизбежно берет верх над слабым и благодаря которому только и возможен подбор более развитых организмов, т.е. прогресс всего рода. Конечно, при современном устройстве западноевропейских обществ разница в средствах богатых и бедных людей чудовищна, ненормальна: но совсем без неравенства едва ли обойтись можно: оно обуславливается неравенством природных способностей людей и их трудовой производительности. Статистике при этом нетрудно бы доказать, что требовать полной обеспеченности всех рождающихся и живущих есть вещь физически невозможная: при известной густоте населения и при данном климате страны непременно есть предел для производительности ее почвы. Как только население приблизилось к этому пределу, оно начинает страдать, причем, конечно, первыми жертвами падают люди слабые или бедные средствами. Коммунистическое распределение земель тут не всегда помогает, как показывает пример России. Но, разумеется, по-

ра кончить с защитниками экономического строя Ирландии и ей подобных земель, с итальянским половничеством, с майоратами, с господством монопольных компаний во Франции и другими систематическими препонами преуспеянию большинства людей. Также и в сфере мануфактур и торговли пора положить предел господству капитала над трудом; но как это сделать? – вот вопрос, на который пока нет дельного ответа, потому что одними ассоциациями бедняков, хотя бы очень честных и трудолюбивых, победы над капиталистами не одержишь. И законы о высоких пошлинах с наследства не искоренят класса наследственных богачей, как показывает Женева, где $\frac{3}{4}$ городского дохода слагается из этих пошлин, а наследственная денежная аристократия продолжает процветать и даже размножаться. То же почти и в Англии.

36. Пути для практического решения вопроса о пауперизме, вероятно, укажет социология, которая обнимает все стороны общественной жизни людей. Наука эта новая, едва народившаяся, она имеет то важное преимущество перед политической экономией, что пока не связана ни какими организаторскими проектами, а изучает факты и обобщает их объективно, без задних мыслей и с пониманием исторического их значения. Она – наука не партии, не сословия, а всего человечества, спокойная и беспристрастная, владеющая сравнительною методою и делающая выводы лишь по индукции.

Пределы социологии, впрочем, пока не установлены с ясностью, и потому в нее навалено немало хлама, для разумного понимания условий благосостояния человеческих обществ ненужного, даже вредного. Но постепенно, изучая действительные формы общежития, бывшие и доселе встречающиеся у людей (а я бы даже посоветовал и у животных), она может прийти к таким комбинациям, которые окажутся наиболее удовлетворительными, т.е. наивыгоднейшими для разных племен рода человеческого. Именно для разных племен, а не для всего человечества поголовно, ибо, например, никогда социальный строй живущих по степям кочевников не будет пригоден для нации оседлых, земледельческих, торгово-промышленных и мореходных, и придумывать экономические и социальные законы, годные одинаково для среднеафриканских негров, норвежцев и калмыков, нелепо. Социология, когда она изучит факты реальные и возьмется за создание и осуществление идеалов общежития, должна будет отвести широкое место физической географии и теориям Монтескье, К. Риттера, Ратцеля и других антропогеографов. Она, без сомнения, лучше, чем все философы в мире, докажет непригодность кодов римского права для разных форм цивилизаций, разных потому, что не все то, что хорошо для одной страны, пригодно для прочих.

37. От этих замечаний о социологии один шаг до области права и так называемых законов, т.е. условных правил гражданской жизни, установленных главным образом для обеспечения господства

волков над овцами. Почти все основы современного европейского права ложны, ибо насилуют человеческую природу.

О международном праве я и не говорю: оно целиком есть *Faustrecht* государственное, т.е. конституционное право в большей части европейских и во всех азиатских и африканских странах есть освещение деспотизма, единоличного или чиновничьего, господства сильных над слабыми; в гражданском праве законы о состояниях, о браке, о наследстве, вообще об имуществе представляют ряд вариаций на ту же бессовестную тему; уголовные законы суть организованная система человекоубийства, то медленного, то скорого, но никогда не ищущего понять действия обвиняемого лица и оправдать их законами необходимости, самозащиты, а стремящегося непременно отомстить, покарать, расправиться чисто по-зверски, хотя именно криминалисты-то и кричат, что они – охранители человеческой гражданственности, гуманной цивилизации. Ничто и никогда меня так не возмущало, как деятельность судов, призванных оценивать деяние людей: опираясь на положительные законы, идущие совершенно в разрез нравственных, они постоянно действовали и действуют с поверхностью фельетонистов, храня в то же время величавость римского сената или собора жрецов. И при этом замечательно, что многие из судей, в частных беседах по душе, охотно признают известную формулу Жоржа-Занда: “кто все знает, тот все прощает”, что очень многие разделяют мнение Бентама, что “преступник – дурной счетчик”, т.е. умственно-больной или недоросль, которому место в приюте, и наконец, что ни один судья не нашел, в глубине совести, правдивой нормы, воздаяний злом за зло; т.е. наказаний. Едва ли не единственное оправдание уголовных кар дано антропологом Ломброзо: “общество, по чувству самосохранения, должно удалять из своей среды вредных людей, как удаляет вредных зверей”. – Но удалять существа равные себе по совершенству организации, не значит еще казнить и наказывать, особенно ввиду того, что большая часть вины происходит от плохого, несправедливого устройства самого общества (напр. кражи, сделанные голодными пролетариями, бунты рабочих против притеснителей-хозяев, восстания народа против скверных правителей). – Всего нелепее то, что закон отнимает у отдельных людей право личного возмездия, и в то же время организует систему возмездия помощью единоличных приговоров судей: Иван обижают, а Петр за него расправляется с обидчиком, причем, конечно, никогда не знает досконально, до какой степени обида была велика, ибо нередко самое незначительное, по-видимому, слово, намек, оскорбительнее удара кулаком по лицу или кинжалом в сердце, – не знает и того, – и это уже во всех случаях: зачем и кому наказание нужно? Кого вознаграждает оно? К каким общепольным результатам приводит?

Теория невменяемости “преступных” действий, по крайней мере некоторой части “дурных счетчиков”, ныне сделала несколько роб-

ких успехов, благодаря влиянию на умы психофизиологии, но при этом какая нерешительность, какое лицемерие! Нужно свидетельство врача, что такой-то “действовал под влиянием болезненного аффекта”, чтобы признать его достойным не тюрьмы и каторги или смерти, а помещения в “богоугодное” заведение. Ну, а что если подобное свидетельство будет дано за деньги или по дружбе, или просто из сострадания? Кто же будет в дураках? Судьи или законодатели, или целое общество?

Для “предупреждения” преступлений, как известно, существует полиция – опять учреждение безумное и безнравственное. Предупредить развитие преступных наклонностей и деятельности можно одним путем: дав с начала жизни человека и давая во все продолжение ее удовлетворения естественными потребностями живого, мыслящего и чувствующего лица, т.е. не оставляя его в голоде, в холоде, без половых сношений, без вознаграждения его за труд по добровольному соглашению, без участия в делах общественных и т.д., становясь постоянно на защиту слабого против сильного и, наконец, самое главное, направив человека воспитанием, с раннего детства, на хорошую нравственную дорогу. Исполняется ли все это обществом, уполномочивающим судей карать проступки? – Очевидно, нет... И законы наши теперь просто сети, которыми законодатели опутывают людей с головы до ног, и с рождения до смерти, вовсе не для достижения высших гуманитарных целей, а для удобства людей власть имущих, т.е. полиции и судей. В общественном сознании давно, и с полным основанием, утвердилось убеждение, что закон есть паутина, которая назначена для изловления мух и других мелких насекомых: мухи более крупные и сильные или ловкие пробивают ее свободно, а другие попадают и идут на продовольствие пауков.

Всего любопытнее, что сами законодатели не в состоянии определить сущности понятия о преступлении, ни доказать права общества карать его или даже предупреждать помощью такого гнусного средства, как полиция сыщиков, шпионов и держиморд; а законодательствуют. И не одни цари, воспитанные с пеленок в убеждении, что это их призвание, а сами юристы, годам работающие мыслью над нравственным смыслом человеческих деяний, сами попы, которые учат, что единственный нелицеприятный суд есть божий, который-де рано или поздно последует, – даже эти люди отстаивают “юстицию”, наследованную от времен варварства... И много, много веков пройдет прежде, чем человечество организуется в такие общества, где не будет места уголовным карам и полицейским стеснениям. Есть даже опасение, что оно вымрет прежде, чем достигнет этого идеала, причем войны из-за нарушений международного права (?) и судебнополицейские истязания будут иметь в этом вырождении немалую долю, как и физические болезни.

38. Юристы, очень хорошо знающие, что их наука не в состоянии определить понятий добра и зла, часто даже отличить доброе

дело от злого на практике, невольно соглашаются, что “право”, не только положительное, но философское, естественное (в их изложении), не есть еще абсолютная справедливость, и охотно ссылаются на существование особого, высшего закона нравственности, даваемого религией. Тут теоретическое бессилие “науки о праве” достигает уже своего апофеоза, ибо это рекомендуемое ею учение вводит ум в область непримиримых противоречий.

Вроде, например, следующих: 1. Есть бог, который создал мир и управляет им. Он всемогущ и всеблаг. Зачем же он допустил и допускает существование зла? 2. Люди созданы богом по своему образу и подобию; они имеют свободную волю, что и возлагает на них ответственность за их деяния. Но в то же время: ничто не делается без воли божией, и даже судьба каждого из людей заранее определена до мельчайших подробностей, так что он не в состоянии сделать от себя ничего против божеского предопределения, следовательно, безответственен. 3. Бог знает и оценивает все деяния и даже помыслы каждого человека, злые и добрые, и воздаст каждому по делам его на собственном суде, который будет строг, справедлив и нелицеприятен. Затем же, в таком случае, существуют людские суды, которые мучают и убивают существа, созданные по образу бога и неизбежно подлежащие его суду? 4. Если бог правосуден и притом всеблаг, то зачем он за временные прегрешения наши грозит вечными муками? и что ему будет за удовольствие жарить людей в огне, когда он по всемогуществу и всеблагодати своей, мог бы сразу сделать людей блаженными, как тех животных, которых, правда, свободная воля юристами и богословами не приписывается, но которые, видимо, ее имеют? 5. Деяния преступные, против законов божеских могли ли иметь место, если бы человек был на земле один? (о нарушениях законов человеческих, понятно, в этом случае, не могло бы быть и речи). – Ни религия, ни наука о праве не дают ответа на этот вопрос. Первая, впрочем, замечает, что люди злы от природы (“аще есте, зли суще, умеете” и пр.) хотя созданы по образу и подобию божию и носят в себе частицу божества – душу.

Такие антиномии можно продолжать без конца... И эту-то полную противоречий галиматью юристы и богословы называют прочною основою нравственности людей, критерием и светочем правды и добра, теорией святости?... Досадно за ум человеческий, доселе не выбросивший за борт всю эту бессмыслицу.

39. Ввиду несостоятельности учений юридических и религиозных, люди здравого смысла и гуманного сердца обратили внимание на то, что человека можно сделать добродетельным чисто земными средствами, с помощью разумного гуманного воспитания. Отсюда крайняя важность педагогики.

К сожалению, педагогика вместо того, чтобы стать духовной гигиеной, давно уже приняла свойства уголовно-тюремного или полицейского кодекса. Напрасно Руссо проповедывал теорию воспитания, со-

гласного с природой людей; напрасно Р. Оуэн воспитывал целые поколения молодежи у себя в Нью-Ламарке так гуманно, как ни одно официальное педагогическое заведение не умеет воспитывать, – палочная педагогика, воспитание, основанное на страхе, на прописной морали и даже на катехизисе, доселе остается господствующим в большей части кичащихся цивилизацией стран. И если кто-нибудь основывает школу, где людей не мучат, то это считается эксцентричностью... То ли, мол, дело – хорошие, свежие розги и порка! Они одни могут злую природу людей смолodu переделать в добрую...

Поди, рассуждай с такими образователями человека... должно быть, по образу и подобию божью.

Смешны и глупы лицемерно-гуманные школы, где крошечных детей, под видом составления им полезных забав, приучают к дисциплине, т.е. к совершенному обезличению, к отказу от человеческого достоинства, к стадности. Проще было бы этим же гуманистам признаться, что им, для воспитания нежных человеческих детей, нужна казарма, даже клетка, как для дрессировки хищных зверьков.

40. К области наук нравственных причисляется еще этика, т.е. философия нравственности. Как всякая схоластика, это, разумеется, чушь.

Теперь, впрочем, этике мало где учат, а излагают только с кафедр некоторых школ историю этических систем от учений стоиков и эпикурейцев до Гегеля и Шопенгауэра. Собственно, место всему этому в истории человеческих заблуждений и односторонностей ради предостережения молодежи от последних; нельзя только не пожалеть, что г.г. философы не всегда так смотрят на этические секты и учения, и тем сбивают с толку немало умов, склонных к отвлеченному любомудрию, но немного сильных, чтобы смотреть на вещи самостоятельно, а потому попадающих в тенета схоластики и в омут моральных систем. Притом самая дельная, самая практическая мораль, Конфуциева, в Европе не изучается никем, за исключением разве двух-трех синологов.

Так как во всякой области знаний философия считается ее венцом, завершением, то я очень рад, что могу покончить с антипатичной мне отраслью этико-политических полу-наук, теорий и практик. Уверенный, что рано или поздно человеческий ум свергнет с себя иго этих теорий и практик, возвращаюсь опять к антропологии, чтобы, исходя из нее, сделать несколько заметок о тех отраслях знания, о которых еще не говорил, но которые прямо примыкают к учению о человеке. Здесь на первом плане стоят:

41. Филология и лингвистика – две науки с огромными претензиями и ничтожными результатами, которые должны бы просто составлять одну из глав антропологии, именно “о способности говорить”.

Я обхожу молчанием, высокопарные разглагольствования о “языке, как творении духа человеческого” В. Гумбольдта, – увере-

ния филологов, что язык должен быть основным, даже единственным признаком для установления классификации человеческих племен, – гипотезы лингвистов о происхождении дара слова и о строевании этимологии и синтаксиса разных языков: все это нелишено интереса, но все очень немного значит в общей массе научных сведений о человеке. Но есть нечто в произведениях словесности, что имеет большое историческое влияние на судьбу людей: это именно сохранение и передача современникам и потомству идей, возникающих в умах и иногда двигающих событиями. С этой стороны, изучение литератур разных народов есть существенная и очень привлекательная глава так называемой всеобщей истории. Только желательно было бы, чтобы эта глава не только носила отдельное название истории литератур, а была бы самостоятельной наукой, следящей за прогрессом как самих понятий людей о вещах, так и форм и их выражения. Философия, – по счастью, всегда была достоянием немногих любознательных, а понятия человечества расширялись и совершенствовались; и их рост всего заметнее именно в тех произведениях дара слова, которые пользовались популярностью в свое время и дошли до нас как заветы предков. Будь-то этические поэмы или драмы, сказки или песни, были или баллады, – ими пренебрегать нельзя, если хочешь изучить и понять смысл человеческого развития. В этих же памятниках умственного, нравственного и эстетического совершенствования или упадка людей сохраняются и все последовательные преобразования строя речи, делавшиеся под влиянием смешения племен, влияния чужих литератур и собственного лингвистического творчества. Изучая их, отдельное лицо видит, как поток общечеловеческих идей, стремлений и вкусов постепенно слагался из разных ручейков и становился большой рекой или рядом рек, ныне уже почти слившихся или готовых слиться в один умственно-нравственно-эстетический океан.

42. Научное разыскание физических и эстетических законов красноречия, пения и музыки весьма близко примыкает к изучению словесных произведений человека, но оно доселе сделало только робкие шаги, в трудах Гельмгольца и некоторых его последователей, и все его развитие в будущем.

Относительно всех трех искусств, действующих на мозг посредством органов слуха, можно надеяться, что выработка точных теорий для них пойдет довольно быстро с усовершенствованием некоторых инструментов, напр. фонографа, потому что тогда станет возможна сравнительная история голосовых произведений людей и подражающей пению музыки. Когда в кабинетах физиков наберется много фонографированных речей знаменитых ораторов, певцов и музыкантов, тогда нетрудно им будет установить прочные законы акустической эстетики. А раз эти законы будут приняты, исчезнет все фальшивое из декламации, пения и музыки, и звуковые произведения людей станут естественными, душевными, верно выражаю-

щими чувство говорящих, поющих или играющих на инструменте. Консерваторские, т.е. схоластические, противоестественные звуковые мотивы исчезнут.

43. Теория искусств образных, т.е. действующих не на уши, а на глаза, должна будет так же стать на почву сравнений и прежде всего понять развитие отдельных, местных и национальных школ живописи, ваяния и зодчества, а когда эта цель будет достигнута, – создать общую для всего человечества оптическую эстетику.

Теперь под эстетикой подразумевается еще большая галиматья, чем под этикой и умозрительной психологией. Чтением сочинений по ней можно бы наказывать, как делала Екатерина II, заставляя провинившихся придворных читать сочинения Тредьяковского. Только из человеколюбия не следовало бы при этом обязывать наказуемых учить и запоминать что-либо из прочитанного, чтобы не свихнуть их понятий с дороги здравого смысла и не приучить к самому бессмысленному фразерству. – Объективная история образных искусств сделала, впрочем, в XIX столетии некоторые успехи, но в изложении ее все еще много схоластической чуши и предрассудков. Будь историки живописи, ваяния и зодчества менее людьми школы, т.е. более простыми описателями произведений искусства, – последнее все более и более развивало бы эстетическое чувство людей, облагораживало бы их вкусы. В наше время большую помощь объективным историкам образных искусств может оказать и действительно уже оказывает фотография; она станет еще более полезною, когда научится воспроизводить цвета и оттенки их.

44. Все, что принадлежит к исчисленным сейчас “изящным искусствам”, принято рассматривать как достояние высших, особенно развитых и даровитых натур, и напр. поварское искусство ставится бесконечно ниже их, хотя оно имеет в виду доставление наслаждения одному из самых взыскательных чувств, вкусу. Когда будет создана поварская эстетика, я не знаю, но очевидно, что на это потребуются огромная сумма знаний физиологических и гигиенических, и что, может быть, такая поварская эстетика явится последней по времени, высшей отраслью наук биологических. Во всяком случае, я желаю, чтобы она была создана, хотя бы как часть гигиены. Не сомневаюсь притом, что разумное и даже эстетическое питание больше послужит в пользу людей, чем существующая “латинская кухня”, т.е. главная, существенная часть врачебного искусства. Я не останавливаюсь на последнем, потому что при современном состоянии физиологии и патологии, медицина есть просто эмпиризм, т.е. шарлатанство, и не может пока быть чем иным, как в древности Гиппократ и Галлен спорили о сущности болезней и о лучших средствах исцеления их, так и теперь врачи спорят о том же, и притом опираясь почти на столь же шаткие основания, как 2000 лет тому назад. Медицинские теории меняются как поветрия; теперь напр. мода на микробную теорию болезней, выдуманную даже не врачом и не фи-

зиологом, Пастером: но долго ли она продержится? и чем она лучше прежних? и почему привитие микробного яда в малом количестве должно предохранять организм от вторжения в него того же яда в большом количестве? – этого никто не знает и объяснить хотя бы только правдоподобно не может.

То же почти можно сказать и про все остальные практические искусства, не составляющие прямых приложений механики, физики и химии, а потому я и не стану распространяться о них: да и вообще окончу здесь мой обор человеческих знаний, насколько они мне самому известны.

Именной указатель

- Абих Г.В. 104
Абрамов А.К. 68
Агассис Ж. 187
Агте Н.Х. 22
Адамс Дж. 188, 211
Айвазовский И.К. 37
Александр II 34, 54, 81, 82, 86, 164, 185, 186
Александр III 184, 187, 188, 189, 192
Алексей Александрович (Вел. кн.) 190
Альбединский 186
Алькок 118
Альминский 186
Ампер А. 146, 209
Анучин Д.Н. 160
Аносов 23
Араго Д. 115
Арнольд М. 187
Аристотель 220
Арсеньев В.К. 92
Арсеньев К.И. 10–12
Ашенбреннер М.Ю. 192
- Бабкин 129
Багданович 19
Багратион П.Н. 6
Бажин 187
Бальфур Ф. 221
Баранов 182
Баратынский Е.А. 13, 212
Бардовский 186
Барятинский 186
Бичурин Н.Я. (Иокинг) 126
Беджот 187
Белинский В.Г. 16
Белью 66, 83
Бентам Н. 229
Берг 34
Бернар К. 152, 222
Бернс 135
Бертело (Бертло) П. 146, 209
- Берцелиус Й. 6, 146, 209
Бессель Ф. 112
Бехер У. 187
Бибигов 187
Бисмарк О. 81, 154, 184, 187, 189, 190, 227
Бичи Ф. 114
Благовещенский В.Т. 187
Бламберг 135
Блудова А. 193
Бобрински В.А. 181
Болотов 19, 20
Большев А.А. 80, 83, 91, 138
Бомон 87, 91
Бонапарт Б. 183
Борнс 98, 100
Брок П. 224
Брольи 198
Броутон 25
Будаговский 26
Будищев Н.М. 129
Буняковский В.Я. 18
Бутаков А.И. 100
Бух Л. 113, 148, 214, 220
Бэкер В. 83, 91
Бэр К.М. 30, 103, 104, 148
Бюхнер Г. 187, 204, 224, 225
Бюцов 42
- Вамбер 100
Ван-Тигем Ф. 222
Варениус Б. 118
Васильев В.П. 25
Васильев М.Н. 138
Ватсон 187
Вахновский 193
Вейс 219
Венюков И.А. 8
Венюков С.И. 190, 192
Венюкова С.И. 30, 31, 192
Венюкова (Кутозова) Е.М. 8
Верморель О. 187

Вернер А.Г. 113, 148, 213, 214, 220
Вивен де Сен-Мартен 91
Вильгельм I 184
Вильомен 212
Вильсон 198
Воейков А.И. 91, 149, 216
Воинов 19, 20
Войнаровский 11
Волькенштейн Л.А. 192, 193
Вуд Х. 98, 100
Вырубов Г.Н. 195
Вюрц 223

Гаюи Р. 119
Гадолин 219
Галлен 234
Галлей Ф. 224
Ганн Ю. 149, 216
Гартман Л.Н. 185
Гаусс К. 146, 203, 211, 216, 217
Гегель Г. 44, 157, 205, 232
Гейден Ф.Л. 46, 51, 54, 62, 81–83,
163, 164
Геккель Э. 152
Гексли (Хаксли) О. 187, 204
Гельмгольц Г. 225, 233
Генель 221
Георг Людвиг 98
Георги И.И. 72
Гердер И. 87
Герцен А.И. 5, 12, 13, 16, 30, 31, 33,
36, 37, 49, 87, 92, 161
Гершель У. 16, 147, 212
Гесс Г.И. 13
Геттен (Геттон) Д. 113, 148
Гете И. 13, 212
Гиппократ 234
Гирс 190
Гладышев 134
Глуховский А.И. 80
Гмелин С.Г. 126
Гоббез 152, 224
Гоголь Н.В. 11
Голицына 181
Головнин В.М. 16, 118–120
Голубев А.Ф. 27, 38, 100
Гончаров И.А. 16
Гордон 83, 91
Горлов 78
Горнер И.К. 119

Горчаков А.М. 41, 75
Грановский Т.Н. 16
Грове У. 143, 203
Греви Ж. 198
Гризбах 151, 218
Громблевский Б.Л. 91
Гунзен 211
Гумбольдт А. 13, 16, 36, 93, 98, 100,
109–111, 113, 115, 116, 126, 133,
147, 149, 161, 212, 213, 216, 217
Гумбольдт В. 158, 232
Гюмбер 87

Давыдов Д.В. 10
Дарвин Ч. 6, 114, 161
Дебэ 187
Дежнев С. 161
Деянов И.Д. 182, 189
Декандоль А. 13, 87, 150, 195, 218
Декарт Р. 186, 206
Денисьев 187
Де Роберти 187
Джонсон 61
Джоуль Дж. 209
Диоскорид 220
Добрэ 91, 149, 214, 215
Добролюбов Н.А. 187
Дове Г. 149, 216
Докучаев В.В. 91, 151
Дохтуров Д.С. 10
Драгоманов М.Г. 87
Драгомиров М.И. 194
Драйнерон 195, 196
Друдэ П. 151, 181
Дурново И.Н. 181
Дюмон (Дюрвиль) Ж. 214
Дюппере 112

Евдокимов 20
Екатерина II 234

Жюзан 187
Жуковский В.А. 13
Жуковский Ю.Г. 187
Жорж Занд (Санд) 229

Забудский Н.Н. 28
Завалишин 72
Засодимский П.В. 187
Захаров Н.Н. 27

Зибольд Ф. 118, 119
Знатовратский Н.Н. 187
Зола (Золя) Э. 187

И-Шань 25

Иванов В.Г. 192
Ивановский 18
Игнатов Н.П. 32
Искандер 187
Ишников В.И. 192

Калмыков 18

Кальпони 190
Кант И. 113, 139, 200
Карелин Г.С. 135
Карл Маркс 154, 187, 227
Карпентер 149, 215
Карус К. 152, 222
Катков М.Н. 187, 192, 195
Каульбарс А.В. 138
Кауфман К.П. 65, 76, 76
Кемптц (Кемц) Л.М. 13, 149, 216, 217
Кемпфер Э. 118
Кеплер Н. 147, 211
Кесслер К.Ф. 39
Кетлэ 187
Кипперт 100
Кирхгоф Г. 147, 211, 212
Клазиус (Клаузиус) Р. 209
Кларус 187
Клод 222
Клыков 129
Ковалевский Е.П. 41, 102
Коверский 187
Коллин 187
Кон 183
Кондратов 184
Константин Николаевич (Вел. кн.) 77, 159, 187, 193
Конфуций 157, 232
Коперник Н. 147, 211
Корелин 197
Корф М.Я. 181, 186
Костенко 197, 198
Котляревский 197
Коцебу О.Е. 114
Кочубей 186
Краевский 194
Кредпер 215

Кропоткин П.А. 87
Крузенштерн Н.Ф. 16, 118, 120
Крукс У. 201
Куаньяр 191
Кудрявцев П.Н. 16
Куинджи А.И. 37
Кун 198
Кутайсов 135
Куторга М.С. 18
Куторга С.С. 18
Кутузов М.А. 17
Кутузов М.И. 8, 10
Кутузова Е.П. 9, 10
Кувье Ж. 13, 140, 200, 214, 220
Кэмпфер 118

Лавуазье А. 200

Лайель Ч. 148, 214
Ламбер 91
Лаперуз Ж.Ф. 25, 126
Лаплас П. 113, 147, 211
Лассаль Ф. 154, 187, 227
Латкин 80
Лебболь 187
Лебедев 19
Леверье У. 147, 188, 211
Левитов В.С. 187
Левшин А.И. 126
Легисден 61
Леже 199
Лейбниц Г. 206
Лекки 187
Лемм Б.Ф. 100
Ленц Э.Х. 18, 20, 21, 36, 93, 109, 110, 116
Леонтьев А.И. 62
Лермонтов М.Ю. 11
Лесков Н.С. 187
Лессар 193
Лессепс 195
Летнев 187
Лезевитц 198
Ливей 90
Либих Ю. 13, 16
Линней К. 220
Литке Ф.П. 16, 32, 74, 112
Ломбар 87
Ломброзо Ч. 224, 229
Ломоносов М.В. 113
Лопатин И.А. 129

- Луббок 224
 Луи-Блан 187
 Льюис 187, 200
 Любина Г.И. 93
 Людоговский 129
 Лютостанский 187
- Маев Н.А.** 80, 138
Магеллан Ф. 112
Макаров С.О. 74
Максвелл Дж. 203
Макферлин 118
Макшеев А.И. 21, 27
Мальт Б. 119
Мамио-Ринзо 119
Маркизов В.И. 135
Марко Поло 98
Маркхем 66, 76
Маскар 208
Матусовский З.Л. 83, 138
Маффен 118
Менделеев Д.И. 6, 146, 202
Мержеевский 187
Мечников Л.И. 87
Миддендорф А.Ф. 22, 126
Миллер Г.Ф. 126
Миллер К. 187
Милль Дж. 187
Мильн (Милн)-Эдварс 149, 214, 215
Милютин Д.А. 19–21, 29, 32, 33, 40, 41, 70, 73, 74, 77–79, 82, 84, 93, 117
Милютин Н.А. 33, 147, 164
Минаков Е.И. 194
Миртов (Лавров) П.Л. 187
Мирошниченко 83
Михайлов 47
Михайлов А.Ф. 34
Михайлов М.Л. 187
Мичел 79
Мишле Ж. 187
Михайловский Н.К. 187
Молешот 187
Мольтке Х. 81
Мотгомери Т.Ж. 61, 70, 79, 100
Монтескье Ш. 88, 154, 155, 228
Монуар 91, 183, 196, 199
Мор Ф. 214
Мордвинов Н.С. 40, 41
Мордовцев Д.Л. 187
- Муравьев (Амурский) Н.Н.** 21–26, 102, 190
Муравьев (Карский) Н.Н. 135
Мушкетов Н.В. 38
Мушез 212
Мюллер 111
Мюрат Н. 198
- Назимов С.И.** 15
Небольсин П.И. 101
Невельской Г.И. 22, 25, 126
Некрасов Н.А. 16
Непир 83
Нефедов Ф.Д. 187
Никитенко А.В. 18
Николай I 12
Номулавский А.И. 192
Норденшельд Н. 183, 184
Ньютон И. 147, 150, 206, 211
- Обручев Н.Н.** 66, 73, 82
Овсянников 87
Огарев Н.И. 30, 36, 38, 49
Остен-Сакен Ф.Р. 74
Остроградский М.В. 12
Оуэн Р. 157, 232
Ошанин В.Ф. 38
- Павловский Д.М.** 16
Палладий 42
Паллас П.С. 126
Пастер Л. 143, 152, 200, 222, 235
Пашков 181
Певцов М.В. 116
Пермыкин Г.М. 23
Перовская С.Л. 185
Перье 195
Петрашевский А.В. 26
Петрашевский М.В. 12
Петри Э. 147
Петр I 10
Петр III 186
Писарев Д.И. 187
Пихафетт(а) А. 112
Платимур 87
Плейфор Д. 113
Победоносцев К.П. 181, 182, 189
Полонский Я.П. 194
Помяловский Н.Г. 187
Попов П.И. 23

- Поправский 183
 Португалов В.О. 187
 Постер Л. 143
 Посьет 190
 Потанин Г.Н. 83, 133
 Похитонов И.Д. 192
 Поярков В.Д. 23
 Пржевальский Н.М. 5, 35, 36, 83,
     87, 91, 116, 129, 161
 Приклонский П.Л. 187
 Пругавин 181
 Прудон П. 187
 Прыжов И.Г. 187
 Пугачев Е.И. 10
 Путятин Е.В. 23, 102, 118
 Пуше Ф. 149, 215
 Пушкин А.С. 11, 182
 Пфейфер 187
 Пьянков 138
- Раевский Н.Н.** 10
 Рассмондиева А.С. 192
 Ратцель Ф. 147, 155, 213, 228
 Раулинский 79
 Регель Э. 183
 Рейтерн 190
 Реклю Э. 87, 187
 Реннс 189
 Решетников Ф.М. 187
 Риттер К. 87, 113, 126, 133, 147, 154,
     155, 212, 213, 228
 Рихтгофен Ф. 47, 61
 Ровинский Дм. 186, 188, 197
 Рогачев Н.М. 192
 Розе Г. 215
 Родкевич С. 13
 Романес 204, 224
 Романов К.И. 129
 Ротчева 26
 Рошфор 187
 Росс Дж. 112, 200
 Руссо Ж. 157, 231
 Рувье 198
- Сабин** 112
 Савич А.Н. 18, 19, 38
 Савченко 186
 Сакс Ю. 152, 223
 Салтыков-Щедрин М.Е. 16, 180
 Самарский 189
- Свистунов А.И. 68
 Сгибнев 118
 Северцов Н.А. 133, 138
 Сей Ж.Б. 154
 Секки А. 143, 147, 203, 212
 Сельский И.С. 126
 Семенов-Тянь-Шанский П.П. 5, 74,
     78, 80, 159, 161
 Семевский М.И. 196
 Серен 187
 Сеченов Н.М. 187
 Скачков 42
 Слепцов В.А. 126
 Словцев П.А. 126
 Смит Ад. 187
 Смит У. 214
 Спелль (Спеллиус) В. 188
 Соболев 138
 Соколов 188
 Солдатенко К.Т. 91
 Солье 118
 Соммервиль М. 209
 Спальдинг 79
 Спенсер Г. 187
 Спиноза Б. 145, 207
 Старицкий 83
 Старцев 42
 Стебницкий И.И. 91, 181
 Стенфорд 76
 Столетов Н.Г. 135, 138
 Стромберг А.П. 192
 Стречи 98, 100
 Строгановы 186
 Струве В.Я. 19
 Суворин А.С. 187, 195
 Суворовцев Д.Я. 192
 Суханов Н.Е. 192
 Сюдр 187
- Тигем В.** 152
 Тилло А.А. 91, 181
 Тишевский 184
 Тиханович А.П. 192
 Толстой Д.А. 181, 182, 189,
     194
 Толстой Л.Н. 144, 199, 226
 Томсон (Томсен) В. 203, 215
 Тедьяковский (Тредиаковский) В.К.
     234
 Тумберг 118

Тургенев И.С. 16
Тювачев И.П. 192
Уайвиль 215
Ульковский 31
Уокер 76
Услар 107

Фази 87
Фай Э. 149, 195, 215, 217
Фарадей М. 146, 203, 209
Федченко А.П. 133, 138
Фельдман Ф.А. 73
Ферма П. 206
Ферри 182
Федоров 100
Фигнер М.Н. 192, 193
Флеровский И.Ф. 187
Фокт 187
Фоль 87
Фонвизина Н.С. 30
Фор 87
Форель Ф. 149, 215
Фори 198
Форсайдс 83
Форсит 61
Форстер Г. 114
Фохт (Фогт) К. 87, 91, 204, 214
Франц-Иосиф I 184
Френкель О. 203, 208
Фридель Ш. 210
Фриччи(е) 42
Фролов Н. 93
Фуко (Фуке) Ж. 214

Хабаров Е.П. 23
Халтурин С.Н. 87
Ханыков Н.В. 27, 78, 80, 100

Химлей 195, 196
Хюттон 213, 214
Хюэнь Цзань 98

Шамиссо А.Л. 114
Шварц 129
Швейцер 187
Шелгунов Н.В. 187
Шеффле А. 154, 227
Шишмарев Я.П. 23
Шлагинвейт 98
Шлейден 13
Шоффур 182
Шренк Л.И. 129
Шурр 187
Шувалов П.А. 34, 39, 78, 79, 81

Шапов А.П. 187

Эдвардс 149, 215
Эдвардс М. 13
Эйхвальд 13
Эльфистон 98
Энгельгардт 119
Эрстед Х. 146, 209

Чебышев П.Л. 18
Чемоданова Л.В. 192
Чернышевский Н.Г. 16, 34, 187
Черткова 181
Чихачев П.А. 27, 98
Чичерин 184

Ядринцев Н. 181
Языков П.А. 21, 93, 147
Ястрежембский Ф.Л. 12

Оглавление

Предисловие	5
Глава 1	
Детские и юношеские годы	8
Глава 2	
Первые шаги военной службы и самообразования	15
Глава 3	
В Сибири, на Дальнем Востоке, в Средней Азии и на Кавказе	22
Глава 4	
Служебная деятельность в Польше. Путешествие по Европе	33
Глава 5	
Путешествие в Китай и Японию (1868–1870 гг.)	40
Глава 6	
В Главном (Генеральном) штабе и Русском географическом обществе (1871–1877 гг.)	60
Глава 7	
Эмиграция и научная деятельность за рубежом	86
Глава 8	
Географические работы и идеи М.И. Венюкова. Его роль в развитии географии	93
Глава 9	
Мировоззрение М.И. Венюкова и его взгляды на науку	139
Послесловие	161
Основные даты жизни и деятельности М.И. Венюкова	162
Литература о М.И. Венюкове	165
Библиография трудов М.И. Венюкова	167
Приложения к моим воспоминаниям	179
Именной указатель	236

Научно-биографическое издание

Есаков Василий Алексеевич
Михаил Иванович Венюков
(1832–1901)

Утверждено к печати
Редколлегией серии
“Научно-биографическая литература”
Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.А. Степанова*
Редактор *М.И. Азизян*
Редактор-организатор *Н.В. Заяц*
Художник *Е.А. Быкова*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *О.В. Аредова*
Корректоры *А.В. Морозова,*
В.М. Ракитина, Е.Л. Сысоева

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 31.01.2002

Формат 60 × 90^{1/16}. Гарнитура Таймс

Печать офсетная

Усл. печ. л. 15,5. Усл. кр.-отт. 15,8. Уч.-изд. л. 17,0

Тираж 310 экз. Тип. зак. 3106

Издательство “Наука”

117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru

Internet: w.w.w.naukaran.ru

Санкт-Петербургская типография “Наука”

199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

Есаков В.А.

Михаил Иванович Венюков, 1832–1901/В.А. Есаков. –
М.: Наука, 2002. – 242 с.: ил. – (Науч.-биогр. лит.).
ISBN 5-02-022722-6

Эта книга – научная биография выдающегося русского путешественника, географа и этнографа Михаила Ивановича Венюкова. Выходец из бедной дворянской семьи, он избрал нелегкий путь в жизни – военную службу. Увлечение наукой и прогрессивные идеи привели его к решению выйти в отставку. Отказавшись от генеральской пенсии, М.И. Венюков эмигрировал из России. Он жил в Швейцарии и во Франции, занимался любимым делом – исследованием стран и народов азиатского континента. Ученый много сделал для популяризации русской науки. М.И. Венюков – автор оригинального учебника по физической географии и ряда страноведческих географических работ.

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ “АКАДЕМКНИГА”

Магазины “Книга–почтой”

121009 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 75; (код 812) 235-05-67

Магазины “Академкнига” с указанием отделов “Книга–почтой”

690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 (“Книга–почтой”); (код 4232) 5-27-91
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 (“Книга–почтой”); (код 3432) 55-10-03
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 (“Книга–почтой”); (код 3952) 46-56-20
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
220012 Минск, проспект Ф.Скорины, 72; (код 10375-17) 232-00-52, 232-46-52
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79
103054 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96
103624 Москва, Б. Черкасский пер., 4; 298-33-73
630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 (“Книга–почтой”); (код 3832) 35-09-22
142292 Пушкино Московской обл., МКР “В”, 1 (“Книга–почтой”); (13) 3-38-60
443022 Самара, проспект Ленина, 2 (“Книга–почтой”); (код 8462) 37-10-60
191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; (код 812) 328-32-11
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т, 4; (код 812) 247-70-39
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16;
(код 812) 323-34-62
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 22-60-36
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 (“Книга–почтой”); (код 3472) 24-47-74
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

Коммерческий отдел, г. Москва
Телефон 241-03-09
E-mail: akadem.kniga@g.23.relcom.ru
Склад, телефон 291-58-87
Факс 241-94-64

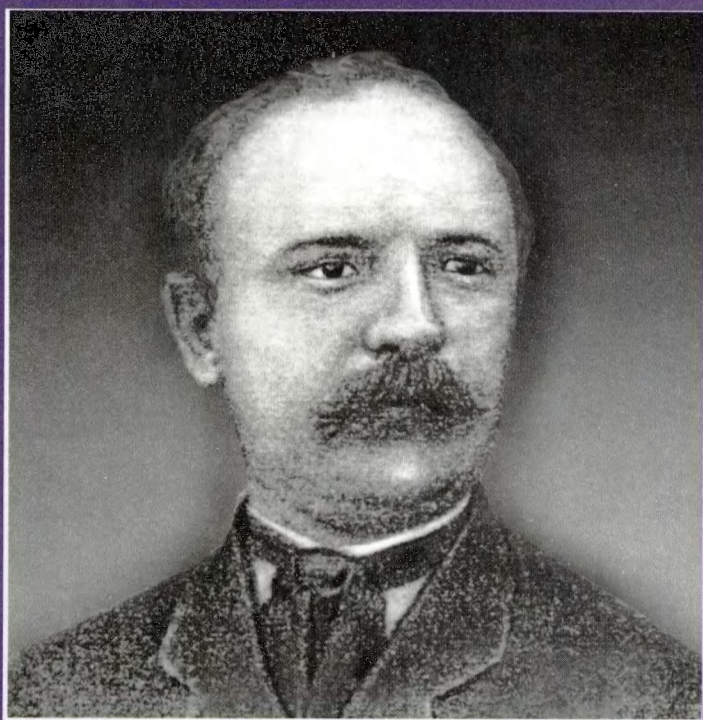
*По вопросам приобретения книг
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (095) 334-98-59
E-mail: [initsiat @ naukaran.ru](mailto:initsiat@naukaran.ru)
Internet: www.naukaran.ru*

Михаил Иванович ВЕНЮКОВ

В. А. Есаков

**НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

В. А. Есаков

**Михаил
Иванович
ВЕНЮКОВ**

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Жизнь и научная деятельность М. И. Венюкова вошла в историю мировой и отечественной науки как пример преданности благородным стремлениям и помыслам. Ученый, поставивший задачей изучить мир, в котором живет человечество, выяснить закономерности развития природы и общества, взаимоотношения между людьми и природой, сделал столько, что этого хватило бы на целый коллектив ученых.

ISBN 5-02-022722-6

9 785020 227224